

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

6

1 9 7 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

6
1973

СОДЕРЖАНИЕ

- В. В. Зеленин.* Важная историческая веха (К 30-й годовщине Второй сессии Антифашистского веча народного освобождения Югославии). 11
- И. В. Михутина.* СССР и польско-германское сближение на рубеже 1933—1934 годов 11
- И. И. Лециловская, В. И. Фрейдзон.* Революция 1848—1849 годов и угнетенные народы Австрийской империи 29
- М. Власова.* Новеллизация гавенды в творчестве Дыгасиньского 51
- Ю. В. Бромлей, Н. Н. Грацианская.* Этнографические аспекты карпатоведения (в связи с работой Международной комиссии карпатской культуры) 62
- Г. П. Клепикова.* Об изучении лексических заимствований из румынского языка в карпато-украинских говорах 72

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

- Й. Грозиенчик.* (ЧССР). Неудлы и Советский Союз 81

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Н. Яковлев.* Цола Драгойчева. Повеля на дълга (Спомени и размисли) 85
- Ф. А. Молок.* Cestmír Amort. Priatelé Sovétského Svazu 86
- С. Стецкевич.* «Kwartalnik Historii Ruchu Zawodowego» 87
- А. М. Орехов.* Новая книга о русско-польских революционных связях в XIX веке 89

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
в 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>А. Каждан.</i> A. Stauridu-Zaphraka. Ne synantese Symeon kai Nikolau Mystiku (augustos 913) sta plaisia tu byzantinobulgariku antagonismu	92
<i>В. Кадацкий.</i> Новый журнал болгарских историков	93
<i>И. К. Горский.</i> Издано в Польше	95
<i>В. Хорев.</i> Tadeusz Wujnicki. Władysław Broniewski	96
<i>И. М. Порочкина.</i> Серьезный вклад в изучение чешского реализма	98
<i>А. В. Липатов.</i> Ренессанс и барокко в новейших польских исследованиях	100

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1973 г.	104
Содержание иностранных журналов	109

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Л. Титова.</i> В Комитете по изучению славянских культур при Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО	111
<i>В. В. Зеленин.</i> Новая исследовательская комиссия Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы	112
<i>Е. П. Наумов.</i> Кишиневский симпозиум «Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма»	113
<i>Т. Менская.</i> Симпозиум по проблемам карпатского языкознания	114
<i>Н. С. Можейко.</i> Республиканская конференция славистов в Минске	116
<i>Стефан Великов</i> (НРБ). Защита диссертации	118
<i>София Леснякова</i> (ЧССР). Советский Союз и словацкая литература	119
<i>Иштван Фрид</i> (ВНР). Интерес к славистике в Венгрии	121
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1973 г.	124

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, Н. С. МИЛЛЕР, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30 а. Телефон 290-27-40

В. В. ЗЕЛЕНИН

ВАЖНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ВЕХА

(К 30-й ГОДОВЩИНЕ ВТОРОЙ СЕССИИ АНТИФАШИСТСКОГО
ВЕЧА НАРОДНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ЮГОСЛАВИИ)

29 ноября 1943 г. — знаменательная дата в истории народов Югославии. В этот день в боснийском городке Яйце состоялась II сессия Антифашистского веча народного освобождения Югославии, на которой были приняты исторические решения, сыгравшие выдающуюся роль в ходе и развитии Народно-освободительной войны и революции в Югославии.

В этих решениях отразились значительные военные успехи, достигнутые всенародным освободительным движением под руководством Коммунистической партии Югославии в течение двух с половиной лет Народно-освободительной войны против фашистских оккупантов и их пособников, были зафиксированы важные изменения, происшедшие за это время в общественно-политической жизни страны.

Для того чтобы иметь возможность оценить значение решений II сессии АВНОЮ и определить их место в общем процессе революционных преобразований, совершавшихся в Югославии в ходе антифашистской освободительной войны, напомним их содержание.

Сессия приняла Декларацию, в которой содержалась всесторонняя политическая оценка развития Народно-освободительной войны в Югославии. «На протяжении двух с половиной лет героической борьбы против оккупантов и их пособников, — указывалось в Декларации, — в народных массах Югославии были уничтожены остатки великосербской гегемонистической политики, были разгромлены попытки внести в наши ряды взаимную ненависть и раздор и одновременно с этим были разгромлены остатки реакционного сепаратизма. Этим были созданы не только материальные и общеполитические, но и все моральные условия для создания будущего братского федеративного содружества наших народов, новой Югославии, построенной на равноправии ее наций. И поэтому именно сейчас, когда они стоят перед окончательным изгнанием оккупантов из своей страны, народы Югославии обоснованно требуют, чтобы было создано такое государственное руководство, которое и по своему составу и по своей программе будет гарантией того, что всем народам Югославии в федеративной Югославии будет действительно обеспечено полное равноправие».

«Большой вклад наших народов в общую борьбу против фашистских захватчиков, — говорилось далее, — сегодня уже признается всеми участниками антигитлеровского блока. Но этого недостаточно. Народы Югославии с основанием требуют от Союзников и от своих друзей, чтобы была признана не только их борьба против оккупантов, но и их свободная демократическая воля. Народы Югославии по праву требуют, чтобы была пре-

кращеца поддержка, которая за границей все еще в известной степени оказывается предательскому эмигрантскому югославскому правительству и клике вокруг него. В то же время народы Югославии по праву требуют, чтобы за границей были признаны и уважались органы их народной власти, возникшие в ходе нынешней войны»¹.

В Декларации указывалось, что сессия принимает следующие решения:

«1) что Антифашистское вече народного освобождения Югославии конституируется как верховный законодательный и исполнительный представительный орган Югославии, являющийся верховным выразителем суверенитета народа и государства Югославии как единого целого, и учреждается Национальный комитет освобождения Югославии как орган, обладающий всеми признаками народного правительства, через посредство которого Антифашистское вече народного освобождения Югославии будет осуществлять свои исполнительные функции;

2) что предательское югославское эмигрантское „правительство“ лишается всех прав законного правительства Югославии и особенно права представлять народы Югославии где бы то ни было и перед кем бы то ни было;

3) что должны быть пересмотрены все международные договоры и обязательства, которые, находясь за границей, от имени Югославии заключили эмигрантские „правительства“, либо с целью их аннулирования, либо заключения новых, либо их одобрения и что не признаются международные договоры и обязательства, которые в будущем, возможно, заключит находясь за границей, эмигрантское так называемое правительство;

4) что Югославия строится на демократическом федеративном принципе как государственное содружество равноправных народов»².

Содержащиеся в Декларации важнейшие решения были конкретизированы в специальных постановлениях II сессии АВНОЮ.

Так, в Постановлении о Верховном законодательном и исполнительном представительном органе Югославии и Национальном комитете освобождения Югославии как временных органах верховной народной власти на время Народно-освободительной войны указывалось, что АВНОЮ избирает свой президиум, являющийся выразителем суверенитета народа и государства в период между его сессиями. Президиум АВНОЮ назначает Национальный комитет освобождения Югославии — высший исполнительный и распорядительный орган власти в стране. Президиум АВНОЮ состоит из председателя, его пяти заместителей, двух секретарей и 40 членов. Национальный комитет освобождения Югославии имеет в своем составе председателя, трех его заместителей и необходимое число поверенных (т. е. министров. — В. З.) в зависимости от объема задач.

Постановление о лишении так называемого югославского правительства за границей прав законного правительства Югославии и запрещении возвращения в страну королю Петру II Карагеоргиевичу предусматривало, что вопрос о короле и монархии народ окончательно решит после освобождения страны.

В Постановлении о строительстве Югославии на федеративном принципе говорилось:

«Чтобы был осуществлен принцип суверенности народов Югославии, чтобы Югославия была подлинной родиной для всех своих народов и чтобы она никогда не стала вотчиной какой бы то ни было гегемонистической клики, Югославия строится и будет построена на федеративном принципе, который обеспечит полное равноправие сербов, хорватов, словенцев,

¹ «Prvo i Drugo zasedanje AVNOJ-a». Beograd, 1953, s. 222 i sl.

² Ibid., s. 223.

македонцев и черногорцев, соответственно народов Сербии, Хорватии, Словении, Македонии, Черногории, Боснии и Герцеговины.

В этом же Постановлении провозглашалось обеспечение национальных прав всех национальных меньшинств, проживающих в стране.

Специальными постановлениями были отмечены заслуги Народно-освободительной армии Югославии и ее верховного главнокомандующего Иосипа Броз Тито и выражена благодарность им, учреждено высшее воинское звание «Маршал Югославии», утверждены принятые до II сессии решения, постановления и заявления Исполнительного комитета АВНОЮ и Верховного штаба НОАЮ, заявлено о желании населения Словенского Приморья, Истрии, Венецианской Словении, хорватских городов и островов, входивших в состав Италии, воссоединиться с Югославией.

На своем первом заседании 30 ноября 1943 г. Президиум АВНОЮ присвоил Иосипу Броз Тито звание Маршала Югославии и назначил его председателем Национального комитета освобождения Югославии.

Таково содержание принятых II сессией АВНОЮ решений, сыгравших, как известно, огромную роль в коренном преобразовании югославского общества из капиталистического в социалистическое.

В исследовании процессов, составляющих переход от капитализма к социализму, немаловажное место занимает выявление этапов этого процесса, их оценка. Анализ решений II сессии АВНОЮ, на наш взгляд, позволяет определить их место в общем процессе социалистической революции в Югославии³. Рассмотрим, какие процессы скрывались за каждым решением II сессии АВНОЮ.

Решение о преобразовании Антифашистского веча народного освобождения Югославии в верховный законодательный и исполнительный орган власти в стране и об учреждении Национального комитета освобождения как органа, обладающего всеми признаками временного народного правительства, по существу отразило факт завершения строительства сложившейся в ходе Народно-освободительной войны системы новых органов власти в форме народно-освободительных комитетов.

Как известно, народно-освободительные комитеты возникли в 1941 г. на освобожденных территориях как органы народно-освободительного движения, главной функцией которых было обеспечение тыла сражавшихся с оккупантами и их пособниками партизанских отрядов: снабжение их продовольствием, одеждой и обувью, забота о раненых и больных, о беженцах и немущем населении, поддержание порядка в деревнях и городах и т. д. При этом они исполняли и некоторые функции местных органов власти, поскольку на освобожденных территориях уничтожался старый аппарат государственной власти, перешедший на службу оккупантам⁴. По мере роста масштабов Освободительной войны, охвата ею все больших территорий страны система народно-освободительных комитетов разветвлялась и расширялась, а функции их усложнялись. Наряду с сель-

³ «Не подлежит никакому сомнению, что как единый, непрерывный процесс югославская революция по своей общей направленности и конечным результатам послала социалистический характер, а установленная революционной борьбой югославских народов новая власть утвердилась как диктатура пролетариата. Этот общественно-исторический факт, с нашей точки зрения, не является и не может являться предметом научной дискуссии. Предметом научного исследования является другое — анализ того, как развивалась революция, анализ механизма революционного процесса» (Л. Я. Г и б и а н с к и й. Проблемы исследования революции и становления народной власти в Югославии. «Советское славяноведение», 1972, № 6, стр. 45).

⁴ Наиболее подробно вопрос о характере народно-освободительных комитетов рассмотрен в монографии Д. Живковича (D. Živković. Postanak i razvitak narodne vlasti u Jugoslaviji 1941—1942. Beograd, 1969).

скими и городскими создавались общинные, уездные и окружные народно-освободительные комитеты и, наконец, народно-освободительные комитеты ряда исторических областей и национальных земель. При этом наряду с народно-освободительными комитетами на освобожденных территориях, где они осуществляли всю полноту власти, создается сеть подпольных комитетов в оккупированных еще районах, пользовавшихся большим авторитетом среди населения.

Следует отметить, что к моменту созыва I сессии АВНОЮ в Бихаче (ноябрь 1942 г.), хотя народно-освободительные комитеты уже имели полуторагодовой опыт и приобрели непререкаемый авторитет в народных массах не только как политические органы народно-освободительного движения, но и как органы новой революционной власти, строительство их как системы еще не было завершено. Этим, наряду с другими причинами, объясняется тот факт, что на своей I сессии Антифашистское вече народно-освобождения Югославии конституировалось как общеполитический орган, а не как верховный орган законодательной и исполнительной власти. Однако уже на этом этапе ощущалась необходимость координации деятельности народно-освободительных комитетов в масштабе всей страны, и это стало одной из функций АВНОЮ и его Исполнительного комитета, избранного на I сессии⁵. Более того, в составе Исполнительного комитета АВНОЮ были созданы отделы, возглавляемые его членами и ведавшие отдельными отраслями общественно-политической и хозяйственной жизни страны (внутренних дел, здравоохранения, социальной защиты, хозяйственный, по вопросам вероисповеданий, пропаганды)⁶. Эти отделы являлись высшей инстанцией по отношению к народно-освободительным комитетам всех степеней⁷ и представляли собой зародыши будущих министерств.

За период между I и II сессиями АВНОЮ происходило дальнейшее строительство системы народно-освободительных комитетов, причем преимущественно в ее высшем звене⁸. Особенно это проявилось в создании антифашистских вече в национальных землях⁹. И хотя этот процесс к моменту созыва II сессии АВНОЮ формально еще полностью не завершился (не были созданы антифашистские вече в Сербии и Македонии), этот факт уже не имел принципиального значения, и можно с полным основанием говорить о создании системы народно-освободительных комите-

⁵ В резолюции об образовании АВНОЮ указывалось, что «представители всех земель Югославии, собравшись в свободном Бихаче, решили создать Антифашистское вече народного освобождения Югославии — высший политической орган, отражающий сложившееся прочное единство народов Югославии, выражающий их несокрушимую волю к победе над оккупантами и над всеми их прислужниками и пособниками, как орган, который еще больше разовьет и объединит усилия народно-освободительных комитетов и всех других народных массовых антифашистских организаций в освобожденных и в еще не освобожденных частях нашей страны» («Bihaćka republika», knj. 2. Zbornik dokumenata. Bihać, 1965, s. 226).

⁶ Ibid., s. 236.

⁷ F. Č u l i n o v i ć. Neki problemi u vezi s razvojem AVNOJ-a. В кн. «Značenje Drugog zasjedanja AVNOJ-a za socijalističku revoluciju u Jugoslaviji». Zagreb, 1963, s. 59.

⁸ P. M o g a č a. O osnovnim predpostavkama državotvornih odluka Drugog zasjedanja Avnoja. «Prilozi za istoriju socijalizma», sv. 6. Beograd, 1969, s. 28.

⁹ 13—14 июня 1943 г. было создано Антифашистское вече народного освобождения земли Хорватии; 1—3 октября Исполнительный комитет Освободительного фронта Словении был реорганизован в Президиум Народного народно-освободительного комитета; 15—16 ноября было провозглашено создание Антифашистского вече народного освобождения земли Черногории и Боки Которской, а 26—27 ноября — земли Боснии и Герцеговины; в ноябре было создано Антифашистское вече земли Санджак (V. S t r u g a r. Jugoslavija 1941—1945. Beograd, 1969, s. 204—208).

тов снизу доверху в масштабе всей страны¹⁰. И создание этой системы органов власти нашло свое полное завершение в преобразовании АВНОЮ в верховный законодательный и исполнительный орган и учреждении Национального комитета освобождения Югославии с функциями временного народного правительства.

Следующие решения, касающиеся эмигрантского королевского правительства, вытекают из первого, т. е. из факта создания нового народного правительства в лице Национального комитета освобождения Югославии, и основываются на той части Декларации, где содержится оценка антинародной деятельности четников Д. Михайловича и поддерживавшего его эмигрантского правительства. Постановление о запрещении возвращения короля в страну и указание на то, что решение вопроса о монархии откладывается до окончания войны, хотя и не предрешало будущее политическое (республиканское) устройство страны, но со всей очевидностью говорило о том, что этот вопрос поставлен на очередь дня¹¹.

Огромное значение имело решение II сессии АВНОЮ о федеративном устройстве будущего югославского государства, обеспечивающем равноправие всех народов и народностей Югославии. Это устройство было полным отрицанием всего предшествующего развития объединенного югославского государства, строившегося на гегемонии великосербской буржуазии, на подавлении национальных прав несербских народов.

Интересно хоть в общих чертах проследить развитие идеи югославского федерализма и ее воплощение на практике в ходе Народно-освободительной войны.

Исходя из права наций на самоопределение, отстаивая принцип полного равноправия всех народов и народностей Югославии, КПЮ строила свою организационную структуру с учетом национального состава страны, а не в соответствии с административным делением государства, являвшимся полным отрицанием наличия в Югославии ряда самостоятельных наций. В 1937 г. были созданы центральные комитеты коммунистических партий Хорватии и Словении, в других национальных землях имелись краевые комитеты КПЮ. Уже в самом начале Народно-освободительной войны элементы федеративного устройства нашли свое достаточно четкое выражение в структуре военного руководства. На совещании в Стблицах в сентябре 1941 г. была утверждена четкая организация освободительных вооруженных сил: в каждой национальной земле они возглавлялись главным штабом партизанских отрядов данной земли, общее руководство осуществлял Верховный штаб народно-освободительных партизанских отрядов Югославии. Вся военная организация народно-освободительного движения снизу доверху находилась под непосредственным руководством КПЮ¹². При этом следует учитывать, что на первом этапе Народно-освободительной войны военные руководства осуществляли также весьма

¹⁰ К моменту созыва II сессии АВНОЮ в Югославии имелось несколько тысяч сельских и городских, около 800 общинных, 240 уездных, 51 окружной и 14 краевых и областных народно-освободительных комитетов, действовавших под руководством антифашистских вече национальных земель (V. S t r u g a r. Ibid., s. 204).

¹¹ Интересно отметить, что на местах в процессе подготовки ко II сессии АВНОЮ его депутатам давались указы, содержавшие требования о запрещении возвращения в страну короля и эмигрантского правительства, провозглашения демократической республики, федеративного устройства страны (см. Н. S i r o t k o v i ć. ZAVNO prema Drugom zasjedanju AVNOJ-a. В кн. «Značenje Drugog zasjedanja AVNJO-a...», s. 121).

¹² В ряде случаев состав партийного и военного руководства тесно переплетался, так как многие штабы формировались из членов соответствующих партийных комитетов. Например, почти все члены Политбюро ЦК КПЮ вошли в состав Верховного штаба.

широкие политические и административные функции, позднее перешедшие к народно-освободительным комитетам¹³. Благодаря этому федеративное устройство военной организации народно-освободительного движения явилось одним из этапов в процессе переустройства страны на федеративных началах.

Необходимо отметить, что окончательная структура Югославии как федеративного государства выкристаллизовалась не сразу. Первоначально наравне с шестью национальными землями выступает и Санджак, где в конце 1941 г. был создан Главный штаб, а в ноябре 1943 г. — Антифашистское вече¹⁴. В I сессии АВНОЮ принимала участие самостоятельная делегация от Санджака¹⁵. Лишь на II сессии АВНОЮ была окончательно принята структура из шести федеральных единиц — Сербии, Хорватии, Словении, Македонии, Черногории и Боснии и Герцеговины¹⁶.

Федеративное устройство Югославии, закрепленное в решениях II сессии АВНОЮ, было крупным историческим завоеванием всех народов Югославии. Оно соответствовало их чаяниям, отражало принцип равноправия наций, лучше всего обеспечивало их право на самоопределение.

Решения II сессии АВНОЮ, подводящие итог предшествующему развитию, показывают, что к концу 1943 г. в ходе Народно-освободительной войны в Югославии возникло новое государство, представлявшее собою законченную систему народно-освободительных комитетов снизу доверху.

Отличительной чертой этой новой власти был ее широкий демократизм. Ее органы избирались на собраниях граждан всеобщим прямым открытым голосованием, причем главным критерием при выборах депутата была его преданность делу борьбы за освобождение родины, доказанная на деле. Право избирать и быть избранными получили все граждане в возрасте от 18 лет, а активные участники борьбы — до достижения этого возраста (таким образом впервые избирательные права получили женщины и молодежь)¹⁷. Народно-освободительные комитеты всех степеней были ответственны перед народом и находились под непосредственным действительным контролем масс. Таким образом новая система власти строилась на принципах подлинной (народной), а не формальной (буржуазной) демократии. При этом создание нового аппарата власти сопровождалось уничтожением всех звеньев старой государственной машины и стоящего над нею оккупационного аппарата. Следует еще раз отметить, что к концу рассматриваемого периода наряду с сетью народно-освободительных комитетов на освобожденных территориях имелась и достаточно разветвленная сеть подпольных органов власти в оккупированных районах страны, пользовавшихся большим авторитетом в народных массах¹⁸. По мере освобождения новых районов страны эти комитеты брали в свои руки всю полноту

¹³ Верховный штаб разработал основополагающие документы и инструкции о создании и деятельности народно-освободительных комитетов; от его имени были разосланы приглашения на I сессию АВНОЮ; многие штабы партизанских отрядов на местах на первых порах назначали народно-освободительные комитеты, руководили их работой.

¹⁴ V. S t r u g a r. Ibid., s. 65, 108.

¹⁵ «Bihaćka republika», knj. 2, s. 191.

¹⁶ Об обеспечении прав национальных меньшинств в Декларации АВНОЮ было сказано в общей форме, вопрос об автономии Воеводины и Косова и Метохии поставлен не был.

¹⁷ См. Z. L a k i ć. ZAVNO Crne Gore i Voke i Drugo zasjedanje AVNOJ-a. В кн. «Značenje Drugog zasjedanja AVNOJ-a...», s. 150.

¹⁸ Об их высокой эффективности свидетельствуют многочисленные примеры из деятельности органов народной власти в Словении, Далмации и ряде других районов, где подпольные народно-освободительные комитеты были в полном смысле слова «государством в государстве».

власти¹⁹. Последнее обстоятельство позволяет сделать вывод, что власть народно-освободительных комитетов ко времени II сессии АВНОЮ стала постоянной, а старая государственная машина, удерживавшаяся лишь на штыках оккупационных войск,— временной. Временный характер некоторых свободных территорий дела не меняет.

Для определения классового содержания новой народной власти необходимо рассмотреть комплекс осуществлявшихся ею социально-экономических мероприятий²⁰.

С самого начала вооруженной освободительной борьбы для ее материального обеспечения создается народно-освободительный фонд, формирующийся путем конфискации государственного имущества (денежные средства из банков и других кредитных учреждений, материалы, особенно военные, из государственных складов и др.), частной собственности пособников оккупантов, спекулянтов, противников народной власти и т. д. И хотя эта мера проводилась не по классовому признаку, а в качестве наказания за национальную измену, она в конечном счете носила классовый характер, так как проводилась от имени и в интересах трудящихся масс, возглавляемых рабочим классом под руководством КПЮ, и была направлена в первую очередь против буржуазии, предавшей национальные интересы страны. Это имущество становилось «народной собственностью», прообразом, зародышем коллективной (социалистической) собственности. Ею распорядились народно-освободительные комитеты.

Производственные объекты (фабрики, рудники, мастерские, мельницы и др.), ставшие общенародной собственностью, пускаются в ход, и их продукция используется в первую очередь на нужды фронта. Рабочие этих предприятий, осознавая себя их хозяевами, отдают все силы ударному труду.

Создание народно-освободительного фонда позволяет народно-освободительным комитетам проводить определенную социальную политику в интересах неимущих слоев населения: оказывается материальная помощь беднякам, беженцам, семьям партизан. Одновременно проводятся меры по ликвидации феодально-капиталистических форм эксплуатации: отменяются все виды ренты (издольщина и др.), объявляется мораторий на выплату долгов, аренды и т. д.

В деятельности народно-освободительных комитетов наблюдаются элементы военного коммунизма. Для снабжения партизанских отрядов и Народно-освободительной армии применяется реквизиция, расквартированные в деревнях войска крестьяне добровольно снабжают продовольствием²¹.

Земля, перешедшая в собственность народа, обрабатывается коллективным трудом, преимущественно трудом молодежных рабочих бригад, создаются подсобные хозяйства при госпиталях, так называемые «молодежные сады» — зародыши будущих сельскохозяйственных трудовых кооперативов (задруг).

¹⁹ Так, например, народно-освободительный комитет города Сплита в момент капитуляции Италии, опираясь на поддержку народных масс, взял власть в свои руки и приступил к разоружению итальянских войск до подхода частей НОАЮ.

²⁰ Обзор этих мероприятий содержится в очень интересной статье Б. Петрановича (B. P e t r a n o v i ć. O p r o m e n a m a u d r u š t v e n o - e k o n o m s k o j s t r u k t u r i J u g o s l a v i j e u t o k u n a r o d n o o s l o b o d i l a č k e b o r b e (1941—1945). «Prilozi za istoriju sozjalizma», sv. 6, 1969), из которой нами взят материал для этого сюжета.

²¹ В разработанном в Фоче документе — «Задачи и устройство народно-освободительных комитетов» указывалось (§ 9), что в случае необходимости комитеты имели право производить реквизиции у «закиточных собственников» (B. P e t r a n o v i ć. Ibid., s. 65).

Все эти мероприятия, несмотря на то что они не носили всеохватывающего характера, что объяснялось специфическими условиями партизанской войны в Югославии, представляли собой начало коренных социально-экономических преобразований, далеко выходявших за пределы обычных буржуазно-демократических реформ. Все, что было уже сделано к моменту созыва II сессии АВНОЮ, красноречиво говорит о том, что революционный процесс зашел очень глубоко и что в Югославии в ходе Народно-освободительной войны совершалась социальная революция в форме народно-демократической революции. При этом соотношение классовых сил внутри страны радикально изменилось в пользу революционных сил, возглавляемых рабочим классом под руководством Коммунистической партии Югославии. Разгром контрреволюционной югославской буржуазии, в той или иной форме связавшей свою судьбу с фашистскими оккупантами, был предрешен всем ходом второй мировой войны, вступившей после Сталинградской и Курской битв в свою завершающую фазу. Практически единственную угрозу для революционных сил представляли прозападные круги югославской буржуазии, группировавшиеся вокруг короля и эмигрантского правительства и пользовавшиеся широкой поддержкой реакционных кругов Англии и США. Решения II сессии АВНОЮ, лишившей эмигрантское правительство прав законного правительства Югославии и запрещавшее возвращение короля до окончания войны, наносили самый сильный удар по этой фракции югославской контрреволюционной буржуазии. Военный разгром четников и их политическое разоблачение еще больше ослабляло ее. Однако поддержка, оказываемая ей правительствами Англии и США, представляла существенную угрозу для революционных завоеваний трудящихся Югославии. В связи с этим на завершающем этапе войны к задачам внутреннего плана (полное освобождение страны, продолжение и углубление социально-экономических преобразований), которые предстояло решить революционным силам, присоединились задачи обеспечения международного признания, а по сути дела признания со стороны правительств Англии и США революционно-демократических завоеваний трудящихся Югославии. Эта задача, как мы уже видели, была выдвинута в Декларации II сессии АВНОЮ, где от имени народов Югославии содержалось требование, «чтобы была признана не только их борьба против оккупантов, но и их свободная демократическая воля».

После II сессии АВНОЮ эта задача была успешно решена народно-освободительным движением Югославии, опиравшимся на всестороннюю военную, политическую, дипломатическую и материальную поддержку Советского Союза ²².

Решения II сессии АВНОЮ составляли незыблемую основу, фундамент, на который опирались революционные силы Югославии в сложных перипетиях дипломатической и политической борьбы 1944—1945 гг. ²³.

29 ноября 1943 г. вошло в историю революционной борьбы трудящихся Югославии как важнейшая историческая веха на пути перехода от старого мира к новому, от капитализма к социализму.

²² См. Л. Я. Гибанский, В. В. Зеленин. СССР и борьба югославских трудящихся за народную республику (1941—1945). «Советское славяноведение», 1970, № 6.

²³ В советской историографии эти проблемы наиболее полно освещены в работах Л. Я. Гибанского: «Расстановка классовых сил в Югославии в 1944—1945 гг.» («Советское славяноведение», 1967, № 1), «Разгром буржуазной оппозиции и закрепление победы народной революции в Югославии (июнь 1945 — январь 1946)» («Советское славяноведение», 1968, № 3), «Потсдам и Югославия» («Новая и новейшая история», 1970, № 4), «К истории триестского кризиса» («Славяне и Россия», М., 1972) и др.

И. В. МИХУТИНА

СССР И ПОЛЬСКО-ГЕРМАНСКОЕ СБЛИЖЕНИЕ НА РУБЕЖЕ 1933—1934 ГОДОВ

12 октября 1933 г. гитлеровское правительство официально заявило об уходе с Конференции по сокращению и ограничению вооружений, а 19 октября — о выходе из Лиги наций. Мировая общественность была глубоко взволнована действиями германского правительства, означавшими рост военной опасности. Правящие круги империалистических государств, поощрявшие германский империализм к агрессии против Советского Союза, также проявили беспокойство, опасаясь, что гитлеровское правительство, освободившееся от версальских ограничений, не будет считаться с их интересами¹.

Советское правительство в полной мере понимало серьезность последствий выхода Германии из международных организаций. 16 октября 1933 г. народный комиссар иностранных дел СССР М. М. Литвинов в беседе с германским поверенным в делах в СССР резко осудил действия нацистской дипломатии, усиливающие опасность войны².

В тот же день с оценкой германской политики выступили центральные советские газеты и ряд местных и ведомственных органов печати³. «Разрыв между Германией и Лигой наций, — говорилось в передовой статье „Известий“, — свидетельствует не просто об осложнении положения на одном, хотя бы и важном участке международных отношений, а об обострении всех основных внутримпериалистических противоречий». «Правда» характеризовала цели германского фашизма как стремление к «новому грабительскому Версалею», к «равноправному» участию в империалистическом грабеже. Все газеты особенно подчеркивали, что результатом разрыва Германии с международными организациями будет резкое усиление военной опасности. «Победа фашизма в Германии не только обострила борьбу во всем мире, но и поставила в порядок дня разрешение военно-насиловательными методами ряда империалистических противоречий...

¹ Западная печать различных направлений отмечала провокационный характер действий гитлеровского правительства и высказывала мнение, что одним из главных мотивов выхода Германии из Лиги наций было ее желание бесконтрольно вооружаться. «New York Herald Tribune», 15 X 1933; «Sundy Time», 15 X 1933; Телеграммы ТАСС из Парижа 15 октября 1933 г. Отдел рукописных фондов Института истории АН СССР (далее — ОРФ), 1933, д. 8, п. 15.

² «Documents on German Foreign Policy» (далее — DGFP), ser. C., vol. II. London, 1959, doc. 12.

³ «Кризис Женевы, кризис Версаля». «Правда», 16 октября 1933; «Выход Германии из Лиги наций». «Известия», 16 октября 1933; «Выход Германии из Лиги наций». «Красная звезда», 16 октября 1933; «Германия на пути подготовки войны». «Экономическая жизнь», 17 октября 1933; «Выход Германии из Лиги наций». «Ленинградская правда», 16 октября 1933 и т. д.

Германский фашизм решил вступить на путь таких империалистических авантюр, необходимым условием которых является увеличение вооружений», — писала «Красная звезда». Вместе с тем, советская печать выражала уверенность, что миролюбивые народы окажут активное сопротивление поджигателям войны. «Выход Германии из Лиги наций, — говорилось в заключительной части статьи в „Известиях“, — является для сторонников мира тревожным предупреждением о необходимости быть на страже».

Это предостережение самым непосредственным образом относилось к Польше, не только имевшей частный территориальный спор с Германией, но и являвшейся, как можно было судить из внешнеполитической программы Гитлера, провозглашенной им еще в 20-е годы, одним из первоочередных объектов захватнической политики нацистов.

В новой ситуации, когда Германия явочным порядком отказалась признавать военные статьи Версальского договора, конкретной стала опасность такого же отношения к территориальным условиям Версаля, что неизбежно поставило бы на повестку дня международной политики вопрос о пересмотре в пользу Германии ее границы с Польшей. Позиция западных держав не создавала серьезных препятствий этим целям. В своей речи 14 октября Гитлер заявил, что Германия готова регулировать международные проблемы путем двусторонних соглашений. Во Франции это было воспринято как намек на желательность сговора при условии свободы действий Германии против Польши, Прибалтики и СССР⁴. Английские правящие круги в принципе были настроены вернуть Германию в международные организации, заплатив за это рядом уступок, конечно, за счет более слабых стран. Италия пыталась оживить «пакт четырех» и реорганизовать Лигу наций на основе иерархии и открытой диктатуры великих держав.

В этих условиях Польша могла укрепить свои позиции только путем сближения и сотрудничества с Советским Союзом, правительство которого отстаивало идею единства и сплоченности всех миролюбивых сил против опасности гитлеровской агрессии.

Но такая политика была неприемлема для группировки Пилсудского, который считал исходным пунктом новой внешнеполитической линии Польши разрыв советско-германского сотрудничества в духе «Рапалло», происшедший в связи с приходом Гитлера к власти, и дальнейшее обострение советско-германских противоречий. Из этого, как казалось пилсудчикам, кардинального постулата возникла доктрина политики «равновесия, равного удаления» или «балансирования между востоком и западом».

Имея неопровержимые доводы миролюбия советской внешней политики, польское правительство полагало, что дальнейшее развитие отношений с Советским Союзом в духе сотрудничества может повредить намерению «уравновесить» благоприятное положение на востоке нормализацией отношений с западным соседом, полным ненависти к СССР.

Конечно, правительство Польши не могло не обращать внимания на то, что целью политики нацистов, к соглашению с которыми оно стремилось, была широкая внешнеполитическая экспансия. Но эти обстоятельства отодвигались им на задний план по соображениям, не менее ошибочным, чем концепция «равновесия» в ее принципиальной основе.

Образцом политического и военно-стратегического мышления может служить представленная на рассмотрение Пилсудского «Оценка военного

⁴ «Известия», 16 октября 1933.

положения Германии в октябре 1933 г.», сделанная отделом разведки польского генерального штаба⁵. «Германия, — говорилось в этом документе, — сейчас слишком слаба в отношении кадров, материальных ресурсов и финансовых средств, чтобы можно было ожидать, что она спровоцирует войну... Понимание этой военной слабости (при принципиальном стремлении к возвращению утраченных территорий) вынудило Германию сначала к законспирированному и тем самым ограниченному увеличению кадров..., а затем к выходу из Лиги наций. Сделает ли сравнительно слабый отклик за границей на этот шаг Германию более смелой в немедленной широкой и открытой реорганизации и развертывании армии в мирное время, пока нельзя предвидеть, тем более, что этот вопрос тесно связан с финансовыми возможностями. Однако кажется твердым, что первая фаза перестройки будет закончена к 1938 г.»⁶. Ошибочность этих выводов, очевидная в сопоставлении с действительным ходом событий, объяснялась не только заниженными оценками экономических и финансовых, а также людских ресурсов рейха⁷, а следовательно, и сроков реализации военных планов, но прежде всего полным игнорированием конечных целей нацистской внешней политики: в документе даже не были упомянуты известные всему миру претензии гитлеровцев на мировое господство, лишь вскользь констатировалось «принципиальное стремление к возвращению утраченных территорий» и высказывалось предположение, что выход Германии из Лиги наций может усилить гонку вооружений.

Сам Пилсудский, по свидетельству румынского министра иностранных дел Титулеску, говорил в октябре 1933 г., что «на долгие годы не предвидит опасности германского нападения»⁸. В таком же духе высказывался перед иностранными дипломатами министр иностранных дел Польши Ю. Бек, обсуждая с ними последствия выхода Германии из международных организаций⁹.

Ошибочные взгляды польских правительственных кругов объяснялись также их представлением о субъективном характере польско-германских противоречий.

Как вспоминал позже Ю. Бек, осенью 1933 г. он с Пилсудским пришли к выводу, что гитлеровский режим, как всякая новая власть, подвергнет пересмотру польско-германские споры. Залогом же благоприятного их разрешения, по мнению Пилсудского и Бека, служило австрийское происхождение Гитлера и непрусская принадлежность его ближайшего окружения. На этом основании делался вывод, что Гитлер покончит с идеями и лозунгами «натиска на восток», колыбелью которых была Пруссия¹⁰.

⁵ Archiwum Zakładu Historii Partii przy KC PZPR, d. 296/III, t. 6, k. 10.

⁶ Ibid.

⁷ Польская разведка особенно подчеркивала финансовую слабость Германии, считая ее непреодолимой преградой для осуществления военных замыслов. «Следует считаться с тем, — говорилось в документе, — что военный потенциал Германии, начиная с текущего года, будет постепенно и постоянно возрастать, пока не наступит финансовой катастрофы». Ibid.

⁸ «Документы внешней политики СССР» (далее — «Документы...»), т. XVII. М., 1970, док. 132, стр. 271.

⁹ Например, в беседе с послом США в Польше 2 ноября 1933 г. Ю. Бек заявил, что польское правительство, «хотя и считает положение серьезным, но не встревожено им и спокойно следит за ходом событий, отдавая себе отчет в том, что есть много преувеличенных сведений о положении в Германии». Маршал, по его словам, «также оценивает положение спокойно». Archiwum Akt Nowych. Dział Ministerstwa Spraw Zagranicznych (далее — AAN MSZ), Gabinet Ministra, t. 106 [396], k. 104.

¹⁰ J. В е с к. Final Report. New York, 1957, p. 61. В таком же духе Бек характеризовал перспективы германо-польских отношений в беседах с наркоминдел СССР во время визита в Москву в феврале 1934 г. «Документы...», т. XVII, док. 53, стр. 131—133.

Игнорируя факт, что ревизионистские требования, вытекавшие из территориальных претензий, составляли лишь скромную часть внешнеполитической программы нацизма, руководители польской политики наивно полагали, что австрийское происхождение Гитлера повысит интерес Германии к аншлюсу Австрии, а это, в их представлении, не только сняло бы с повестки дня вопрос о пересмотре польско-германской границы, но и вообще направило бы германскую экспансию на юго-восток Европы.

Сохранению этих иллюзий в известной мере способствовала и первоначальная тактика Гитлера, который, не имея на первых порах достаточной армии и опасаясь превентивных мер великих держав против вооружения Германии, стал в отличие от своего ближайшего окружения более сдержанным в пропаганде как реваншистских лозунгов, так и конечных целей завоевания мирового господства, маскируясь демагогическими заверениями в якобы мирных задачах своей политики.

В обстановке всеобщей настороженности, вызванной нарушением Германией сложившейся практики в международных отношениях, правительство Польши взяло курс на сближение с ней.

Польские газеты оказались единственными в Европе органами печати, которые сдержанно, почти доброжелательно комментировали решение гитлеровского правительства о выходе из международных организаций¹¹. С тактической точки зрения расчет был удачным. Перед Германией возникла опасность изоляции в Европе. Чтобы предупредить ее, гитлеровская дипломатия заранее подготовила ряд мер, которые в нужный момент должны были создать впечатление оживленной дипломатической активности на польском участке. Именно к моменту выхода Германии из международных организаций был приурочен прием верительных грамот у нового польского посланника Ю. Липского, прибывшего в Берлин за несколько недель до этого. Церемония сопровождалась официальной встречей Липского с президентом Гинденбургом и беседами с министром иностранных дел рейха и другими политиками. К. Нейрат при этом намекнул, что германское правительство благосклонно относится к идее нормализации отношений с Польшей. Ю. Липский, в свою очередь, заверил, что Польша не присоединится ни к каким возможным санкциям Лиги наций против Германии¹². Сам Гитлер предпринял некоторые меры, которые должны были произвести благоприятное впечатление на правительство Польши. 17 октября он принял президента гданьского сената, сторонника польско-германского сближения Г. Раушнинга и, по словам последнего, поручил ему подготовку своей встречи с Пилсудским¹³. 18 октября, отвечая на вопросы корреспондента «Дейли мейл», Гитлер заявил, что «никто из немцев не думает о начале войны с поляками из-за коридора», наоборот, все надеется на возможность соглашения в спорных вопросах¹⁴. Эти демагогические декларации Гитлера подкрепили иллюзии польского правительства относительно реальности соглашения с Германией, а польская дипломатия получила возможность активизироваться на германском участке.

В начале ноября Пилсудский вызвал в Варшаву Ю. Липского, принял его 5 ноября в присутствии Бека и поручил добиться свидания с Гитлером для обсуждения возможности германо-польского сближения, снаб-

¹¹ «Gazeta Polska», 15, 18 X 1933.

¹² «Polish White Book. Official Documents Concerning Polish-German and Polish-Soviet Relations 1933—1939». London, 1939, doc. 5.

¹³ DGFP, ser. C., vol. II, doc. 11; H. R a u s c h n i n g. Rewolucja nihilizmu. Warszawa, 1933, s. 332.

¹⁴ «Gazeta Polska», 20 X 1933.

див инструкциями¹⁵. Он торопил, чтобы встреча Ю. Липского с Гитлером состоялась до выборов в рейхстаг 12 ноября, опасаясь, что исход выборов укрепит гитлеровский режим и ослабит заинтересованность в улучшении отношений с Польшей.

9 ноября утром Ю. Бек телеграфом послал Ю. Липскому новые указания на тот случай, если последний не сможет добиться аудиенции у Гитлера и вынужден будет говорить с К. Нейратом¹⁶. До последнего момента дипломатическое ведомство избегало давать какие бы то ни было сведения о подготовке переговоров и, чтобы помешать неизбежным слухам, не оставалось перед прямой дезинформацией представителей заинтересованных стран¹⁷.

Встреча Ю. Липского с Гитлером состоялась лишь 15 ноября 1933 г. На вопрос польского посланника, «не видит ли канцлер возможности выравнять в непосредственных польско-германских отношениях ущерб, нанесенный всеобщей безопасностью выходом Германии из Лиги наций», Гитлер ответил, что, «по его мнению, следует прежде всего исключить из польско-германских отношений мысль о возможности войны», и добавил, что со временем этому принципу можно будет придать форму договора. Пока же предложение канцлера свелось к обмену устными декларациями об отказе от применения силы в разрешении спорных вопросов¹⁸.

Официальное сообщение о приеме польского посланника Гитлером, опубликованное в «Газете польской», сопровождалось редакционной статьей «Серьезное дело», написанной видным пилсудчиком И. Матушевским¹⁹. В основе оценки декларации был выдвинутый правительством тезис о том, что причиной непосредственных переговоров с Германией был факт ее выхода из Лиги наций и отсутствие со стороны великих держав действительных коллективных мер по восстановлению равновесия, нарушенного политикой Германии. Успех польской дипломатии, по мнению официоза, состоял в том, что, получив от Гитлера заверение о ненападении Германии на Польшу, последняя якобы добилась восстановления равновесия. Причем сделано это было в одиночку, независимо от других стран, и должно было расцениваться, по мнению пилсудчиков, как признак равенства Польши с великими державами²⁰ и возросшего авторитета и политического влияния Польши на международной арене. Устная декларация Гитлера приравнивалась по значению к Локарнским соглашениям относительно франко-германской границы. При таком толковании действия польского правительства приобретали антифранцузский характер, тем более, что они были предприняты сразу вслед за заявлением французского правительства об отказе вести переговоры с Германией о равенстве ее вооружений вне международных организаций. Правда, это не означало намерения польского правительства совсем отречься от союза с Францией. «Газета польская» заявляла по этому поводу, что «декларация о ненападении ни в чем

¹⁵ AAN MSZ, Gabinet Ministra, t. 23 [49N].

¹⁶ Ibid., k. 13.

¹⁷ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений» (далее — «Документы и материалы...»), т. VI. М., 1969, док. 74; J. J a r o s h e. Polska lat 1926—1934. Warszawa, 1966, s. 137.

¹⁸ «Dokumenty dotyczące genezy polsko-niemieckiej deklaracji o niestosowaniu przemocy z 26 I 1934». «Studia z najnowszych dziejów powszechnych», t. 5. Warszawa, 1963, s. 245—248; AAN MSZ, Gabinet Ministra, t. 23 [49 N], k. 16—21; DGFP, ser. C, vol. II, doc. 70, p. 130.

¹⁹ «Gazeta Polska», 16 XI 1933.

²⁰ Именно в таком духе, «как выражение стремления Польши к равным правам» с великими державами характеризовал переговоры Ю. Липского с Гитлером Ю. Бек в беседе с советским полпредом 16 ноября 1933 г. AAN MSZ, Gabinet Ministra, t. 106 [396], k. 148.

не изменяет польской политики в отношении других государств»²¹. Сам факт декларации Липский — Гитлер подавался официозом как крупнейшее достижение польской дипломатии, которое стало возможно в связи с якобы коренным изменением германской политики. В дальнейшем вся правительственная печать и органы правой оппозиции в своих комментариях и других материалах развивали эти официальные тезисы²². В действительности Польша оказалась далеко не в таком выигрышном положении, как рисовала официальная пропаганда. Несмотря на внешне доброжелательный тон и общие фразы об отсутствии у Германии агрессивных целей, о якобы принципиальном отрицании войны, о «правомерности Польского государства», в высказываниях Гитлера перед польским посланником 15 ноября не содержалось ничего, что прямо или косвенно свидетельствовало бы о намерении отказаться от пересмотра в пользу Германии западной польской границы — вопроса, составлявшего конкретную причину германо-польской напряженности. Ю. Липский отмечал в своем донесении в Варшаву, что Гитлер ни разу не упомянул слов «граница» или «коридор». Тем не менее Гитлер дал понять, что считает естественным и необходимым присоединение польского Поморья к Германии и предоставление выхода к морю Польше в другом месте: «...Может быть когда-нибудь в будущем, — рассуждал он, — удалось бы в дружественной атмосфере разрешить эти вопросы с Польшей, например, путем компенсации»²³.

Такого рода намеки в устах нацистского канцлера должны были означать, что Германия не пойдет ни на какое урегулирование без уступок со стороны Польши.

Гитлер аргументировал якобы мирные намерения в отношении Польши прежде всего тем, что она нужна Германии как форпост против коммунизма, бастион, отделяющий западный мир от «Азии»²⁴. Развивая этот тезис об авангардной роли Польши в борьбе против «коммунистической опасности», Гитлер фактически сформулировал важнейшее условие своего согласия на временное улучшение отношений с Польшей. Отсутствие с польской стороны каких-либо возражений на эту часть заявления Гитлера свидетельствовало о молчаливом согласии с ним.

Важнейшим следствием германо-польского обмена мнениями 15 ноября было то, что Гитлер убедился, как просто ему будет склонить Польшу к двустороннему соглашению и тем самым помешать образованию единого антигерманского фронта стран, заинтересованных в пресечении германской экспансии.

Между тем политические круги европейских стран с неослабевающим вниманием изучали новую стадию польско-германских отношений. Напряженность в этой области считалась до сих пор одним из главных потенциальных источников военного конфликта в Европе. Нормализация отношений между Польшей и Германией касалась не только этих двух стран, но могла повлиять на судьбу мира в Европе. «Это важное событие, которое окажет влияние на всю международную ситуацию», — констатировал Б. С. Стомяков, выслушав 16 ноября информацию Ю. Лукаевича о встрече Липского с Гитлером²⁵.

²¹ Отвечая на вопрос французского посла в Польше Ж. Ляроша в связи со слухами о германо-польском пакте о ненападении, Ю. Бек сделал успокоительное заверение, что «условием рассмотрения возможного германского предложения было бы изучение, не находится или оно в противоречии с союзом с Францией». Ibid., k. 23.

²² «Expres Poganny», 17, 19 XI 1933; «Ilustrowany Kurier Codzienny», 18 XI 1933; «Republika», 19 XI 1933; «Czas», 13 XI 1933; «Kurier Warszawski», 17 XI 1933; «ABC», 16 XI 1933.

²³ «Dokumenty dotyczące...», s. 245—248.

²⁴ Ibid.

²⁵ «Документы и материалы...», т. VI, док. 70, стр. 103.

Советское правительство с большой осторожностью подошло к оценке перемен в отношениях между Германией и Польшей: трудно было предположить, что ради временной нормализации положения на границе с далеко не самым сильным соседом Германии Гитлер в ущерб собственной программе сможет и захочет отказаться от традиционного направления экспансии германского империализма на Восток. Эти соображения высказал Ю. Лукаевичу заместитель наркоминдел Н. Н. Крестинский в беседе 29 ноября. Польский посланник признал их убедительными, но не ответил, в какой мере они учтены его правительством. Зато точка зрения Бека, высказанная В. А. Антонову-Овсенко 20 ноября, свидетельствовала о явном намерении преувеличить значение устной декларации и противопоставить Польшу не только великим державам, но и своим настоящим и потенциальным союзникам против германской экспансии. «С первых шагов гитлеровского правительства, — говорил он, — к Польше было отношение как к силе... Гитлер всегда выделял Польшу — этого в Праге не могут простить!... Пусть во Франции знают, что без Польши нельзя решать вопросов, ее касающихся. Пусть в Берлине, Лондоне, Риме знают, что о Польше надо говорить в Варшаве»²⁶.

В западных политических кругах также не верили в возможность серьезной перемены политики Германии в отношении Польши. Американский посол в Варшаве в разговоре с Ю. Беком 17 ноября назвал прием Гитлером представителя Польши «неожиданным жестом» и высказал сомнение в том, «что такой жест может способствовать устойчивому улучшению положения». Его английский коллега убеждал Ю. Бека, что переговоры с Польшей «со стороны Германии ведутся во временных, чисто тактических целях»²⁷. Министр иностранных дел Франции Ж. Поль-Бонкур высказался в беседе с поверенным в делах СССР во Франции в том смысле, что для «подлинного соглашения» между Польшей и Германией не существует «реальной базы»²⁸. Даже часть польских дипломатов за границей, не зная достаточно настроений Варшавы, в первые дни после декларации Липский — Гитлер не скрывала скептицизма по поводу перспектив польско-германского сближения.

Рассчитывая, что видимость далеко идущего соглашения с Германией произведет благоприятный эффект на международной арене и укрепит авторитет правительства внутри страны, польские дипломатические круги и официальная пропаганда создали вокруг факта встречи Ю. Липского с Гитлером атмосферу преувеличенной серьезности и многозначительности. Несоразмерность их восторгов со ставшими известными из опубликованного коммюнике скромными результатами вызвала подозрение о существовании дополнительного тайного соглашения, направленного прямо или косвенно против СССР. Что касается источников слухов на эту тему, то многие версии были результатом инспирации заинтересованных правительств.

Французское правительство, например, было крайне раздражено поведением Польши и старалось настроить против нее СССР и своих союзников в Центральной и Юго-Восточной Европе. Поэтому французская печать не щадила темных красок, чтобы представить в невыгодном свете германо-польское соглашение. «Нотр тан» писала, что польско-германская декларация фактически означает отказ Польши от пакта о ненападении с СССР²⁹. В газетах Чехословакии приводились данные об уже якобы

²⁶ Там же, док. 74, 75, стр. 107—116; AAN MSZ, Gabinet Ministra, t. 106 [396], к. 158.

²⁷ Ibid., к. 112.

²⁸ «Документы...», т. XVI, док. 390, стр. 682—683.

²⁹ Телеграмма ТАСС из Парижа 18 ноября 1933. ОРФ, 1933, д. 19, п. 21.

намеченном соглашении, по которому Германия должна была получить Гданьский коридор, Верхнюю Силезию и присвоить себе гегемонию над прибалтийскими странами, а Польша — поддержку Германии в присоединении на федеральных началах Украины³⁰.

Правительство Польши, конечно, не было заинтересовано в том, чтобы его переговоры с Германией выглядели как явный антисоветский стовор. Но оно могло допустить утечку информации в целях рекламы своих мнимых успехов. В немалой степени распространению всевозможных домыслов способствовала созданная в Варшаве обстановка глубокой тайны, вызванная попросту тем, что до 15 ноября правительство не могло еще предвидеть результатов переговоров.

Но первая скрипка в организации шумихи вокруг польско-германских переговоров несомненно принадлежала германскому правительству. Видимостью нормализации отношений с Польшей нужна была Гитлеру, чтобы ликвидировать изоляцию Германии, помешать образованию единого фронта государств, которым угрожала германская агрессия, запугать СССР возможностью образования антисоветского блока.

Гитлеровские газеты беззастенчиво писали, что Польша должна заплатить за соглашение с Германией уступками в спорных вопросах. Известный немецкий журналист Ф. Зибург, посланный в Польшу в октябре 1933 г., распространял там слухи, что по поручению Гитлера он якобы виделся с Пилсудским и вел с ним политические переговоры³¹.

В кругах иностранных дипломатов в Берлине курсировали сведения, будто Германия предложила Польше обменять Гданьский коридор на выход к Черному морю путем завоевания украинских территорий, включая Одессу.

Не менее красноречивые следы германской активности в области дезинформации могла наблюдать польская дипломатия. Польский посол в Англии писал в Варшаву о слухах, распространяемых в Лондоне германским посольством и создающих панику среди дипломатических представителей прибалтийских стран, будто в Берлине договорились, что Польша получит Литву, а Германия — Латвию и Эстонию, которые в дальнейшем послужат плацдармом для германских или германо-польских действий против России³².

Еще одна из германских уловок основывалась на том, что в октябре 1933 г. возобновились польско-германские экономические переговоры, в том числе обсуждалось соглашение об экспорте ржи. В половине ноября оно было достигнуто. Вероятно, совпадение по времени с декларацией 15 ноября, а также тот факт, что СССР, еще в 1931 г. заявивший о желании присоединиться к соглашению, если оно будет подписано, не был приглашен в настоящее время, послужил поводом для версии, связывающей «ржаное соглашение» с тайным политическим стовором Польши и Германии против СССР. По сведениям польской военной разведки, «в руки Москвы» попало досье переговоров и текст соглашения, «которое формально называлось польско-германским соглашением об экспорте ржи». Из него якобы следовало, что в случае японской агрессии на советский Дальний Восток и «необходимости направить части западных округов на пополнение Дальневосточной советской армии, западная граница Советов, вопреки всяким пактам, оставалась бы совершенно необеспеченной». «Даже больше, — говорилось в донесении польского агента, — уже сделанные под впечатлением советско-польских добрососедских отношений

³⁰ Телеграмма ТАСС из Варшавы 23 ноября 1933. ОРФ, 1933, д. 19, п. 2.

³¹ «Документы и материалы...», т. VI, док. 74, стр. 109.

³² AAN MSZ, P III, t. 319 [49 Og], k. 162—166.

перегруппировки в Украинском военном округе в свете этого досе кажутся произведенными слишком неосмотрительно»³³.

В НКВД СССР занимались тщательной проверкой всех сведений и материалов, связанных с ходом «ржаных» переговоров и текстом соглашения.

Несмотря на происки гитлеровцев, рассчитывавших этим маневром нанести удар по советско-польским отношениям, Советское правительство правильно оценило ситуацию, сложившуюся в результате переговоров Липского с Гитлером. Понимая, что преувеличение масштабов и степени германо-польского сближения и его антисоветская окраска выгодны прежде всего нацистской дипломатии, оно справедливо считало, что окончательные выводы о польской ориентации требуют тщательной проверки. Советское правительство понимало также, что какой бы курс ни избрали польские правящие круги, они не смогут не считаться с пониманием в самых широких кругах польского народа того, какую опасность представляет для Польши германский империализм, и с усилившимся в связи с этим стремлением опереться на поддержку восточного соседа. Характеризуя задачи советской политики в отношении Польши, Б. С. Стомоняков писал 19 ноября В. А. Антонову-Овсеенко, что Советское правительство и дальше, как и прежде, заинтересовано в развитии и углублении политических, экономических и культурных отношений с Польшей с целью усилить те элементы в Польше, которые ориентируются на дружбу с СССР против Германии.

Польское правительство в своих действиях вынуждено было все больше считаться с возросшей международной ролью и авторитетом Советского Союза. Обращая на это внимание, Ю. Лукаевич писал в Варшаву: «Активизация внешней политики Советской России создает необходимость проявления с нашей стороны большего интереса к ее отдельным действиям и ориентации»³⁴. Не добившись еще существенных результатов на немецком участке, польская дипломатия не хотела открыто противопоставлять сближение с Германией и взаимоотношения с СССР. Она намеревалась использовать внешнее впечатление благополучия советско-польских отношений как средство воздействия на Германию в начавшихся 27 ноября переговорах о превращении устной декларации о ненападении в официальный юридический документ³⁵.

23 ноября состоялась беседа Ю. Бека с В. А. Антоновым-Овсеенко. На вопрос полпреда, какова позиция польского правительства относительно установления сотрудничества в случае гитлеровской агрессии, Ю. Бек ответил уклончиво: «Мы совершенно согласны с вами в общей оценке сложившегося положения. Этот тесный контакт и определенное взаимодействие следует иметь в виду и реализовать, когда придет время. Сейчас с этим можно несколько подождать». («В ближайшее время нет опасности военного осложнения», — в польской записи беседы)³⁶.

Далее Ю. Бек заявил, что разделяет тревогу Советского правительства по поводу безопасности соседствующих с СССР и Польшей стран Балтийского бассейна, которые, по его словам, представляли «мягкий пункт» Европы и легко могли стать объектом иностранного вмешательства. «Мы одинаково заинтересованы в укреплении этого мягкого пункта», — продолжал Ю. Бек, — и следует изыскать ряд экономических

³³ Centralne Archiwum Ministerstwa Spraw Wewnętrznych, d. 0 II, t. 615, № 171, Agent Ryszard Werner, 5335 (34) p.

³⁴ «Документы и материалы...», т. VI, док. 82, стр. 123—126; AAN MSZ, P III, t. 60 [49 Sow], k. 134—136.

³⁵ «Dokumenty dotyczące...», s. 251—253; DGFP, ser. C, vol. II, doc. 90.

³⁶ «Документы и материалы...», т. VI, док. 81, стр. 122; AAN MSZ, Gabinet Ministra, t. 106 [396], k. 149—150.

и политических мер к этому укреплению». Но когда полпред прямо спросил, означает ли все сказанное, что Польша готова предложить СССР «совместную политику в Прибалтике», Ю. Бек опять увильнул от конкретного ответа: «Следует внимательно проработать вопрос по укреплению этого направления... Тут целая система мер, которые надо выработать. Об этом еще следует говорить»³⁷.

Единственной областью, где польский министр с большей определенностью говорил о польско-советском сотрудничестве, была проблема разоружения. Но в польской интерпретации она приобретала специфический характер оппозиции западным державам при все более откровенном попустительстве германским требованиям о «равенстве» вооружений. В близких к польскому правительству кругах и некоторых органах печати высказывалось мнение, что, поскольку Германия все равно найдет способ обойти запреты и создаст армию в нелегальных условиях, следовало бы освободить ее от официальных ограничений в этой области³⁸.

Обмен мнениями, начатый 23 ноября в Варшаве, был продолжен в Москве между Ю. Лукасевичем и М. М. Литвиновым 14 декабря³⁹. Как стало ясно из высказываний Ю. Лукасевича в ходе беседы, польское правительство было заинтересовано в расширении только двусторонних контактов по линии установления пассажирского воздушного сообщения, культурных связей, парадного обмена военными делегациями и т. п. М. М. Литвинов подробно изложил позицию Советского правительства по важным для СССР и Польши международным проблемам. Он отметил опасность для дела мира наращивания вооружений всеми странами, подчеркнул готовность Советского Союза выступить против попыток великих держав установить иерархию в международных отношениях, выразил надежду на возможность между СССР и Польшей при наличии доброй воли полного единства действий в отстаивании демократических принципов решения международных проблем. Однако этого было мало для обеспечения мира. Как бы возражая на заявление Ю. Бека, что уже достигнутое соглашение с Германией гарантирует безопасность Польши на год, а может быть, и больше⁴⁰, М. М. Литвинов подчеркивал тактический характер маневров германского правительства: «Гитлеру надо обеспечить себе два-три года для завершения вооружения и подготовки к осуществлению захватнических милитаристских планов, являющихся подлинным, неизменным содержанием его политики»⁴¹. Следовательно, в сложившихся условиях необходимо было всеми средствами помешать вооружению Германии. Наркоминдел СССР дал ясно понять, что если говорить о советско-польском сотрудничестве в области разоружения, то надо иметь в виду прежде всего единство действий в борьбе против возрождения германского милитаризма и подготовки Гитлером почвы для будущих захватов. В качестве конкретной меры в этом направлении он предложил, чтобы правительства СССР и Польши выступили с совместной декларацией, объявляющей заинтересованность СССР и Польши в сохранении «неприкосновенности и полной экономической и политической независимости стран..., выделившихся из состава бывшей Российской империи», т. е. Латвии, Литвы, Эстонии и Финляндии⁴².

³⁷ Там же.

³⁸ «Документы и материалы...», т. VI, док. 74, стр. 109.

³⁹ Там же, док. 87, 89, стр. 136, 141—146; AAN MSZ, P III, t. 60 [49 Sow], k. 17—25; t. 361 [Sow], k. 1—6.

⁴⁰ «Документы и материалы...», т. VI, док. 81, стр. 122.

⁴¹ Там же, док. 81, стр. 123.

⁴² Там же, док. 86, стр. 135.

Внося это предложение, Советское правительство исходило из того, что с приходом Гитлера к власти в Германии создавалась опасность для независимости прибалтийских стран, которые рассматривались нацистами как важный плацдарм для будущей экспансии в глубь Восточной Европы. СССР и Польша были объективно заинтересованы в нейтрализации этой опасности и сохранении территориальной целостности и независимости своих балтийских соседей. Подписание предложенной декларации было бы внушительной демонстрацией, «которая, — по словам М. М. Литвинова, — заставила бы задуматься тех, кто хотел бы нарушить мир над Балтикой». Кроме того, руководители советской внешней политики не без оснований предполагали, что балтийская декларация может послужить как бы пробным камнем советско-польских отношений в свете начавшегося сближения Польши с Германией. Если, как утверждали польские дипломаты, оно имело целью лишь регулирование отношений между Польшей и Германией, не означало уступок со стороны Польши и не затрагивало интересов третьих стран, то ничто не помешало бы польскому правительству принять советское предложение, доказав тем самым не только свою заботу о сохранении мира, но и добрую волю к развитию советско-польских отношений и к взаимодействию в международных делах.

Советский проект декларации отличался простотой юридической формы, не содержал никаких гарантий и обязательств договаривающихся сторон (М. М. Литвинов специально подчеркивал, что декларация не означает союза), что давало возможность подписать ее без длительной подготовки; для этого не требовалось даже формального согласия прибалтийских стран; НКВД СССР предполагал только в благоприятный момент проинформировать их правительства о готовящейся акции.

Ю. Лукаевич считал, что советское предложение ставит польскую дипломатию в затруднительное положение. В донесении Ю. Беку⁴³ о содержании беседы он особо подчеркивал важность балтийского вопроса в том виде, как он был выдвинут советской стороной, не только для польско-советских отношений в двустороннем плане, «но и для внешней политики Польши в целом». Посланник писал, что, по его мнению, «источники предложения Литвинова следует искать: во-первых — в действительном желании добиться прогресса в политике сближения с Польшей и в обеспечении безопасности перед возможным изменением направления польской внешней политики; во-вторых — в беспокойстве о судьбе балтийских государств; в-третьих — в желании скомпрометировать Польшу в отношении Германии и затруднить или сделать невозможным ослабление напряженности, началом которого послужила декларация Липский — Гитлер». Посланник предполагал, что Ю. Бек «не захочет полностью согласиться с предложением Литвинова» как раз из-за его антигерманской направленности. Но, с другой стороны, он считал также нежелательным быстрый и категорический отказ, который означал бы немедленное и резкое ухудшение отношений между Польшей и СССР. Поэтому он полагал наиболее целесообразным маневрировать. Его предложения Ю. Беку сводились к выжиданию удобного случая, чтобы было «легче отвергнуть или попросту раскритиковать щекотливое» советское предложение. Для этого, по мнению Ю. Лукаевича, сначала следовало ответить, что Ю. Бек «с интересом приступает к более глубокому изучению советского предложения», затем предложить обсудить его во время визита польского министра в Москву, что потребовало бы дополнительного времени и специальной подготовки, далее использовать надуманный аргумент, будто выступ-

⁴³ AAN MSZ, P III, t. 6 [Sow], k. 1—5.

ление Польши и СССР примет характер протектората над прибалтийскими странами ⁴⁴.

В ответе, переданном через Ю. Лукаевича 19 декабря ⁴⁵, Ю. Бек выражал принципиальное согласие выступить с декларацией «при подходящем случае», но подчеркивал, что польское правительство рассматривает ее как фактическую гарантию прибалтийским странам и поэтому «затрудняется выявить свое окончательное отношение до зондирования этих стран». М. М. Литвинов не возражал против «зондирования», понимая его как информацию соответствующих правительств о подготовке советско-польской декларации. Из-за близких связей между Финляндией и Германией он предложил только проинформировать финское правительство «в последнюю очередь и выбрать для этого момент, более близкий к реализации... предложения».

22 декабря 1933 г. Ю. Бек направил телеграфную инструкцию польским представителям в Риге, Таллине и Хельсинках ⁴⁶ относительно проектируемой декларации ⁴⁷. Нарочито приписывая советскому предложению характер гарантий, Ю. Бек квалифицировал его как попытку вмешательства в дела прибалтийских стран. «Не желая в соответствии с принципами нашей политики вмешиваться в дела третьих государств без их согласия и осведомления,— писал он в своей телеграмме,— мы доверительно спрашиваем правительство, как оно относится к такого рода эвнунциации». В дальнейшем, когда в ходе двойной информации прибалтийских правительств выяснились существенные расхождения в советской и польской позициях, МИД Польши дал указание своим представителям подчеркивать эти различия ⁴⁸.

Несмотря на явное беспокойство за свою судьбу в связи с польско-германским сближением ⁴⁹, позиция прибалтийских стран в вопросе о советско-польской декларации была противоречивой.

Только Литва, имевшая из-за территориальных споров напряженные отношения с Германией и Польшей, отнеслась с признательностью к советской инициативе и дала положительный ответ ⁵⁰.

Буржуазное правительство Латвии, опасаясь обострения отношений с Германией, особенно усиления ее экономического давления, заявило, что пока «не может усмотреть угрозы» для своего района и на всякий случай наметнуло на желательность участия в декларации Германии ⁵¹.

Коллеблющейся была позиция эстонского правительства. С одной стороны, напуганное недавней попыткой фашистского переворота, оно хотело оградить страну от германского вмешательства, с другой — испытывало прямое давление Германии, имело перед собой отрицательный пример Финляндии и Латвии. В результате эстонское правительство предложило расширить состав участников так, чтобы СССР, Польша, Франция, Англия, Италия и Германия стали гарантами независимости прибалтийских стран ⁵².

⁴⁴ Ibid., t. 61 [Sow], k. 1—3.

⁴⁵ «Документы и материалы...», т. VI, док. 91, стр. 147—148.

⁴⁶ Из-за отсутствия дипломатических отношений между Польшей и Литвой было условлено, что переговоры с литовским правительством будет вести только советский представитель; в свою очередь в НКВД СССР полагали, что польское правительство учтет справедливые доводы советской стороны и воздержится оповещать Финляндию. «Документы и материалы...», т. VI, док. 91, стр. 147—148.

⁴⁷ AAN MSZ, P III, t. 61 [75 Sow], k. 9.

⁴⁸ Ibid., k. 13, 14.

⁴⁹ Ibid., w. 14 [3 Lt], k. 23, 40; w. 11 [1 Lt], k. 40.

⁵⁰ «Документы и материалы...», т. VI, док. 93, стр. 150.

⁵¹ В. Я. С и п о л с. Тайная дипломатия. Рига, 1968, стр. 210—212; AAN MSZ, P III, t. 61 [75 Sow], k. 22, 191, 215.

⁵² Ibid., k. 191, 192, 197.

Финское правительство не только выступило с решительными возражениями, заявив о «стопроцентной безопасности» своей страны, но и, как предвидел М. М. Литвинов, в угоду Германии нарушило условие секретности переговоров. На основании распущенных финскими представителями слухов⁵³ в первых числах января 1934 г. газеты различных стран в искаженном виде сообщили о советско-польских переговорах: якобы СССР и Польша готовят пакт безопасности, включающий гарантии границ в Прибалтике.

Что касается Германии, то ее беспокоили не столько сами советско-польские переговоры о декларации, сколько то, что они могли быть частью многосторонних переговоров, направленных на создание общего фронта миролюбивых стран против фашистской агрессии. Германский посол в Москве Р. Надольный говорил о «глубоком разочаровании» своего правительства по поводу «тайных переговоров» СССР с Францией и Польшей⁵⁴. СССР действительно вел с октября 1933 г. с Францией переговоры о заключении пакта взаимопомощи. 19 декабря ЦК ВКП(б) принял постановление, в котором одобрялась идея многостороннего договора о взаимопомощи с участием СССР и Франции⁵⁵. Балтийская декларация рассматривалась советской дипломатией как часть более широких мер по организации коллективной безопасности. Хотя переговоры СССР с Францией и Польшей велись пока конфиденциально, общие установки внешней политики СССР были широко оглашены. На IV сессии ЦИК VI созыва, проходившей в декабре 1933 г., Советское правительство открыто выразило недоверие гитлеровскому правительству, заявило об отказе участвовать в каких-либо международных мероприятиях, могущих привести к увеличению германского военного потенциала, осудило любые попытки «ревизии» границ и тенденцию разрешения международных проблем в тесном кругу великих держав. В речи наркоминдел СССР говорилось, что СССР «будет защищать от гитлеровской экспансии не только собственные границы, но и подступы к ним. Данная сессией ЦИК оценка международного положения не могла оставить сомнений относительно задач СССР в деле сближения и сотрудничества с Францией и Польшей. Что касается последней, то, характеризуя состояние советско-польских отношений, М. М. Литвинов специально подчеркнул, что основой их развития является политическое сотрудничество, направленное на отражение гитлеровского наступления на Восток. «Имевшие место в последний год политические пертурбации в Европе, — сказал он, — создали общность интересов, вытекающую из общей опасности, из общих забот. Если мы и Польша сами не сознавали общности этих забот, то ее нам подсказывают те, кто эти заботы нам причиняет»⁵⁶.

Оказавшись перед перспективой образования системы коллективной безопасности, нацистское правительство решило заранее исключить из нее одно из самых необходимых звеньев — Польшу⁵⁷. После того как стало известно о советско-польских переговорах, «Германское информационное бюро» 4 января 1934 г. выступило с коммюнике, в котором, с одной стороны, повторялись сведения о советско-польских переговорах, а с дру-

⁵³ «Документы ...», т. XVII, док. 41, стр. 38; AAN MSZ, P III, t. 61 [75 Sow], k. 36—38, 40, 192.

⁵⁴ DGFP, ser. C, vol. II, doc. 127.

⁵⁵ «Документы ...», т. XVI, док. 322, прим. 231, стр. 576—578, 876—877.

⁵⁶ «Известия», 30 декабря 1933.

⁵⁷ Нельзя не согласиться с мнением польского историка М. Войцеховского, что именно желание помешать включению Польши в многосторонний договор безопасности повысило интерес Германии к соглашению с Польшей и ускорило германо-польские переговоры. M. Wojski. Stosunki polsko-niemieckie 1933—1938. Poznań, 1965, s. 124—125.

гой — категорически опровергались слухи о намерениях Гитлера заключить с Польшей пакт о ненападении на базе территориальных уступок и компенсаций⁵⁸. Таким путем нацистское правительство фактически потребовало от Польши отказа от советской инициативы, пригрозив срывом уже проходивших польско-германских переговоров. Ю. Липский с тревогой телеграфировал в Варшаву 5 января, что «вся эта история отрицательно повлияла на немецкие настроения относительно известных переговоров»⁵⁹.

Но Ю. Бек уже принял энергичные меры. 4 января он направил Ю. Липскому телеграмму, в которой поручал объяснить германскому правительству, что советско-польские переговоры имели целью лишь констатировать устранение существовавших ранее разногласий в вопросах балтийской политики и в их программу не входила разработка общебалтийского плана; в случае же возникновения такого плана Польша не обошла бы (*nie pominełaby*) Германию⁶⁰. В тот же день была составлена инструкция для польского посольства в Москве о замораживании балтийского вопроса под предлогом того, «что отрицательная позиция Финляндии и сомнительная остальных государств» и кампания в прессе «несколько усложнили вопрос о декларации», который якобы теперь требует дополнительного рассмотрения⁶¹. Тогда же был составлен польский текст декларации, до обсуждения которого, однако, дело не дошло⁶².

Советская дипломатия не могла признать убедительной польскую аргументацию о необходимости повременить с балтийской декларацией. В ответ на изложенное временным поверенным в делах Польши 7 января решение Варшавы наркоминдел СССР подчеркнул, что трудности и осложнения, на которые ссылается польская сторона, не носят принципиального характера и затяжка с принятием советского предложения лишь усилит противодействие враждебных сил. Поскольку колебания Латвии и Эстонии были продиктованы их нежеланием из-за страха перед Германией быть официально замешанными в подготовку советско-польского выступления⁶³, было тактически целесообразным и политически оправданным, по мнению советской дипломатии, подписать декларацию немедленно, без дополнительных консультаций, исключив из числа заинтересованных стран Финляндию⁶⁴.

Однако польское правительство не хотело отвечать на советское предложение об ускорении подписания балтийской декларации до окончательного выяснения Ю. Липским позиции Германии. 10 января Ю. Лукасевич телеграфировал в Варшаву, что перед встречей с М. М. Литвиновым, назначенной на 11 января, он должен знать результат акции Ю. Липского в Берлине⁶⁵.

Между тем, Ю. Липский был вызван 7 января в Варшаву для окончательных инструкций о польском варианте пакта о ненападении с Герма-

⁵⁸ «Известия», 5 января 1934. В связи с германским комюнике ТАСС выступил с заявлением, в котором говорилось, что сообщение, «будто СССР и Польша намерены заключить между собой пакт безопасности, включающий гарантию границ прибалтийских стран... не соответствует действительности». Там же.

⁵⁹ AAN MSZ, P III, t. 61 [75 Sow], k. 32.]

⁶⁰ Ibid., k. 25.

⁶¹ Ibid., k. 24.

⁶² Ibid., t. 316 [49 Sow].

⁶³ Дипломатические представители Латвии и Эстонии намекали, что их странам было бы удобнее оказаться перед совершившимся фактом оглашения СССР и Польшей декларации. «Документы и материалы...», т. VI, док. 102, стр. 160.

⁶⁴ «Документы ...», т. XVII, прим. 5, стр. 764; AAN MSZ, P III, t. 66 [75 Sow], k. 91, 94—95.

⁶⁵ Ibid., k. 42.

нией. По возвращении в Берлин он должен был представить его германской стороне с просьбой о скорейшем завершении переговоров. Встреча его с К. Нейратом состоялась 9 января. Хотя польскую дипломатию интересовала лишь проблема польско-германского пакта, Ю. Липский сразу понял, «что продолжение беседы с Нейратом о польско-германских материях без предварительного успокаивающего объяснения по вопросу последней акции на Балтике... было бы бесцельным». Поэтому основная часть беседы протекала в русле обсуждения балтийской декларации и польско-советских отношений⁶⁶. «Успокаивающее объяснение», которое вынужден был сделать Ю. Липский, фактически означало обязательство Польши не участвовать не только в балтийской декларации, но и в любом другом мероприятии по защите Прибалтики от германской экспансии. Такова была плата Польши за согласие гитлеровского правительства продолжать переговоры о пакте о ненападении. В ответ К. Нейрат уточнил условия, на которых германское правительство согласится «в ближайшее время» рассмотреть польский проект пакта о ненападении. Он сказал, что считает «совместную Польши и России гарантию безопасности балтийских государств невыгодным для Польши делом, могущим в будущем принести ей серьезные осложнения с Россией»⁶⁷. Таким образом, германскому правительству удалось окончательно овладеть инициативой в переговорах с Польшей. В этих условиях польская дипломатия избрала путь лавирования между фактическим согласием с антисоветскими условиями Германии и сохранением видимости развития контактов с СССР.

11 января Ю. Лукаевич в продолжительной беседе с М. М. Литвиновым⁶⁸ еще раз подтвердил, что польское правительство якобы не изменило позитивного отношения к балтийской декларации, расценивает ответы Латвии и Эстонии в принципе положительными и лишь тактически считает более удобным подписать декларацию во время визита Ю. Бека в Москву, который может состояться, примерно, в середине февраля.

Чтобы внести ясность в фальсифицированный буржуазной печатью вопрос о балтийской декларации, М. М. Литвинов предложил в дополнение к опровержению ТАСС от 5 января разъяснить заинтересованным правительствам, что источником измышлений о «гарантийном пакте» послужила констатация обоими правительствами общности их взглядов на значение для дела мира независимости прибалтийских стран⁶⁹. Такое разъяснение, хотя и не имело юридической силы, но способствовало бы решению тех политических задач, которые ставило Советское правительство, предлагая Польше совместную декларацию. Варшава приняла это предложение⁷⁰.

Однако Советское правительство не переоценивало заверений представителей Польши о принципиальном согласии на балтийскую декларацию и о желании вообще развивать польско-советское сотрудничество. «Позиция Польши в отношении предложенной нами прибалтийской акции, — писал 19 января Б. С. Стомоняков советскому полпреду в Польше, — отнюдь не является такой простой и лояльной, как это следует из официального заявления Лукаевича 11 января». Проанализировав сведения о том, что в ряде случаев польские дипломаты определенно высказывались против балтийской декларации, он пришел к выводу, что «Польша в лучшем случае хочет затянуть переговоры о советском предложении с целью вы-

⁶⁶ «Dokumenty dotyczące ...», s. 270—272; AAN MSZ, P III, t. 61 [75 Sow], k. 164—168; AAN MSZ, Gabinet Ministra, t. 123 [49 N], k. 77—82.

⁶⁷ «Dokumenty dotyczące...», s. 271; AAN MSZ, P III, t. 61 [75 Sow], k. 168, 39.

⁶⁸ «Документы ...», т. XVII, док. 11, стр. 37—41.

⁶⁹ Там же, стр. 40.

⁷⁰ AAN MSZ, P III, t. 61 [75 Sow], k. 44.

играть время для своих переговоров с Германией»⁷¹, которые, по мнению советской дипломатии, не могли не ослабить в целом международного положения Польши. «Выдача вперед, авансом, аттестата Германии в ее мирных намерениях, — писал Б. С. Стомоняков по поводу перспективы польско-германского пакта о ненападении, — не усиливает, а скорее ослабляет позиции Польши».

Но польское правительство спешило закончить переговоры с Германией, считая, что заключение пакта о ненападении должно в корне изменить положение Польши в Европе. «Локарно было перегибом коромысла на запад, — говорил Ю. Бек В. А. Антонову-Овсеенко после завершения переговоров с Германией, — мы ныне выровняли коромысло собственными усилиями, ничьих интересов не затронув»⁷².

26 января 1934 г. было подписано польско-германское соглашение, получившее по настоянию Германии название декларации о неприменении силы⁷³. В тексте не содержалось признания Германией неизменности ее восточной границы, которое только и могло при условии соблюдения соглашения обеспечить безопасность Польши. Вместо этого было лишь абстрактное обязательство решать все спорные вопросы без применения военной силы, путем обсуждения⁷⁴, что фактически не исключало различных форм давления сильной стороны и вынужденных уступок слабой.

Далеко не бесспорным было польское утверждение, что соглашение с Германией существенно улучшает положение Польши, не затрагивая ничьих интересов. Уже при первой после подписания германо-польской декларации встрече с посланником Польши наркоминдел СССР на наглядном примере показал, что это соглашение не может оставить равнодушными соседние с Польшей государства: «В случае нападения на них Германии Польша не могла прийти им на помощь в силу своего соглашения с Германией, которым предусмотрено исключительно мирное разрешение споров»⁷⁵.

Характеризуя этот аспект соглашения в беседе с Ю. Бекком 29 января, В. А. Антонов-Овсеенко подчеркивал, что оно облегчает проникновение германского империализма пока в страны Юго-Восточной Европы, а затем и более широкую экспансию и поэтому представляет опасность для дела мира в целом⁷⁶.

Советская дипломатия раскрыла также политический и юридический смысл отсутствия в польско-германской декларации, в отличие, например, от советско-польского пакта о ненападении, условия об утрате соглашением силы, если одна из договаривающихся сторон нападет на третье государство. «Отсутствие указанной клаузулы в польско-германском договоре, — говорилось в письме Б. С. Стомонякова полпреду СССР в Варшаве от 4 февраля 1934 г., — фактически обеспечивает Германии нейтралитет Польши в случае германской агрессии против тех стран, с которыми у Польши нет союзных договоров, специально оговоренных в польско-германском договоре. Это означает, что Польша будет соблюдать нейтралитет не только в случае германского вторжения в Австрию, но также и при германской агрессии против Литвы и вообще на Восток. Разногласия, которые

⁷¹ К тому времени Советскому правительству уже было официально известно о польско-германских переговорах, и евжих целью подписание пакта о ненападении. Об этом сообщил Ю. Лукасевич 11 января. «Документы ...», т. XVII, док. 11, стр. 40; AAN MSZ, P III, t. 61 [75 Sow], k. 50.

⁷² «Документы и материалы...», т. VI, док. 101, стр. 156.

⁷³ «Diariusz i teki Jana Szembeka», t. I. Londyn, 1964, s. 107; AAN MSZ, Gabinet Ministra, t. 23 [49 N], k. 34—35.

⁷⁴ «Documenty dotyczące...», s. 286—287.

⁷⁵ «Документы и материалы...», т. VI, док. 102, стр. 156—157.

⁷⁶ Там же, стр. 160.

при этом могли бы возникнуть между Польшей и Германией, Польша обязана была бы на основании этого договора урегулировать путем переговоров с Германией»⁷⁷. Для Польши это обстоятельство было не менее опасно, чем для окружающих ее стран.

Редакционные комментарии центральных органов советской печати отражали скептицизм Советского правительства по поводу содержания польско-германской декларации, хотя и отличались доброжелательным по отношению к Польше тоном⁷⁸. В них говорилось, что Советской Союз приветствует всякое соглашение, которое устраняет опасность войны вообще и особенно в Восточной Европе. СССР не имел бы возражений против положительной оценки польско-германской договоренности, если бы не сомнения, вызванные, как писала «Правда», «не особенно ясным текстом соглашения и не совершенно ясными целями его».

В советской печати отмечалась туманность основной формулировки декларации — о «трактовании путем непосредственных переговоров вопросов, касающихся обеих стран», и в связи с этим ставился ряд существенных вопросов, которые не нашли разрешения в договоре. «Означает ли это соглашение, — спрашивалось в „Правде“, — что Польша готова вести переговоры о своих границах?», «Идет ли дело о всех вопросах?». «Неясным является вопрос, признало ли германское правительство польско-германскую границу как не подлежащую изменению или же оно отказывается только от применения насилия для изменения границ?». Даже позитивное и четкое разрешение этих проблем в договоре не обеспечило бы Польше надежного положения, так как отказ Гитлера от претензии на польские территории нельзя было расценить иначе, с точки зрения его стратегических внешнеполитических планов, а также задач внутренней политики, как тактический маневр, с которым будет покончено в удобное для Германии время. В этом случае, подчеркивала советская печать, Польша окажется в непоправимом проигрыше.

Несмотря на все сомнения и подозрения, вызванные германо-польским сближением, в позиции Советского правительства в отношении Польши проявлялось стремление к развитию контактов с ней. В отчетном докладе ЦК ВКП(б), представленном 26 января XVII съезду партии, хотя и говорилось о неустойчивости польской политики, о возможных «неожиданностях и зигзагах» в этой области, но достигнутый уже «перелом к лучшему» в отношениях с Польшей выдвигался в число важнейших успехов советской внешней политики и первостепенных «факторов улучшения дела мира»⁷⁹. Конструктивное содержание этой характеристики не мог не признать и польский посланник в Москве. В своем донесении от 3 февраля он подчеркивал, что «доминирующей в ней является положительная оценка сдвига в советско-польских отношениях»⁸⁰.

Позиция Советского правительства определялась тем, что сам факт ослабления германо-польской напряженности теоретически не исключал активности Польши в организации системы коллективной безопасности в Восточной Европе и связанной с этим политике добрососедства и тесного сотрудничества с СССР. Эта концепция была руководящей в дипломатической деятельности Советского правительства в отношении Польши. Характеризуя ее, Ю. Лукаевич писал в Варшаву в феврале 1934 г.: «Советскую политику в отношении Польши характеризуют два момента: 1) далеко идущая искренность в обсуждении с нами... германской опасности и в желании убедить нас в том, что эта опасность, увеличиваясь со дня

⁷⁷ «Документы...», т. XVII, док. 42, стр. 108—109.

⁷⁸ «Правда», 29 января 1934; «Известия», 29 января 1934.

⁷⁹ «XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)». М., 1934, стр. 13.

⁸⁰ AAN MSZ, P III, t. 61 [75 Sow], k. 114.

на день, может в сравнительно недалеком будущем привести к вооруженному конфликту между нами и германским рейхом, руководимым Гитлером; 2) явное стремление к ускорению процесса сближения между нами, осуществлению чего-то вроде политического союза, который дал бы Советскому правительству гарантии неизменности нашего негативного отношения к гитлеровской Германии... В текущей политике эти две принципиальные тенденции... нашли выражение в инициативах, направленных на организацию новых акций международного значения, которые акцентировали бы и конкретизировали сближение с нами и способствовали бы развитию идеи солидарности, которая проявилась бы в конвенции об определении агрессора и декларации о независимости и территориальной целостности балтийских государств как условии сохранения мира в восточной части Европы... В вопросе о балтийской декларации несомненно превентивует тенденция проверки нашего действительного отношения к СССР и Германии, а также закрепления его в пользу Советского Союза»⁸¹.

Альтернатива выбора, перед которым оказалось польское правительство, возникла из-за активной роли нацистского правительства Германии, которое поставило условием соглашения с Польшей отказ последней от политики сотрудничества с СССР.

Выбор же польским правительством линии на сближение с Германией, практически означавший пособничество Гитлеру на начальной стадии подготовки нацистами борьбы за мировое господство, определялся классовой ненавистью польской буржуазии и помещиков к Стране Советов, а также крупными просчетами правительства Польши во внешнеполитической ориентации страны.

---

⁸¹ Ibid., к. 123—125.

И. И. ЛЕЩИЛОВСКАЯ, В. И. ФРЕЙДЗОН

РЕВОЛЮЦИЯ 1848—1849 ГОДОВ И УГНЕТЕННЫЕ НАРОДЫ АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В период перехода от феодализма к капитализму и формирования буржуазных наций перед народами, входившими в состав Австрийской империи, встали исторические задачи ликвидации феодальных производственных отношений и абсолютизма, завоевания национальной свободы. Эти задачи были тесно связаны между собой и могли быть разрешены только в единстве. В концентрированном виде они выражались в необходимости разрушения реакционной многонациональной империи Габсбургов.

В 1848 г., в обстановке революционного подъема в Европе, в Австрийской империи (в Ломбардо-Венецианской области, австро-немецких землях, Венгрии) началась революция, переросшая в Италии и Венгрии в освободительные войны. Вызванная глубочайшими общественными противоречиями, она сопровождалась в других частях империи резкой активизацией общественно-политического движения и классовой борьбы масс. Только широкая и последовательная борьба за буржуазно-демократические преобразования могла создать реальную основу для консолидации прогрессивных сил каждого из народов, необходимой для успешного исхода самой этой борьбы. Только демократическое решение национального вопроса могло обеспечить межнациональное сотрудничество антигабсбургских сил. Решение национального вопроса было частью общей проблемы демократизации, но в свою очередь и полная демократизация была невозможна без решения национального вопроса.

В условиях Австрийской империи национальные движения являлись одной из неизбежных форм социальной борьбы буржуазных слоев и народных масс угнетенных народов за торжество нового общественного строя. Но особенность исторической ситуации в габсбургском государстве в 1848—1849 гг. состояла в том, что революционный процесс и национальные движения ряда угнетенных народов, развернувшиеся в условиях сложного сплетения социальных, политических и религиозных противоречий, не слились в едином наступательном натиске против феодально-абсолютистских угнетательских сил, за разрушение дунайской монархии.

Задача настоящей статьи — раскрыть условия общественной борьбы угнетенных народов в Австрийской империи в 1848—1849 гг., установить факторы и обстоятельства, определившие национальные взаимоотношения в революционную пору.

Мощное влияние на общественно-политическую обстановку во всех землях империи, на ход событий и динамику борьбы угнетенных народов оказывали революционные процессы в Германии и австро-немецких провинциях монархии Габсбургов. Борьба против феодализма, за социальный

прогресс и политическую свободу в центре Европы имела принципиальное значение для судеб народов Дунайского региона.

В условиях перехода от феодализма к капитализму перед угнетенными народами империи возникали по существу одни и те же вопросы, но они проявлялись в неодинаковой обстановке, различались остротой и формой.

Народы Австрийской империи находились на разном уровне развития. Процесс формирования классов буржуазного общества наиболее продвинулся вперед в Чехии, в наименьшей мере — в Буковине и Закарпатье. Неодинакова была социальная структура населения разных регионов. В то время как венгры, поляки, хорваты, итальянцы имели свой господствующий класс, чехи, словаки, сербы, словенцы, румыны (в Венгрии), украинцы по существу были лишены национального дворянства. Существенно различалось положение отдельных народов в империи. Венгры и поляки являлись господствующими и угнетенными нациями одновременно. Итальянцы (Ломбардия, Венеция), чехи и словенцы были угнетенными нациями. Хорваты, сербы, словаки, румыны (в Венгрии), украинцы подвергались двойному национальному гнету. При этом одни угнетенные народы располагали в разной степени политическими правами, опираясь на государственную традицию, другие — вообще не были ограждены от национального угнетения. Один и тот же народ в разных частях империи обладал различными возможностями для национального развития (словенцы, хорваты, сербы и украинцы в разных землях), подвергался гнету различных по национальной принадлежности господствующих классов (украинцы в Галиции, Буковине и Венгрии), более того, имел неодинаковую социальную структуру (хорваты в Хорватии, Военной Границе и Истрии). Важное значение в национальном плане для поляков и украинцев имело наличие национальных комплексов за пределами империи, а для итальянцев и сербов — национальных государственных образований. К вышесказанному следует добавить разные исторические традиции, этническое родство некоторых народов внутри самой монархии и другие факторы. Эти обстоятельства создавали специфику конкретно-политической ситуации в каждой провинции.

Характер развернувшейся в разных частях империи борьбы за разрешение общественных противоречий определялся в первую очередь социальной природой действующих сил и их руководства. В 30—40-х годах за пределами австро-немецких земель империи недовольство феодально-абсолютистским, угнетательским режимом проявляли как трудящиеся массы, так и торгово-промышленная буржуазия, интеллигенция, в особенности учащаяся молодежь, значительная часть чиновничества, наконец, либеральное дворянство и духовенство.

В 1848 г. борьба пролетариата и городского трудового люда получила размах кроме Вены лишь в главных центрах национальных земель империи — в Пеште, Праге, Милане, Венеции, Львове. Формирующийся рабочий класс и другие трудящиеся слои городов представляли собой главную ударную силу революции, они дрались на баррикадах, давая отпор реакции и двигая революцию вперед. Но они были крайне слабы в идейно-политическом и организационном отношении, за небольшими исключениями оторваны от провинции, от крестьянской массы. Даже более развитый, чем в Австрии, пролетариат северных и западных германских земель не был готов к созданию собственной массовой партии.

Глубоко демократическое по содержанию антифеодальное движение крестьянства, развернувшееся, хотя и с неодинаковой силой, в разных частях империи, не получило необходимых для успеха организованности, целенаправленности и руководства.

Мелкобуржуазные городские слои, в том числе радикальная интеллигенция, были важной движущей силой революции и освободительной борьбы в Пеште, Праге, Милане, Венеции и Львове, возглавляя на отдельных этапах восставшие массы. Но в остальных национальных районах империи позиции мелкобуржуазной демократии были слабы, при этом она, как правило, колебалась в сторону либерализма.

Ведущую роль в политической борьбе угнетенных народов Австрийской империи в эпоху 1848—1849 гг. играли разные слои буржуазии и ее интеллигенция (Ломбардия, Чехия, Словакия), обуржуазивающееся среднепоместное дворянство (Венгрия), либерально-консервативный (Хорватия, Словения) или либерально-клерикальный (Воеводина) блоки. Это были слои общества, связанные с капиталистическими отношениями, с проблемами внутреннего и международного рынков, таможенной политики, втянутые в конкурентную борьбу и т. д., т. е. слои, цементировавшие нацию в социально-экономическом плане, а в идейно-политическом отношении являвшиеся носителями национализма.

В свою очередь австрийская революция, главной боевой силой которой выступал рабочий класс, развивалась при гегемонии либеральной буржуазии и мелкобуржуазной демократии (октябрьское восстание). Это определило непосредственность и противоречивость австрийской революции 1848 г.

Ограниченность социальной природы руководства австрийской революции и ведущих политических сил угнетенных народов была обусловлена характером исторической эпохи. Либеральная буржуазия и дворянство, а частично и мелкобуржуазная демократия оказали решающее влияние на взаимоотношения между угнетенными народами, имевшими одного врага — габсбургский абсолютизм, но не нашедшими общего пути, на взаимодействие буржуазной революции с национальными движениями.

Существенная роль в разжигании национальных конфликтов между угнетенными народами принадлежала Габсбургам, культивировавшим националистическую вражду и рознь, и шовинистически настроенной местной реакции.

Руководящие политические слои угнетенных народов в силу специфики конкретно-политической ситуации в каждой из земель неодинаково решали задачи буржуазно-демократических преобразований, в том числе и национального освобождения. При всех частных особенностях общественных движений в ходе 1848 г. определились две тенденции: революционная и реформистская. В данном случае речь идет о главных тенденциях, определивших в конечном счете общую направленность того или иного общественного движения и его объективную роль в революции 1848—1849 гг.

Революционный процесс как явление конкретно-историческое имел в 1848 г. различные формы, отражая национальные особенности стран, уровень социально-экономического развития и исторические традиции. При этом степень революционности разных классов была неодинакова. Главное, что определяло революционность политических сил угнетенных народов Австрийской империи в 1848 г., была решительная и бескомпромиссная борьба против габсбургского абсолютизма, который олицетворял совокупность основных проблем и являлся главным препятствием на пути общественного прогресса, представляя могущественную опору реакции в каждой из провинций империи. В Венгрии и Ломбардо-Венецианской области руководящие политические слои на деле противостояли Габсбургам и имперской феодально-абсолютистской реакции. Революционная тенденция была характерна для польского освободительного движения. В качестве безусловно обязательного компонента революционная борьба включала устранение внутри самих этих стран социально-политических

условий господства феодальной аристократии, союзника абсолютистского режима. Но характер социальных сил, возглавивших революционную антигабсбургскую борьбу, определил, в частности в Венгрии, ограниченность прогрессивных социально-политических преобразований.

Освободительные движения венгерского, итальянского и польского народов различались конкретными проявлениями, что обуславливалось неодинаковыми условиями их развития. Формы освободительной борьбы видоизменялись в ходе революции. Итальянский народ уже в марте 1848 г. вступил на путь освободительной войны против Габсбургов. Иначе развивались события в Венгрии. Здесь в марте и в последующие месяцы 1848 г. взаимодействовали, сталкивались и перекрещивались борьба народных масс за радикальный путь развития революции (массовые демонстрации в Пеште, аграрное движение крестьян) и мирная по форме, преобразовательная деятельность либерального дворянства, охватывающая социально-политическую и национальную области. Результатом соотношения классовых сил было мартовское законодательство Государственного собрания, утвердившего буржуазное переустройство социально-политического строя Венгрии и ее самостоятельность при сохранении единой с Австрией династии.

Мартовские преобразования, при всей их ограниченности и незавершенности, обусловили поворот в историческом развитии венгерского общества от феодализма к капитализму, от угнетенного состояния к национальной свободе. Решительная позиция Венгрии в отношении феодально-абсолютистского государственного строя Австрийской империи означала самый серьезный шаг к ликвидации дунайской монархии. Значение мартовских событий в Венгрии выходило за рамки внутримперской проблематики, ибо провозглашение военной, финансовой и политической самостоятельности Венгрии, хотя ее фактические взаимоотношения с Австрией оставались еще неясными, наносило удар по всей системе политических отношений в Европе, установленных Венским конгрессом в 1815 г.

Революционная борьба среднего дворянства — руководящей силы венгерского освободительного движения — развивалась от мирных форм (март — сентябрь 1848 г.) к вооруженному сопротивлению Габсбургам, а затем и царизму, к войне за полную независимость страны.

Подавление Краковского восстания 1846 г. и последовавшие затем репрессии нанесли тяжелый удар по польскому освободительному движению в Галиции. Тем не менее его революционная тенденция отчетливо проявилась в 1848 г. в Львовском восстании.

Позиция руководящих слоев венгерского, итальянского и польского освободительных движений определялась глубиной и остротой противоречий между этими слоями, вступившими на путь буржуазного развития, и феодально-абсолютистскими правящими кругами Австрии, опиравшимися на местную реакцию. Она обуславливалась коренными социальными (материальными прежде всего) интересами венгерского среднепоместного дворянства, польской шляхты, итальянской буржуазии, которые в данном случае в определенной мере совпадали, насколько это вообще было возможно для устремлений имущих классов, с интересами широких народных масс. Существенную роль играли также конкретно-политические условия в каждой из угнетенных стран, национальные освободительные традиции и другие факторы.

В период войн с Францией в начале XIX в. благоприятная рыночная конъюнктура стимулировала развитие товарного производства в помещичьих хозяйствах Венгрии. Но аграрный кризис, последовавший за наполеоновскими войнами, и хозяйственная депрессия в Европе нанесли серьезный удар по экономике Венгрии. Финансовый крах государства и

девальвации 1811 и 1816 гг. лишили помещиков денежных накоплений. В 30-х годах на европейских хлебных рынках и в самой империи серьезную конкуренцию венгерскому зерну составил русский хлеб. Рыночные трудности обострили кризис феодального хозяйства в Венгрии, усилили задолженность помещиков и их зависимость от ростовщиков, ускорили процесс разорения дворянства¹.

Для венгерского дворянства положение осложнялось дискриминационной экономической политикой Габсбургов вообще, таможенно-тарифной в частности. Она затрагивала интересы помещиков как поставщиков на рынок сельскохозяйственной продукции и как собственников промышленных предприятий. Австрийское правительство с помощью тарифной системы, импортных, экспортных и промежуточных между Венгрией и Австрией пошлин подавляло развитие в Венгрии обрабатывающей промышленности и тем самым тормозило консолидацию венгерского внутреннего рынка. Венгерскому королевству отводилась роль аграрно-сырьевого придатка промышленно развивавшихся наследственных земель и устойчивого рынка сбыта для готовой продукции австро-немецких земель и Чехии. Вывоз продовольствия из Венгрии в Австрию и на внешние рынки (накануне революции зерно и скот составляли более 40% венгерского экспорта²) в свою очередь регулировался центральными властями в соответствии с интересами австрийских аграриев и буржуазии³. Возможности венгерского сельскохозяйственного экспорта искусственно ограничивались. С ростом венгерского сельскохозяйственного производства (общее производство зерновых в Венгрии с 1809 по 1852 г. возросло в 1,5 раза⁴) проблема рынка для венгерских помещиков, особенно средних, непосредственно связанных с хозяйством, становилась все более острой и потребность развития внутреннего рынка все более очевидной.

Экономические противоречия между венгерским средним дворянством, в особенности его обуржуазивающейся частью, и Габсбургами переплетались с политическими противоречиями. Меттерниховский режим с его абсолютистскими методами управления Венгрией, всеобъемлющим шпионажем и полицейским произволом не только попирали венгерскую феодально-сословную конституцию, но являлся препятствием для буржуазных политических преобразований, в которых становилась все более заинтересованной часть дворян. Со второй четверти XIX в. особенно усилилась борьба венгерского среднего дворянства за буржуазные реформы. Габсбурги были вынуждены пойти на некоторые уступки венгерской оппозиции, но положение оставалось нестабильным.

Антагонизм между венгерским дворянством и Габсбургами усугублялся тем, что династия, руководившаяся принципом «разделяй и властвуй», в целях ослабления венгерского дворянства чинила препятствия его мадьяризаторским планам в отношении ряда народов Венгерского королевства, в особенности хорватов, т. е. она в известной мере мешала укреплению его власти над подчиненными народами.

Основные социально-экономические и политические интересы венгерского обуржуазивающегося дворянства побудили его к выступлению против феодального строя и габсбургского абсолютизма за национальный суверенитет.

¹ П. Ж. Пах. Первоначальное накопление капитала в Венгрии. Будапешт, 1952, стр. 106, 107, 108.

² «История Венгрии», т. II. М., 1972, стр. 55.

³ П. Ж. Пах. Там же, стр. 118, 119.

⁴ R. B i ć a n i ć. Doba manufakture u Hrvatskoj i Slavoniji (1750—1860). Zagreb, 1951, s. 328.

Нетрудно заметить, что серьезные центробежные тенденции были присущи угнетенным нациям, имевшим собственный господствующий класс и живые государственно-политические традиции (венгры, поляки, итальянцы). Однако при однотипной социальной структуре и воздействии одних и тех же экономических и политических факторов позиция венгерского и хорватского дворянства в отношении Габсбургов принципиально различалась. Жажда независимости венгерского дворянства питалась экономической силой Венгрии, богатством ее материальных ресурсов, жизнеспособностью относительно крупного государства и усиливалась традицией антигабсбургских войн XVII—XVIII вв.

Однако революционность венгерского среднепоместного дворянства в 1848 г. в силу социального характера этого слоя была ограниченной. Венгерской революции были свойственны глубокие противоречия. Непоследовательность ее политического гегемона проявилась в решении важнейших вопросов эпохи: внутриполитического устройства, освобождения крестьян и судеб угнетенных народов. В 1848 г. ни одно из общественно-политических течений в Венгрии, включая наиболее радикальную часть интеллигенции — «мартовскую молодежь», хотя отправные позиции их были различны, не смогло расстаться с традиционными представлениями об исторических границах Венгерского королевства и поднестись до признания права угнетенных народов на самоопределение. Венгерское правительство исходило из принципа территориального единства страны и супремации венгерского государственного языка при гражданском равноправии представителей всех национальностей и вероисповеданий⁵. Позиция венгерских революционеров в отношении угнетенных народов была одной из причин обострения национальных противоречий в Венгерском королевстве в 1848—1849 гг.

В идеологии и политических программах подавляющей части славянских национальных движений центральное место занимал австрославизм, исходивший из возможности и необходимости решения национальной проблемы в рамках Австрийской империи. В трактовке австрославизма национальными деятелями отдельных народов имелись нюансы. Наиболее полную разработку австрославистские принципы получили в выступлениях лидеров чешской либеральной буржуазии в 40-е годы XIX в.⁶

Еще в 1791 г. знаменитый славист Й. Добровский высказал императору Леопольду II мысль о совместимости интересов австрийского государства со свободой развития чешской культуры. Позднее представитель консервативной богемской чиновной аристократии граф Л. Тун в брошюре, опубликованной в 1842 г., доказывал, что австрийской монархии выгодна политика, допускающая развитие национальных языков и культуры славянских народов⁷. Подобные выступления не затрагивали основ государственного строя Австрийской империи.

Аналогичные настроения проявлялись в хорватской публицистике: несмотря на четкий политический характер выступления графа Я. Драшковича (1832 г.), его программа также не касалась существующего режима. Драшкович мечтал об объединении хорватских и словенских земель (с присоединением Боснии и Герцеговины) в составе империи и упорчении имев-

⁵ З. И. Т о т. Кошут и национальный вопрос в 1848—1849 гг. Будапешт, 1954, стр. 44; Д. Ш п и р а. Национална политика левице у пештанској револуцији марта 1848. «Зборник за историју», I. Нови Сад, 1970, стр. 31, 32, 34.

⁶ Статья не претендует на общую характеристику значения австрославизма в истории народов Австрийской империи. Она ограничивается постановкой вопроса о его роли применительно к конкретным условиям революции 1848—1849 гг.

⁷ L. T h u n. Über den gegenwärtigen Stand der Böhmischen Litteratur und ihre Bedeutung. Prag, 1842.

шихся в Хорватии сословных представительных учреждений⁸. Выступления, проникнутые чувством лояльности к габсбургскому дому, имели место в среде деятелей национального возрождения других народов. Таким образом, мысли о возможности национального развития того или иного народа в рамках Австрийской империи высказывались неоднократно.

Но выступления идеологов чешской либеральной буржуазии имели иной характер. В 1846 г. К. Гавличек в статье «Славянин и чех» представил систему взглядов, утверждающую, что только в составе Австрии чешскому народу обеспечены условия развития. Автор отметал «славянскую идею», но фактически лишь тот ее аспект, будто языковое родство славянских народов может служить основанием для утверждений об особом «славянском мире», противостоящем другим народам, и для надежд на помощь народам Австрийской империи со стороны русского царизма. Показательно, что резкая критика царского деспотизма смогла появиться в абсолютистской Австрии с соизволения цензуры⁹. В условиях нарастания внутривластного кризиса империи австрийский патриотизм Гавличека «перевешивал» неприемлемые для режима либеральные принципы автора. Этот факт имел символическое значение. В нем в зародыше проявились черты той политики, которую в годы революции охранители целостности Австрийской монархии и поборники «божией милостью» прав государя до поры до времени проводили в отношении австрославистов.

В 1848—1849 гг. австрославистские принципы были развиты чешским либеральным лагерем, в частности его лидером, крупным историком Ф. Палацким. Выступления Палацкого проповедовали мысль о необходимости конституирования наций, их равноправия. Но буржуазные либералы, сама возможность выступления которых с политической программой появилась лишь в результате восстания населения Вены 13—15 марта 1848 г., принципиально отвергали революционный путь борьбы за национальные и политические права. В основе политики чешской либеральной буржуазии находился принцип соглашения с монархической властью. Борясь с австро-немецкой буржуазией за национальные права, чешская буржуазия ориентировалась на компромисс с двором.

Сущность либерально-монархического австрославизма была четко выражена Гавличеком. «Признаем, — писал он, — что наша императорская династия является нашим важным и могущественным союзником, она обладает большой и вполне преданной армией... Нам, славянам, важно сохранение Австрии, так будем же держаться за династию, за монархический принцип»¹⁰.

Необходимость всемерного усиления Австрийской империи чешские либералы обосновывали опасностью со стороны Германии и «универсальной» Российской монархии¹¹. Это, по их мнению, делало нецелесообразным и опасным революционные выступления в Австрии, борьбу за демократическую республику и национальную независимость и вызывало необходимость соглашения с династией. Либерально-монархическим кругам была присуща уверенность в успехе преобразования Австрийской империи реформистским путем на основе конституционализма, федерации и национального равноправия.

Однако упорство, с которым идеологи чешской буржуазии отстаивали австрославистскую программу, коренилось в экономических интересах.

⁸ И. И. Лещиловская. Иллиризм. М., 1968, стр. 64, 149, 151, 157, 158.

⁹ F. W o l l m a n. Slavismy a antislavismy za jara národů. Praha, 1968, s. 176.

¹⁰ Цит. по кн. А. Р л и м а. 1848 год в Чехии. М., 1949, стр. 88, 89.

¹¹ F. P a l a s k y. Psaní do Frankfurta dne 11 dubna 1848. В кн. Spisy drobné. Díl I. V Praze, 1898.

Уже в апреле 1848 г. чешские промышленники заявили, что в составе Германии отечественное производство не могло бы противостоять прусскому и саксонскому, а сбыт в южных районах (югославянских землях. — *Авт.*) был бы затруднен. Таможенная уния с Германией привела бы к установлению таможенной границы между чешскими, с одной стороны, венгерскими и югославянскими землями — с другой, и чешским промышленникам пришлось бы сбывать свои товары при повышенных пошлинах, а к тому же еще делить рынок с немецкими фабрикантами¹². В уставе общества «Славянская липа», созданного в апреле 1848 г. для упрочения межславянских связей в Австрийской империи, говорилось, что целью его является открытие новых путей для проникновения отечественной промышленности и торговли в славянские страны, особенно южные¹³. Так вырисовывалась программа экспансии чешской буржуазии на Балканы¹⁴. Не случайно Палацкий, выдвигая программу могущественной единой Австрии, основанной на союзе ее народов, указывал, что жизненную силу его составляет Дунай, т. е. транспортная артерия империи¹⁵.

Отрицательное отношение вождей чешской буржуазии к венгерскому движению за независимость было обусловлено не столько «славянскими чувствами», сколько боязнью потерять транслейтанский, в частности словацкий и югославянский, рынок. Это последнее обстоятельство подкрепило ее славянские чувства. Нет сомнения, что родство языков облегчало взаимные деловые связи чешских, словацких и югославянских торговцев.

Со своей стороны как консерваторы, так и либералы аграрной Хорватии категорически возражали против препятствий свободному развитию внутримперских связей¹⁶. Они исходили из интересов местных помещиков и торговцев. Экономические интересы ведущих сил чешского и хорватского национальных движений в определенном смысле дополняли друг друга.

Большая часть австро-немецкой буржуазии также отстаивала сохранение Австрийской империи. Экономические соображения стали основой фактического блока сторонников укрепления австрийского конституционного государства.

Хорватское дворянство, кроме того, рассчитывало на Габсбургов как на силу, способную обеспечить его социальные позиции (против крестьянства) и политические интересы (против мадьяризаторских претензий венгерских помещиков). Правда, хорватское дворянство и буржуазия, помня о централизаторских традициях Габсбургов, весной 1848 г. были настроены в пользу сохранения особого положения земель короны Св. Стефана в составе империи при обеспечении равноправных отношений Хорватии с Венгрией¹⁷. Но по мере обострения хорватско-венгерских и австро-венгерских отношений иллирийская партия переориентировалась на последовательно австрославистскую политику в духе федерализма. Представители Хорватии участвовали в Славянском съезде в Праге, официальная

¹² F. W o l l m a n. Ibid., s. 230.

¹³ «Slovanství v narodním životě česků a slováků». Praha, 1968, s. 175 (далее — «Slovanství...»).

¹⁴ K. Гавличек даже в 1850 г. продолжал отстаивать идею свободной Австрии, которая расширила бы свои пределы на Балканах. F. W o l l m a n. Ibid., s. 279, 280.

¹⁵ F. P a l a c k ý. Spisy drobné, díl I, s. 20.

¹⁶ S. P e j a k o v i ć. Aktenstücke zur Geschichte des kroatisch — slawonischen Landtages und der nationalen Bewegung vom Jahre 1848. Wien, 1861, S. 94; «Novine dalmatinsko-hervatsko-slavonske» (далее — «Novine...»), 2 I 1849, s. 2.

¹⁷ «Novine...», 27 III 1848; Iv. Mažuranić. Hervati madjarom. Odgovor na proglašene njihove od ožujka meseca i travnja 1848. Karlovac, 1848, s. 18.

хорватская делегация добивалась представительства Хорватии в австрийском рейхстаге.

Программу преобразования Австрийской империи в союз равноправных народов некоторые хорватские либералы сочетали с планами объединения всех или части южных славян в рамках австрийской федерации. С этой целью в дальнейшем предполагалось развязать войну против Турции.

Во главе словацкого национального движения стояла группа интеллигентов (Л. Штур, Й. Гурбан, М. Годжа и др.). Ввиду крайней неразвитости национальной буржуазии, тесной связи части словацких обуржуазивающихся слоев с хозяйством Венгрии и провенгерской позиции земанства, эта группа располагала слабой общественной базой. В ходе национальной борьбы ее национально-политические позиции менялись. В начале революции со стороны словацких деятелей имели место попытки договориться с венгерскими властями на основе признания последними минимальных национальных прав словаков: права употребления родного языка в школе и администрации. Дальше этих требований многие представители словацкой интеллигенции вообще не пошли¹⁸. «Требования словацкого народа», принятые на общенациональном собрании 10 мая в Св. Микулаше, предусматривали более широкие автономные права Словакии — признание словацкой национальности в составе Венгрии, учреждение сейма по делам национальностей, создание словацкой национальной гвардии и др. В конечном итоге была сформулирована программа автономной Словакии в составе федеративной Австрийской империи, но выдвигались также проекты чешско-словацкого объединения опять-таки в составе империи¹⁹.

Из сказанного ясно, что внешнеполитические обстоятельства — угроза национальному развитию со стороны мощных соседей (как отмечал В. И. Ленин, имея в виду эпоху после 1848 г.²⁰) — имели значение для ориентации ряда национальных движений на сохранение австрийского государства. Но ведущие силы этих движений рассматривали указанные обстоятельства с позиций своих классовых интересов: чешской буржуазии был нужен имперский рынок, польское магнатство Галиции имело в лице Габсбургов защитников своих имений и т. д.

Австрослависты исходили из принципа целостности Австрийской империи в ее исторических границах. Выдвигая программу «равноправного союза народов Австрийской империи», они закрывали глаза на то, что равноправный союз предполагает свободное согласие участников союза. Так же как австро-немецкие и венгерские буржуазно-помещичьи круги отрицали национальные права славянских и румынского народов, австрославизм, стремившийся построить плотину против центробежных волн национальных движений и сохранить целостность империи, отказывал народам в праве на отделение от габсбургского государства²¹. Отдельные выступления иного характера мало меняют существо взглядов сторонников австрославизма, так как они стремились укрепить мощь австрийской монархии, стоявшей на пути создания национальных независимых государств. Поскольку венгры, итальянцы, часть австрийских немцев и по-

¹⁸ «Slovanství...», s. 199, 200.

¹⁹ J. N o v o t n ý. K projektům společného státně politického řešení české a slovenské otázky za revoluce 1848—1849. «Zborník Filozofickej fakulty univerzity Komenského. Historica». Bratislava, 1971, s. 87—96.

²⁰ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 270.

²¹ См. проекты конкретной организации австрийской федерации, разработанные О. Острожинским и Ф. Палацким. F. P a l a c k ý. Spisy..., s. 79; S. P e j a k o v i č. bid., s. 11, 18, 19.

ляков добивались создания самостоятельной государственности, австро-слависты содействовали политике, направленной на подавление их освободительных движений. Как писала не без горькой иронии два десятилетия спустя хорватская радикальная газета, для торжества дела полной свободы народов в Австрийской империи в 1848 г. не оставалось ничего другого, как «раздавить поляков, итальянцев и венгров»²².

Австрославистски настроенные либералы считали возможным осуществить преобразование дунайской монархии путем сотрудничества с династией. Поэтому в условиях революции, когда, как казалось современникам, империя распадалась, политическая ориентация австрославистов была приемлема для верных слуг режима. Так, даже земский президент Чехии граф Л. Тун сотрудничал с подготовительным комитетом Славянского съезда. При этом выступления Палацкого, Гавличека и др. в пользу политических свобод мало беспокоили двор. Либеральные австрослависты смыкались с бюрократией, придворными кругами, военщиной в самом главном для последних вопросе — вопросе о судьбах империи.

Двор и австрийское правительство в период восходящего развития революции были вынуждены в демагогических целях неоднократно подчеркивать незыблемость принципа национального равноправия в Австрии. Стремясь сохранить империю, они с помощью общих фраз о «равноправии» старались поддерживать иллюзии славянских либералов о возможности существенных реформ государственной структуры империи. Демагогический характер австрийской политики проявился, в частности, в том, что вскоре после Пражского восстания его участники были выпущены из тюрьмы. Министру внутренних дел А. Баху в связи с этим даже пришлось выдержать борьбу со «слишком» реакционным и «слишком» прямолинейным Виндишгрецем, настаивавшим на суровых репрессиях. В условиях революции Габсбурги играли на национальных чувствах ряда угнетенных народов.

После Пражского восстания (12—17 июня 1848 г.) и особенно в условиях австро-венгерской войны либеральные лидеры славянских национальных движений в Австрийской империи находились в союзе с двором и австрийским правительством²³. В сентябре 1848 г. правые депутаты рейхстага, в том числе славяне, отказались допустить в рейхстаг делегацию Венгрии. В октябре чешские, словацкие, хорватские, словенские и сербские либералы выступили против демократического восстания венцев, усматривая в нем поддержку пангерманским и мадьяризаторским интересам. Правительство Добльхоффа, подававшее либералам надежды на разрешение национальной проблемы путем парламентских дебатов, фактически служило прикрытием для собиравшей силы контрреволюции.

Даже приход к власти в ноябре 1848 г. министерства Шварценберга, сторонника централизма, — факт, посеявший в стане славянских либералов определенное беспокойство, — не прервал поисков ими сотрудничества с правительством, тем более что и Шварценберг и император Франц-Иосиф в конце 1848 г. сделали успокоительные заявления о признании принципа национального равноправия в Австрии. Разгон бессильного рейхстага и октроирование конституции 4 марта 1849 г. свидетельствовали о крахе национальной политики либералов. Их постигла та же участь, что и их «собратьев» в Германии. И те и другие были наказаны за политику компромисса с «домартовскими» силами. Учредительные собрания в Ав-

²² «Hervatska», 26 II 1871.

ko ²³ J. Novotný. Diskuse kolem otázek hodnocení revoluce 1848—1849. «Ceslovenský časopis historický», 1967, № 2, s. 206.

стрии и Пруссии, писал Ф. Энгельс, «предали народ и возвратили власть в руки феодального, бюрократического и военного деспотизма»²⁴.

Составной частью австрославизма была славянская политика чешских, хорватских, словацких либералов. Идеи «всеславянства», общности исторических судеб славянских народов, имевшие широкое распространение среди славянской общественности в предреволюционную пору и сыгравшие позитивную роль в культурном сближении славянских народов, вылились в 1848 г. в тенденцию политического сплочения славян дунайской монархии. Эти стремления воплотились в проекте федеративного союза славян в империи, разработанном на Славянском съезде²⁵. В призыве к политической интеграции славян Австрийской империи проявилось желание опереться прежде всего на собственные национальные силы в решении национального вопроса. Материалы Славянского съезда, в частности Манифест к народам Европы (единственный документ, официально принятый съездом²⁶), дышат ненавистью к национальному гнету, содержат страстные призывы к равноправию наций, признанию их «естественных» прав, к свободе, равенству и братству. Это были прогрессивные принципы эпохи буржуазно-демократических движений. Однако идея «славянского союза» в Австрийской империи в конкретных условиях 1848 г., в обстановке столкновения сил прогресса и реакции в европейском масштабе, обострения социальных и политических противоречий внутри самих славянских народов служила обособлению славян от европейского революционного лагеря и уводила национальные движения в сторону от действительной борьбы за свободу и суверенитет. Объективная логика событий и соотношения сил в империи заключалась в том, что лозунг союза свободных славян, поскольку не было и речи о революционной борьбе за демократические идеалы, мог способствовать лишь спасению трона Габсбургов и поддерживавшей его реакции²⁷.

Национально-либеральные круги в славянских землях (кроме польских) питали ложные иллюзии, что «славянские» вооруженные силы во главе с хорватским баном Елачичем (который после вторжения в сентябре 1848 г. в Венгрию стал фельдмаршалом и главнокомандующим императорскими войсками в Венгрии) после поражения венгерской революции станут решающей силой во внутривполитической жизни государства и венскому правительству и династии придется с этим считаться. Особые надежды на Елачича возлагали именно те славянские деятели, которые не доверяли доброй воле австрийского правительства (например, А. Т. Брлич, Д. Кушлан и другие в Хорватии, Л. Штур в Словакии). Они мечтали навязать австрийским правящим кругам «свободную федерацию» руками верного габсбургского служаки, генерала Елачича. Поэтому подчинение Елачича Виндишгрецу (ноябрь 1848 г.) вызвало в кругах этих деятелей наибольшее разочарование. В печати появились размышления на тему, проявит ли двор благодарность «славянам» за их помощь. Во всем этом сказалась политическая неопытность многих деятелей, трудная политическая ситуация, в которой они оказались, и вместе с тем объективная роль австрославизма как идеологии национал-либералов.

²⁴ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 8, стр. 50.

²⁵ V. Začek. Slovanský sjezd v Praze roku 1848. Sbirka dokumentů. Praha, 1958, s. 378—379.

²⁶ Там же, стр. 358—361.

²⁷ Любопытно, что австрийские власти и позднее эксплуатировали чувства славянской солидарности в интересах упрочения единства империи. Так, бан Хорватии, генерал Шокчевич, зная ненависть хорватов к австро-немецкой власти, призывал хорватский сабор в 1861 г. укреплять... не власть императора, а союз славян Австрийской империи. (См. В. И. Ф р е й д з о н. Борьба хорватского народа за национальную свободу. М., 1970, стр. 102.)

В период революции 1848—1849 гг. активные силы в общественных движениях славянских и румынского народов выдвинули программы гарантии конституционного строя, национального равноправия, более или менее далеко идущие требования объединения национальных территорий, автономии, самоуправления. Политические лидеры народов, не имевших собственного дворянства (например, словаки), подчас выступали за углубление аграрных преобразований. Но указанные идеи остались благим пожеланием, так как славянские и румынские либералы в борьбе против экспансионистских устремлений австро-немецких и венгерских буржуа и помещиков стремились заручиться поддержкой габсбургского двора и австрийского правительства. Все народы стремились сбросить с себя гнет абсолютизма и феодализма, однако австрофедералистская ориентация либеральных кругов, обусловленная всей тогдашней социальной структурой ряда народов и общеполитической обстановкой, позволила контрреволюции использовать развивающиеся под этим знаменем национальные движения в своих целях. В 1848—1849 гг. имело место особое, конкретно-историческое сочетание социальных и политических явлений, которое ушло в прошлое вместе с эпохой, его породившей.

Революционная и австрославянская (австрофедералистская вообще) национально-политические тенденции в 1848 г. в Австрийской империи противостояли друг другу. Наиболее отчетливо столкновение между ними проявилось в хорватско-венгерском конфликте. Если в начале революции, в момент острейшего кризиса имперских феодально-абсолютистских сил, развитие хорватско-венгерских отношений в какой-то степени зависело от политики венгерского правительства в национальном вопросе²⁸, то после июня, когда позиции австрийского двора окрепли, а хорватский сабор официально присоединился к австрославизму, главным пунктом в хорватско-венгерском конфликте стал вопрос о судьбах империи. Поэтому никакие уступки Венгрии в хорватском вопросе, даже согласие венгерского правительства на полное отделение Хорватии (подразумевалось — вместе со Славонией, Военной Границей и Приморьем) от Венгрии в августе 1848 г., не могли удовлетворить хорватские политические круги. Это было столкновение двух национально-политических тенденций, из которых одна означала революционную ломку прогнившей империи, что соответствовало интересам революционного преобразования Европы, а другая — реформирование монархии в буржуазное многонациональное государство. В этом состояла суть хорватско-венгерского конфликта в 1848 г.

При полном господстве австрославизма в идеологии и реальной политике в 1848 г. в Хорватии и Воеводине наметилась также югославистская национальная тенденция (Л. Гай, М. Броз, И. Филипович и др.)²⁹. Она отражала потребности наиболее зрелой в социальном и идейном отношениях части буржуазии. Югославизм — идеология и политика борьбы за полное национальное освобождение и государственное объединение, в первую очередь и главным образом сербов, хорватов и словенцев, в сочетании с буржуазными преобразованиями — предполагал кардинальный поворот в историческом развитии хорватского народа. Такой поворот был

²⁸ В большей мере эта политика имела значение для развития сербско-венгерских и словацко-венгерских отношений.

²⁹ «Iz korespondencije A. T. Brlića». — «Građa za povijest književnosti hrvatske», knj. 16. Zagreb, 1948, s. 92; L. Lončar. Iz korespondencije Ivana Filipovića. «Starine», knj. 45. Zagreb, 1955, s. 414, 421; J. Horvat, J. Ravlić. Pisma Ljudevitu Gaju. Zagreb, 1956, s. 78; «Преписка Илије Гарашанина», кн. I. 1839—1849. Београд, 1950, стр. 165; «Грађа за историју српског покрета у Војводини 1848—1849». Серија I, кн. I. Март — јуни 1848. Београд, 1952, стр. 488—491.

возможен лишь для новых общественных сил. Сам факт появления принципиально новой национально-политической тенденции был свидетельством того, что в Хорватии складывалась буржуазная группировка, действительно заинтересованная в силу направленности и широты своих материальных контактов в сотрудничестве и сплочении югославян и связывавшая решение национального вопроса с развалом габсбургской империи. Однако в 1848 г. Хорватия еще не созрела экономически, социально и идейно-политически для того, чтобы югославизм стал основополагающим принципом буржуазной политики.

Югославизм представлял собой чрезвычайно сложное явление в конкретной обстановке 1848 г. Заложенная в нем идея независимого буржуазного югославянского государства (хотя формы его внутренней организации оставались идеологам югославизма неясными) проистекала из потребностей развития капитализма и югославянских наций, предполагала бескомпромиссный способ решения национального вопроса и отвечала, хотя не во всех аспектах с достаточной последовательностью, нуждам преобразования государственно-политических и социально-экономических отношений в Юго-Восточной Европе. Идея югославянской государственности на буржуазных основах как принцип решения национального вопроса на Балканах была прогрессивна (хотя степень прогрессивности ограничивалась самой исторической эпохой) и с точки зрения устранения препятствий общественному развитию в этом регионе, и с точки зрения прав угнетенных югославянских народов на национальную свободу, и с точки зрения европейских интересов, ибо образование буржуазного югославянского государства неизбежно предполагало ликвидацию феодально-абсолютистской габсбургской монархии и реакционной Османской империи.

Югославистской идейно-политической концепции была присуща буржуазная классовая ограниченность. Эта концепция была далека от подлинно демократического соединения социальной и национальной проблем, но вместе с тем она отражала зыбкость и поверхностность легитимизма некоторой, пусть еще незначительной, части буржуазного лагеря угнетенной хорватской нации и готовность к антиавстрийской, антигабсбургской ориентации.

Однако в силу крайне сложных условий национальной борьбы в 1848 г., идейно-политической незрелости сторонников югославизма, проистекавшей не в последнюю очередь из отсталости и провинциализма Хорватии, носители югославизма не сумели найти правильного пути к осуществлению патриотического идеала. Хорватские и сербские деятели видели первоочередную задачу в вооруженном подавлении Венгрии. У них было ложное представление, что с установлением в марте дуализма в империи в первую очередь Венгрия препятствовала свободе сербского и хорватского народов. Это обусловило ошибочность практической позиции югославистов. На деле такая позиция означала обращение национальной энергии югославянских народов на ложный, роковой для революции путь, от судеб которой в конечном итоге зависела свобода и югославян.

Общественные движения угнетенных народов Австрийской империи были неоднородны по своей социальной и идейно-политической структуре. Степень и глубина политической поляризации зависели от множества факторов, главным из которых были уровень социально-экономического развития, интенсивность процесса образования классов буржуазного общества, острота классовых противоречий, сила и массовость классовой борьбы крестьянства и трудящихся слоев городов. При этом очевидно, что освободительные движения, конечной целью которых были буржуазные преобразования и достижение национальной независимости, по своей

внутриполитической структуре были более дифференцированными, радикальные направления в них более выраженными и сильными, чем в национальных движениях, руководящие слои которых ограничивались либерально-конституционным реформизмом на основе сотрудничества с правящей династией. Однако, как это было в Венгрии³⁰, дело не доходило до распада антиабсолютистского национального фронта. Борьба за независимость, неизбежно связанная с активизацией широких масс и углублением размежевания общественных сил, требовала выдвижения на первый план политической жизни наиболее энергичного слоя революционеров. Освободительная война обусловила переход власти в сентябре в Венгрии из рук коалиционного правительства Л. Баттjани к радикалам и блокировавшемуся с ними Л. Кошуту, наиболее последовательно выражавшему интересы среднего дворянства³¹. Борьба за независимость имела не только революционный — в плане решения общенациональных задач, — но и революционизирующий общество смысл.

Революционная война способствовала размежеванию в Венгрии патриотического фронта и сторонников Габсбургов. Во время войны влияние группы венгерских консервативных придворных аристократов, с самого начала событий стоявших на стороне Габсбургов, резко упало. С некоторыми открытыми капитулянтами внутри страны Кошут и его сподвижники поступали по-революционному. Но все же дворянская классовая позиция даже наиболее последовательных вождей венгерской революции не позволила им решительно отмежеваться от «партии мира», освободить движение от сторонников соглашения с Габсбургами.

Иная ситуация сложилась, например, в Хорватии. Здесь в сохранении империи были заинтересованы как либеральные, так и консервативные круги, составлявшие Народную партию. Этот либерально-консервативный блок, в руках которого находилась власть в Хорватии после марта 1848 г., поддерживал политику Елачича. Последний защищал как его социальные (против крестьянства), так и национально-политические (против Венгрии) интересы. Даже те политические деятели, которые, подобно барону Ф. Кульмеру, поддерживали самую реакционную политику габсбургского двора, долгое время казались либеральным кругам ценными союзниками: эти «союзники», как и сами либералы, боролись за сохранение целостности Австрийской империи против «раскольников-венгров», «связывающих руки» государю и не дающих ему проводить якобы благоприятную для хорватов политику. Таким образом, австрославизм препятствовал политическому размежеванию в хорватском обществе и тем самым приводил к тому, что в отличие от Венгрии реакционеры сохраняли здесь свои позиции. Наличие либерально-консервативного блока — вот, что было присуще политической обстановке в Хорватии в 1848—1849 гг., а в разной мере и другим землям, где господствующим принципом являлся австрославизм. Данная констатация не исключает того факта, что между либералами и консерваторами в определенные периоды возникали конфликты, иногда острые. Примером такого конфликта является борьба между руководителем Главного одбора (комитета) Дж. Стратимировичем и патриархом Раячичем, лидером церковно-феодалных сил, за власть в сербской Воеводине осенью 1848 г. Однако в конечном счете и здесь австрославистская ориентация способствовала «смягчению» противоречий. Либерал Стратимирович капитулировал перед патриархом, а

³⁰ Й. Р е в а и. Маркс и венгерская революция 1848—1849 гг. Будапешт, 1951, стр. 34.

³¹ Р. А. А в е р б у х. Революция и национально-освободительная борьба в Венгрии 1848—1849. М., 1965, стр. 92—93, 173.

после поражения октябрьского восстания в Вене посетил столицу империи и был с почтением принят австронемецким дворянско-буржуазным обществом.

Несмотря на определенные разногласия, сотрудничали друг с другом польские консервативно-помещичьи и те либеральные дворянские и буржуазные круги в Галиции, которые не желали порвать с Габсбургами (Е. Любомирский, Ф. Смолька и др.). В Словении между либералами и консерваторами также не было разногласий в вопросе о сохранении империи. В Чехии австрославистская буржуазия ориентировалась на блок с консервативным земским дворянством и т. д. Ориентация на сохранение империи сдерживала развитие демократических, радикальных сил в национальных движениях, тормозила подъем движений на более высокую ступень.

Из общественных движений славянских народов (кроме польского), при наличии буржуазной демократии почти в каждом из них, — хотя ее политические позиции и степень влияния были различны, — только в чешском движении была радикальная демократическая группировка. Правда, наличие довольно сильного антифеодального крестьянского движения в Хорватии, Словении, Воеводине, Буковине и демократического движения в городах Воеводины создавало возможность для возникновения революционной демократии в этих землях. Но разрозненные, спорадически появляющиеся ее элементы, как это было, например, в Хорватии во время крестьянского выступления в Гробнике, не сложились в политически развитое и обособленное течение.

Чешская демократия — «рипилисты», опиравшиеся на часть учащейся молодежи, рабочих, мелких ремесленников и торговцев — явилась застрельщиком освободительного движения в Праге в марте 1848 г. (К. Сабина, В. Арнольд, Й. Прохазка, И. Кнедльганс, В. Гауч, Ф. Копп и др.). Однако ей долго не удавалось полностью отмежеваться от либералов в программном, тактическом и организационном отношении. В марте 1848 г. демократы упустили инициативу и, несмотря на подъем активности масс, дали возможность лидерам либеральной буржуазии вплоть до июньского восстания в Праге определять основное направление политики чешского национального движения.

В демократической среде получили распространение идеи утопического социализма (В. Вавра, К. Сабина и др.), мечты Луи Блана и Прудона «о социальной республике». Весьма важным для нее был глубокий политический демократизм, недоверие к «господам», враждебность к аристократии и ее привилегиям («господствовать должен народ»), готовность к революционной борьбе за свободу, а в аграрном вопросе — требование отмены феодальных повинностей без выкупа. В отличие от либералов, центр тяжести программы демократов находился в социально-политической сфере. Характерно, что, рассматривая путь к решению национального вопроса, Ф. Копп выходил за рамки мира частной собственности. Он был убежден, что только при социализме свобода и национальность достигнут славы и совершенства³².

Восстание народных масс Праги, частично поддержанное крестьянством Чехии, боровшимся за полную ликвидацию феодализма, было стихийным выступлением, вспыхнувшим в обстановке огромного превосходства сил на стороне реакционного генералитета. Это было подлинно революционное восстание, реальной попыткой чешской демократии преградить путь контрреволюции. К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно выражали солидарность с пражскими повстанцами, которых они рассматривали как отряд

³² И. И. Удалцов. Очерки из истории национально-политической борьбы в Чехии в 1848 г. М., 1951, стр. 239.

«революционной партии от Неаполя, Праги, Парижа до Милана, Вены и Франкфурта»³³. Пражское восстание стало частью демократической революции в Европе.

Революционное выступление в Праге явилось самым серьезным вкладом в национально-освободительное движение чешского народа, актом политического пробуждения чехов. Демократия стремилась перестроить австрийское государство не путем компромисса с силами реакции, а путем борьбы против нее. По словам И. В. Фрича, если бы повстанцы — пражане и спешившие им на помощь крестьяне — не достигли ничего другого, как только доказали, что пробудившийся к политической жизни чешский народ освободился от рабства, уже этим они защитили бы честь нации³⁴.

Победа Виндишгреца над Прагой была встречена с ликованием всей германской и австрийской помещичьей реакцией. Немецкая либерально-националистическая буржуазия, страшившаяся демократических сил своего народа, с двойным удовлетворением восприняла поражение Пражского восстания. Для нее этот факт, кроме удара по «анархии», означал ослабление политических сил чешского народа³⁵. Но удар по чешской демократии явился одним из поражений революции вообще и тем самым ударом по делу объединения Германии: ожидать содействия ему от австрийской реакции было невозможно.

В период после Пражского восстания размежевание между либералами и демократами в среде чешского национального движения было медленным и трудным. Оно тормозилось тем обстоятельством, что демократы, при всех их отличиях от либералов в методах борьбы, ее политических и социальных целях, считали необходимым сохранение целостности территориальных переделов австрийского государства. Тем самым в условиях борьбы венгров и итальянцев за независимость сохранялась почва для контактов чешских демократов с либералами, а посредством последних — даже с силами Елачича. Демократы, составившие левое крыло общества «Славянская липа», рассчитывали на «славянскую политику» бана. В этом проявилась незрелость чешского демократического движения.

Освобождение от надежд на федерализацию Австрии проходило медленно³⁶. Не столько разгром демократической революции в Вене Виндишгрецем и Елачичем, выступавшим под знаменем «славянской свободы», сколько последующие события — наступление императорской армии против Венгрии, усиление реакции в Австрии, наконец, разгон рейхстага и октроирование централистской конституции (март 1849 г.) — способствовали ликвидации федералистских иллюзий в демократической среде.

К. Маркс и Ф. Энгельс на примере Польши разработали вопрос о путях национального освобождения угнетенных славянских народов. «Заслуга поляков состоит в том, — писал Ф. Энгельс в 1848 г., — что они первые признали и провозгласили аграрную демократию как единственно возможную форму освобождения всех славянских наций...»³⁷. Развивая и обогащая идейное наследие К. Маркса и Ф. Энгельса по национальному вопросу, В. И. Ленин писал о Балканах эпохи буржуазно-демократических преобразований: «Только доведенное до конца экономическое и политическое освобождение *крестьян* всех балканских народностей может

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, стр. 444.

³⁴ А. Клима. Там же, стр. 116.

³⁵ Даже представителям венгерского студенчества казалось, что Виндишгрец — спаситель от панславизма. См. F. Wollman. Ibid., s. 235.

³⁶ V. Z a č e k. Die Rolle des Austroslawismus in der Politik der österreichischen Slawen. В кн. L'udovit Stur und die slawische Wechelseitigkeit. Bratislava, 1969, S. 145.

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, стр. 381.

уничтожить всякую возможность какого бы то ни было национального угнетения»³⁸.

Эти соображения имеют значение и для угнетенных славянских народов Австрийской империи, расположенных на стыке Западной и Восточной Европы и имевших преимущественно крестьянский состав населения. Решение национального вопроса в дунайской монархии в период революции могло стать возможным только вследствие коренного демократического социального переворота, устранения господства австро-немецких, венгерских, польских, итальянских помещиков над «своим» и инациональным (славянским и румынским) крестьянством, уничтожения господства землевладельческой аристократии, этой опоры угнетательских режимов, над широкими массами народа.

В силу различий конкретно-исторического процесса указанный путь социального развития для разных угнетенных провинций Австрийской империи имел неодинаковый смысл. В польском освободительном движении еще в период Краковского восстания 1846 г. реально проявилось политическое направление, пытавшееся на практике связать дело национального освобождения с борьбой за последовательное искоренение феодализма и имевшее связи с крестьянством³⁹. Но в ряде других земель, в частности в Хорватии, Словении, Воеводине, в 1848 г. не сложилось общественно-политического течения, способного возглавить аграрную революцию. Реальное соотношение классовых сил и степень зрелости революционных масс здесь были иными, хотя крестьянство составляло потенциальную силу такого переворота. Для этих областей указанный Ф. Энгельсом в 1848 г. путь национального и социального освобождения имел значение как перспектива, как направление, в котором должно было развиваться освободительное движение.

Судьбы народов Австрийской империи зависели не только от наличия объективных предпосылок революционного освобождения в каждой из стран, но и от способности демократии как угнетенных, так и угнетающих наций к политике сотрудничества с другими народами.

В Германии и Австрии, странах значительно продвинувшихся в направлении буржуазного развития, демократия в 1848 г. в основном представляла интересы мелкой буржуазии и лишь в небольшой мере переходила на позиции рабочего класса. Как отмечал Ф. Энгельс, политика интернационализма в Германии была возможна лишь при кардинальном революционно-демократическом перевороте⁴⁰.

Австро-немецкая демократия, принадлежавшая к угнетающей нации, стояла на позициях революционного решения национального вопроса путем ликвидации многонациональной империи, однако со свойственной мелкобуржуазной демократии в 1848 г. непоследовательностью в борьбе против реакции и бесправия. Венские революционеры боролись за объединение Германии, были поборниками свободной Венгрии, сочувственно относились к борьбе поляков и итальянцев за свободу. Но вместе с тем они были противниками национального равноправия других славянских народов⁴¹. Исходная позиция венских революционеров в славянском вопросе определялась мнением, что предоставление свободы славянским народам ослабит новую Германию и свободную Венгрию, которым отводилась роль оплота демократии в Центральной Европе.

³⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 188.

³⁹ В. А. Дьяков. Маркс, Энгельс и польское освободительное движение, М., 1968, стр. 27—28.

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, стр. 161, 162.

⁴¹ «Die Constitution», 2 V 1848, s. 535—537; 29 IV 1848, s. 503—504; 10 V 1848, s. 623—624; 29 VII 1848, s. 1122.

После переезда венгерского правительства в Дебрецен часть радикалов, группировавшихся вокруг газеты «*Magcius Tizenötödike*» («15 марта»), занимала несколько отличную от господствующего мнения позицию по национальному вопросу. Понимая необходимость соглашения с венгерскими народами, они считали законными некоторые требования последних. Однако дебреценские радикалы не шли дальше признания прав национальных языков в местном самоуправлении. Хотя теоретически они допускали возможность федерализации Венгрии после победы революции, на деле они придерживались принципа территориально-политической целостности страны и употребления исключительно венгерского языка в парламенте⁴².

Но и левые силы угнетенных славянских народов были незрелыми, проявляли политическую ограниченность. Укрывшись в Загребе после поражения Пражского восстания, Й. В. Фрич и другие чешские и словацкие деятели в августе 1848 г. связывали национальное освобождение славянских народов с победоносной войной против Венгрии. Фрич намеревался вступить солдатом в армию Елачича, полагая с ее помощью освободить Прагу от власти Виндишгреца⁴³. Особенно отчетливо узость политического кругозора славянских национальных деятелей, в том числе левых, проявилась в период октябрьского восстания в Вене. Ошибочную позицию заняли даже такие деятели радикально-демократического склада, как К. Сабина, активный участник Пражского восстания⁴⁴.

Однако весной 1849 г. усиление абсолютистских тенденций австрийского двора и реальная угроза царской интервенции вызвали идейно-политический сдвиг в радикальных, а частично и либеральных кругах в ряде угнетенных провинций. Он проявился в славянской буржуазной оппозиции австрийскому правительству и нарастании симпатий к Венгрии.

В чешском национальном движении, непосредственно подвергавшемся ударам со стороны габсбургской реакции и развитом идеологически, уже до опубликования конституции 4 марта 1849 г. проявилось понимание бессмысленности борьбы на стороне австрийских императорских войск. Настроения большинства чехов, участников походов в Словакию, выразил М. Микшичек, который публично, в газетной статье, весьма критически оценивал собственное участие в войне и неизбежные результаты последней. Он предостерегал словаков от веры в помощь Вены и утверждал, что с венграми лучше вести переговоры, чем драться. «Вы осуждаете мадьяр за то, что они не за свободу, но спрашивается: разве вы воюете за свободу? Обеспечит министерство Шварценберга вам свободу?...»⁴⁵. В марте 1849 г. в Праге и ее окрестностях стены домов были исписаны лозунгом «Да здравствует Кошут!»⁴⁶.

Весной 1849 г. дело революции еще не было потеряно. В апреле венгерская армия нанесла крупное поражение императорским войскам, династия Габсбургов была низложена венгерским парламентом, вооруженная борьба за имперскую конституцию развертывалась в Германии. Чешские демократы в контакте с немецкими демократами в Дрездене и Праге стали готовить восстание. С этой целью они использовали мно-

⁴² З. И. Т о т. Там же, стр. 93, 94.

⁴³ J. V. F r i č. Pañeti, t. II. Praha, 1960, s. 207.

⁴⁴ D. R a p a n t. Slovenské povstanie roku 1848—1849. Dejiny a dokumenty, II, 2. Turčianský Sv. Martin, 1948, s. 556—557, 581, 582; III, 1. Bratislava, 1956, s. 13.

⁴⁵ Цит. по: J. N o v o t n y. Češi a slováci v národně politických bojích od slovan-ského sjezdu do porážky revoluce 1848—1849. «Historický časopis». Bratislava, 1968, № 3, s. 325.

⁴⁶ А. К л и м а. Там же, стр. 134.

гочисленные местные филиалы общества «Славянская липа», откуда еще в конце 1848 г. ушли либеральные политики. Однако организация чешских революционеров в мае 1849 г. была разгромлена властями.

В лагере румынского национального движения глубоко поняли существо происходивших событий радикал Н. Бэлческу и А. Янку — руководитель крестьянского отряда, действовавшего в горах Трансильвании. Несмотря на венгеро-румынский конфликт, они попытались создать единый фронт против Габсбургов. С этой целью Бэлческу летом 1849 г. встретился с Кошутом⁴⁷. Однако изменить ход войны уже не удалось.

Несмотря на неуспех шагов, предпринятых радикальными и демократическими деятелями, именно они спасли честь демократии своих народов.

Общее разочарование, вызванное октроированной конституцией, угроза царской интервенции обусловили поворот чешской либеральной политики в сторону соглашения с Венгрией. В мае 1849 г. в Париже при содействии А. Чарторыского встретились Ригер и венгерские представители — Телеки, Сарвади и Пульски. Была достигнута договоренность о целях борьбы — ликвидации габсбургской монархии и образовании на ее месте сильного федеративного государства в составе Чехии, Моравии, Силезии, Венгрии (где словакам и немцам предусматривалось предоставление местного самоуправления), Хорватии, Воеводины, Румынии и Галиции. Невенгерские народы и венгры должны были объединить свои силы для борьбы против габсбургской Австрии и царской России⁴⁸.

Трезвая оценка политической реальности привела Д. Кушлана, лидера хорватской либеральной оппозиции, в июне в Белград, где в тот момент проходили сербско-венгерские переговоры. Между Кушланом и представителем венгерского министерства иностранных дел Д. Андраши было достигнуто соглашение о совместной борьбе с Австрией на основе признания венгерской стороной равноправия хорватов⁴⁹.

В обстановке успешных действий венгерской армии правительство Венгрии не утвердило этих соглашений. Только 28 июля 1849 г. венгерский парламент принял первый в истории Венгрии закон о национальностях. Невенгерским народам предоставлялось право пользования родным языком в школе, церкви и муниципальных учреждениях. Но и этот запоздалый закон был весьма узким.

Поражение революции в Австрийской империи прервало наметившийся процесс сближения угнетенных народов с целью борьбы против габсбургской реакции.

Анализируя социально-политические условия, историческую обстановку и движущие силы революций 1848—1849 гг., К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали решающую роль революционной энергии народных масс в эти годы⁵⁰. Трудящиеся классы являлись главной боевой силой буржуазных революций и национально-освободительных войн Венгрии и Италии. Демократия в широком смысле — вот кто двигал вперед революционную борьбу, углубляя ее содержание и задачи. Европейские революции и выступление народа Пешта побудили венгерское среднепоместное дворянство в марте 1848 г. вступить на путь социальных и политических преобразований. В сентябре того же года именно возросшее давление масс, в первую очередь столицы, определило полевение части вен-

⁴⁷ «История Венгрии», т. II, стр. 172.

⁴⁸ Н. В а т о в с к и. Polacy, Chorwacy i Węgrzy w r. 1848—1849. Warszawa, 1937, s. 14—15, 16—17.

⁴⁹ J. T h i m. Magyarországi 1848—1849 iki Szerb fölkelés története, k. III. Budapest, 1937, p. 789—791.

⁵⁰ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 7, стр. 13, 15; т. 8, стр. 38, 42, 99—100, 103—104 и др.

герского дворянства, победу в ходе политического кризиса Кошута и радикальных сил, подъем революционной войны за свободу⁵¹.

С другой стороны, генеральные национально-политические тенденции общественных движений оказывали обратное воздействие на степень активности народных масс. Борьба за независимость предполагала революционный путь решения национального вопроса силой движения масс народа. Завоевание национальной независимости было невозможно без участия широких слоев населения, без развязывания революционной энергии народа, без самой решительной борьбы с чужеземными угнетателями и их местными пособниками. Вот почему борьба за независимость венгерского, итальянского, польского народов сливалась с интересами европейской революции и демократии вообще.

Наоборот, оппортунистическая тактика австрославизма, нацеленная на то, чтобы добиться приемлемого для помещиков и буржуазии решения национального вопроса помимо народных масс, сковывала энергию трудящихся классов.

История 1848 г. в Австрийской империи показывает, что революционные освободительные движения опирались в первую очередь на городские демократические силы: рабочий класс, бедноту, ремесленников, мелкую буржуазию, радикальную интеллигенцию. Именно эти слои сыграли решающую роль в мартовских и сентябрьских событиях в Пеште, мартовских «пяти днях» в Милане, в ходе которых императорская армия под командованием Радецкого была изгнана из Ломбардии, революционным перевороте в Венеции, Краковском, Пражском и Львовском восстаниях. Необходимой предпосылкой такой активности городских демократических слоев был относительно высокий уровень социального развития городов⁵². Хорватия, Далмация, Истрия, Буковина и другие провинции, где наиболее крупные города насчитывали в 40-х годах около десятка или несколько больше тысяч жителей, в 1848 г. по существу еще не были подготовлены для развития городского революционного движения.

Размах крестьянского движения во всех землях Австрийской империи являлся одним из решающих факторов глубины социальных преобразований в годы революции. Крестьянское антифеодальное движение находилось в общем русле революционного процесса, являлось одним из компонентов революции. Однако борьба крестьян в 1848—1849 гг. была ограниченной. Они боролись в основном за утверждение полной собственности на уголья, которыми пользовались, и за возврат земель, отрезанных помещиками в последние десятилетия.

В сложной обстановке 1848 г. условия развития крестьянского движения в отдельных районах, конкретное воздействие классовой борьбы крестьянства на ход событий и ее объективное общеполитическое значение были различны.

В австро-немецких землях и Ломбардии, где развернулись революционные городские движения во главе с буржуазией, крестьянство могло стать их естественным союзником при условии выдвижения политическим руководством радикальной аграрной программы. Такой программы не было не только у либеральной буржуазии, но и у мелкобуржуазной демократии. Отсутствие ее определило слабое участие крестьянства в австрийской и итальянской революциях.

Особая ситуация сложилась в Венгрии, где гегемоном буржуазной революции и национально-освободительной войны выступало среднее

⁵¹ «История Венгрии», т. II, стр. 155, 156, 157.

⁵² Население Вены накануне революции составляло более 400 тыс., Пешта — свыше 100 тыс., Прага — 150 тыс., Львова — 70 тыс. человек.

дворянство. Крестьянство здесь являлось одной из наиболее последовательных революционных сил. Его аграрное движение было направлено на радикальную ликвидацию феодализма. Дворянство под давлением крестьянских масс в марте было вынуждено отказаться от ряда классовых привилегий, согласившись на ликвидацию основных феодальных повинностей (за государственный выкуп), помещичьей власти и церковной десятины. Крестьянство летом продолжало борьбу, добиваясь углубления буржуазных преобразований. Революционная война заставила венгерский парламент сделать новую уступку крестьянству. 15 сентября была отменена виноградная десятина. Так, благодаря крестьянству венгерская революция приобрела более последовательный буржуазный характер.

И все же в Венгрии конфликт между крестьянами и помещиками, обусловленный стремлением дворянства перейти к новому строю при максимальном сохранении своих социальных позиций, имел роковые последствия для судеб революции. Аграрные преобразования, в первую очередь, патриотические чувства обусловили поддержку частью крестьян революционной войны за независимость. Поездка Кошута по районам Венгерской низменности в сентябре 1848 г. с целью создания народного ополчения принесла несколько десятков тысяч добровольцев. Во время войны в Венгрии действовали партизанские отряды⁵³. Но в целом, в силу ограниченности среднего дворянства в аграрном вопросе, крестьянство не приняло поистине всенародного участия в освободительной войне. Между тем Кошут дважды — в декабре 1848 г., когда нависла угроза над Пештом, и в июле 1849 г. — перед лицом царской интервенции, призывал к этому⁵⁴.

В 1848 г. национальное освобождение Венгрии было еще невозможно без обуржуазивающегося дворянства, которое не исчерпало в то время своей революционности. Но именно классовая корысть и узость этого слоя ограничивали глубину и масштабы борьбы, подрывали ее массовую основу, препятствовали полному раскрытию революционного потенциала крестьянства.

В Хорватии и Славонии, в условиях отсутствия демократического революционного движения в городах, при неспособности национального дворянства и буржуазии к революционной борьбе за решение насущных задач социального и национально-политического развития, крестьянское движение приобретало особое значение. Крестьянство являлось здесь единственным источником революционной энергии. Только крестьянство выступало носителем, правда несознательным, подлинного демократизма.

1848 год был годом подъема антифеодального крестьянского движения в Хорватии и Славонии, хотя оно не получило всенародного размаха и массовости. Субъективно крестьянское движение не вышло за рамки аграрных интересов, хотя в некоторых местах крестьяне весной и летом 1848 г. живо реагировали на национальную пропаганду интеллигенции, воспринимая ее под углом зрения своих социальных чаяний. Но борьба за социальное (в антифеодальном смысле) освобождение была главной и решающей предпосылкой для буржуазно-демократических преобразований в целом и дальнейшего сдвига в национальной консолидации хорватского народа. Крестьянская проблема имела в 1848 г. общенациональное значение. Но массы были лишены политического руководства. Потенциальная революционная энергия крестьянства не была использована в должной мере в целях общественного прогресса.

⁵³ См. Р. А. А в е р б у х. Революция и национально-освободительная борьба в Венгрии 1848—1849 гг., стр. 176, 178.

⁵⁴ Й. Р е в а и. Маркс и венгерская революция 1848—1849 гг., стр. 29.

Близкая ситуация, но со своими местными, иногда значительными, особенностями сложилась в 1848 г. в Воеводине, Словении, Восточной Галиции, Буковине. Главное отличие этих провинций от Хорватии состояло в том, что в них классовые противоречия между крестьянами и помещиками переплетались с национальными. Поэтому объективный национально-освободительный смысл классовой борьбы крестьянства выступал в Воеводине, Словении, Буковине и Восточной Галиции более наглядно и отчетливо.

Ликвидация основ феодальных отношений в 1848 г. явилось результатом классовой борьбы крестьянства. Освобождение крестьян было важнейшим завоеванием революционных лет. Однако слабость крестьянского движения обусловила тот факт, что освобождение крестьян в Австрийской империи произошло недемократическим путем, с соблюдением помещичьих интересов.

Логика социальной борьбы неизбежно вела к сотрудничеству угнетенных классов различных национальностей. Наиболее отчетливо оно проявилось в демократическом Пражском восстании. К. Маркс и Ф. Энгельс с удовлетворением отмечали сплочение чешских и немецких рабочих во время революции⁵⁵. На баррикадах Львова сражались против австрийской военщины трудящиеся — поляки и украинцы. В демократических выступлениях, прокатившихся в марте 1848 г. по городам Воеводины, участвовали не только сербы, но также венгры и немцы. В апрельских городских волнениях в Воеводине национальные выступления, как правило, перерастали в социальную борьбу трудящихся классов разных национальностей. В Хорватии после вторжения войск Елачича в Венгрию крестьяне в некоторых селах выражали симпатии венгерской революции.

В 1848 г. рабочие разных национальностей, по словам Ф. Энгельса, «лишь чувствовали» общность интересов⁵⁶. Однако в этом тяготении трудящихся и эксплуатируемых классов к объединению своих действий в зародыше проявилась тенденция революционного пролетарского интернационализма.

---

⁵⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 420.

⁵⁶ Там же.

М. ВЛАСОВА

НОВЕЛЛИЗАЦИЯ ГАВЕНДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ДЫГАСИНСЬКОГО

Новеллистика Адольфа Дыгасиньского (1839—1902) доставила немало хлопот ее исследователям. Еще в 1884 г., по прочтении только что опубликованной первой серии его новелл («Что происходит в гнездах», «За корову», «Волк, собаки и люди»), критик Вихеркевич писал: «... до сих пор ничего подобного в нашей литературе мы не встречали»¹. А вот одна из дневниковых записей молодого Жеромского, свидетельствующая о том, что новеллисту Дыгасиньскому пришлось пережить немало горьких минут из-за этой необычности его короткой прозы: «Сегодня в кондитерской плакал от злости, читая критику новелл Дыгасиньского страшным Зоилом-паном Кашевским. Этот болван будет плести и плести, пока все нервы не издергает»².

И много лет спустя, когда за Дыгасиньским уже утвердилась известность талантливого рассказчика, а его проза по достоинству была оценена не только современниками, но и потомками, можно встретиться с негативной оценкой метода его новеллистики. Например, видный исследователь польской прозы Вацлав Боровый доказывал, что в большинстве рассказов и повестей Дыгасиньского отсутствует та эстетическая спаянность, которая могла бы свидетельствовать о принадлежности данного произведения к определенному прозаическому жанру³.

Существовала и другая оценка творчества писателя, данная в фундаментальном труде виднейшего польского исследователя Зыгмунта Швейковско-го: «... в его произведениях черты великого и прекрасного единственны в своем роде и неповторимы...»⁴. Однако и Швейковский считал его рассказы «необработанной рудой, хотя рудой благородного металла...»⁵.

Тем не менее «малый жанр» Дыгасиньского не был чем-то надуманным, выходящим за пределы известных литературных видов. В нем ощутима близость к традициям польской гавенды. На эту особенность малых прозаических произведений Дыгасиньского указал в свое время Швейковский: «Это не новеллы, но рассказы, имеющие характерное течение повествования, хорошо известное нашей литературной традиции — течение га-

¹ Цит. по кн. Z. S z w e y k o w s k i. *Dramat Dygasińskiego*. Warszawa, 1938, s. 93.

² S. Ż e r o m s k i. *Dzienniki*, t. II. Warszawa, 1954, s. 104.

³ W. B o r o w y. О «*Godach życia*» Dygasińskiego. *Jedna z legend krytyki literackiej*. «*Twórczość*», z. 11, 1946.

⁴ Z. S z w e y k o w s k i. *Ibid.*, s. 47.

⁵ *Ibid.*, s. 121.

венды»⁶. Возникает вопрос, почему проза Дыгасиньского, несущая в себе многочисленные элементы традиционного польского жанра, в 80-е годы XIX столетия производила впечатление чего-то необычного?

Дело в том, что литературная гавенда 80-х годов переживает период спада. Ее активно вытесняет жанр классической новеллы реализма, широко утвердившейся в других европейских литературах. В Польше новелла Ожешко, Сенкевича и Пруса не только узаконила право на самостоятельное существование этого необычайно мобильного и емкого вида эпики, но и выработала довольно четкие каноны принадлежности к нему отдельных явлений прозы. Дыгасиньский же, обильно насыщавший свой «малый жанр» гавендовыми элементами, казалось, делал тем самым шаг вспять. В то же время в его «короткой» прозе уже наметились явные различия с классической гавендой, что побудило Э. Швейковского назвать произведения его крестьянского цикла «ухудшенным вариантом „Дневников Соплицы“»⁷. Ясно, что в оценке новеллы Дыгасиньского исследователь исходил из классических примеров новеллы и гавенды, которые в основе своей ко времени вступления в литературу Дыгасиньского представляли разнополюсные художественные явления, живущие по различным жанровым законам. Гавенде, рожденной в устном рассказе, всегда была присуща большая внутренняя свобода, эпическая разомкнутость, выражавшаяся в обилии необязательных, на первый взгляд, деталей, перекрещивающихся сюжетных линий, множестве персонажей. Новелла же, напротив, тяготела к максимальной лапидарности, четкому развитию сюжета, скрупулезному отбору изобразительных средств, выражающих авторский замысел.

На наш взгляд, большинство рассказов Дыгасиньского не есть ухудшенный вариант гавенды или художественно неотстоявшаяся новеллистика, напротив, они представляют собой новый, значительный шаг в развитии традиционных форм польской гавенды по пути сближения с новеллистическими формами.

Польская реалистическая новелла второй половины XIX в., получившая классическое развитие в творчестве Сенкевича, Пруса и Ожешко, представляет качественно новое жанровое явление. В ней рождаются особые формы отбора, раскрытия и изображения явлений объективного мира. Мастера новеллы осознают необходимость скрупулезной селекции деталей, событий, фактов. Малый размер становится жестким доминирующим признаком качественных особенностей новеллы. Но проблема размера, понятая упрощенно, еще не раскроет нам существа реалистической новеллы, ибо краткими могут быть и беллетризованные репортажи, и эпизоды из воспоминаний, впечатления и т. д., имевшие широкое хождение наряду с новеллой, но существенно от нее отличающиеся. И совсем уж неверным будет представление о реалистической новелле как о жанре, «убоявшемся» огромности вставших проблем и углубившемся в мелкотемье, статику описаний. Филигранные шедевры Сенкевича и Пруса вбирают в себя такие объемы времени, пространства, психологии и характеров, которых не поднять и некоторым романам. Их новелла представляет собой как бы кристалл, открывающий читателю целый мир разнообразных человеческих связей, причем методы кристаллизации этого материала у разных писателей различны. Новаторство реалистической новеллы второй половины XIX в. сказалось в необычайно глубоком проникновении в тайники человеческой души. Не случайно большинство исследователей творчества Чехова, Мопассана, Бунина склонно именовать их новеллу

⁶ Ibid., s. 116.

⁷ Ibid., s. 117.

психологической. Сложность решаемых реалистической новеллистикой задач повлекла за собой целый ряд «технических» открытий — композиционных, сюжетных; выработала особую, метафорически насыщенную образность.

Теоретическое обобщение опыта польской новеллы второй половины XIX в. было дано в сравнительно недавние годы польским исследователем Людвиком Фрыде⁸. Для современников же определение специфики складывающегося новеллистического жанра было нелегкой задачей. Пожалуй, не было попыток дать сравнительную характеристику жанров новеллы и гавенды. Новеллу охотнее сопоставляли с романом, выявляя черты различия. Ожешко, например, писала по этому поводу: «Если роман можно сравнивать с солнцем, лучистый плащ которого падает на всю землю, освещая ее сразу со всем, что на ней творится, то новеллу можно сравнить с молнией, которая мгновенно, но прекрасно высвечивает один уголок мира или один в нем предмет»⁹.

Практически же повеллой считалось всякое прозаическое произведение, достигающее в небольшом объеме совершенной степени эпической замкнутости. Отдельные, небольшие по размеру прозаические произведения с разомкнутой структурой, пространной детализацией и аморфной сюжетикой классифицировались польским литературоведением как рассказы. З. Швейковский, характеризуя специфику коротких прозаических произведений Дыгасиньского, тоже пришел к выводу, что «это не новеллы, а скорее рассказы».

Классификация малых прозаических жанров Фрыде во многом помогает нам понять, почему форма новелл Дыгасиньского вызвала столько споров и нареканий. В ней наличествовало множество элементов, не укладывавшихся в рамки понимания повеллы, сложившегося в польском литературоведении. Самым уязвимым местом коротких прозаических зарисовок писателя представлялась композиция. Здесь намечалось видимое противоречие с требованиями к повелле. Вместо замкнутой новеллистической композиции проза Дыгасиньского зачастую давала примеры свободной компоновки произведения, прерывистого ведения сюжета и часто даже объединения в пределах одной новеллы сюжетов совершенно разноплановых. Впечатление от многих крестьянских и анималистических историй Дыгасиньского таково, будто их автор наспех набросал с натуры внезапно поразивший его жизненный момент, боясь упустить любую мелочь, схваченную зрительно или на слух. Повествование в таких случаях носит концентрический характер. Писатель, начав рассказ собственно о происшествии, заботится о максимальной зримости впечатления, что выражается в четкой конкретизации обстановки, облика действующих лиц, во множестве перечислений, повторов, подчеркиваний. Действенная линия сюжета в определенные моменты замирает совершенно, разливаясь в столь нежелательную для классической новеллы описательность, то вдруг делает резкий событийный скачок, не подготовленный предыдущим темпом рассказа, или разбивается неожиданно на мелкие подсюжеты, связанные со вводом в рассказ лиц второстепенных, мало связанных с основной линией действия.

Эта характерная эпическая манера Дыгасиньского со всей определенностью проявилась уже в первой новелле писателя «За корову». Сюжет ее можно изложить в двух словах: убийство одного крестьянина другим в отместку за украденную корову. Но в его повороты вклинивается информа-

⁸ L. Fryde. Problem noweli. «Pamiętnik Literacki», z. 1, 1961.

⁹ Цит. по кн. J. Kulczycka-Saloni. Nowelistyka Bolesława Prusa. Warszawa, 1969, s. 5.

ция, касающаяся не только взаимоотношений главных действующих лиц — пострадавшего Домагалы и вора Кобылки; мы подробно узнаем историю и Магуса Соберея — зажиточного хозяина, у которого Домагала арендовал землю, и еще целого ряда односельчан Домагалы и Кобылки, которым в трагедии, разыгравшейся в Сковронне, не отводится никакой действенной роли. Такое аморфное развертывание сюжета, опирающееся на «натуральность» повествовательного склада, зримую «бессознательность» формы, очень характерно для польской гавенды, Казимеж Бартошинский, развивая мысль Зофи Шмыдтовой, высказанную в связи с анализом элементов гавенды в поэзии Мицкевича¹⁰, называет этот сюжетный аморфизм гавенды основным ее типологическим признаком. В качестве примера Бартошинский приводит соплицовский цикл Г. Жевуского. Но в «хаотической» разомкнутости сюжетов соплицовских гавенд залог взаимного тяготения, цепного характера всего цикла. Художественная законченность гавендовых структур достигается специфическими для этого жанра средствами. «Целостный характер „Записок“ сводится в основном к двум моментам. Во-первых, в соплицовском цикле вырисовываются контуры специфического „мира“ — объединения происшествий и лиц, обособленных на основании единства рассказчика, родства тематики и конкретизированной временной рамы происходящего... Во-вторых, в тексте произведения существует взаимозависимость или сообщаемость многих элементов, творящих то, что Леммерт¹¹ называет „сферической замкнутостью произведения“¹². В этом плане существует глубокое родство коротких прозаических зарисовок Дыгасиньского с гавендой. Но именно здесь намечается и существенная разница.

Отдельная гавенда, вырванная из соплицовского цикла, не есть законченное художественное произведение. Будучи изолированной, она не несет в себе тех исподволь нарастающих информативных моментов и элементов контакта с читателем, которые и составляют ее неотъемлемую суть. Только в неразрывной сферической замкнутости цикла она доносит до читателя всю полноту замысла Жевуского.

Короткие прозаические произведения Дыгасиньского, посвященные крестьянской тематике, тоже воспринимаются как цикл. Объединяются они прежде всего авторским замыслом: «Представить мужика таким, каков он на самом деле». Но каждый из моментов этого крестьянского цикла свободно вычлняется в отдельное произведение. Вернемся к выше названной новелле «За корову». Дыгасиньский, подобно Жевускому, избирает «натуральное» развитие сюжета, включает в него по ходу действия множество второстепенных персонажей, которые, появившись, вызывают отвлечение сюжета, но сами не возвращаются более на страницы новеллы. И только в финале им еще раз суждено выступить в собирательном образе деревни: «Утром в прекрасной деревне Сковронне, разбросавшейся над Нидой, все пошло по-старому. Никто не убивался оттого, что Кобылка мертв, равно как никто не жалел Домагалу, когда тот потерял Кропиху. Вечером соседи сошлись в корчме, где припомнены были многочисленные Кобылкины кражи. Перечень этот был очень длинным, говорят, кто-то даже заметил, что смерть человека такого рода была сущим благодеянием для общины. <...> Но позже пошли другие несчастья, возобновились кражи. Кобылка не был ни первым, ни последним вором в Сковронне». Если сравним это финальное описание со всей повествовательной тканью

¹⁰ Z. S z m y d t o w a. Czynniki gawędowe w poezji Mickiewicza. «Pamiętnik Literacki», rocz. XXXVIII, 1948, s. 298—335.

¹¹ E. L ä m m e r t. Bauformen des Erzählens. Stuttgart, 1955, S. 100—194.

¹² K. B a r t o s z y Ń s k i. O amorfizmie gawędy. Uwagi na marginesie. «Pamiętek Soplecy». Prace o literaturze i teatrze. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1966 s. 95.

деревенской истории о краже и возмездии, то бросится в глаза его насыщенность. Именно здесь и происходит реализация всех затраченных автором образных средств, а это уже прием чисто новеллистический. Каждое из действующих лиц каким-то образом было причастно к главному событию новеллы — убийству, хотя эта причастность намеренно неуловима, смазана. И только финал бросает яркий ретроспективный свет на взаимосвязь в нем всех персонажей новеллы. Финал несет здесь очень значительную смысловую и композиционную нагрузку. Кажущаяся свобода, разбросанность предыдущих описаний обретает в нем четкую упорядоченность. Именно в финале на первое место выдвигается первопричина преступлений Домагалы и Кобылки — момент общего равнодушия и попустительства как результат темноты и придавленности деревенских жителей.

Дыгасиньский выносит на поверхность «пробы» устоявшейся мужицкой психологии, обычаев, морали, зачерпнутые «неэкономными», характерными для гавенды средствами, но организует этот материал уже по внутренним законам новеллистического жанра. С другой стороны, пользуясь свойственной новелле образной системой, он отступает от ее строгих норм в области сюжетики. Думается, соблюдение этих норм не способствовало бы подлинному проникновению в глубины крестьянской жизни, которое и составляет основное достижение этого оригинального художника. Поэтому вкрапление в сюжет непредвиденных поворотов, обладающих всем обаянием достоверности, — отнюдь не небрежность, и не беспомощность в отборе жизненного материала, а сознательно применяемый авторский прием, блестяще себя оправдывающий производимым эстетическим эффектом. В многочисленных отклонениях сюжета содержится масса информации об условиях существования и внутреннем мире мужика.

Обратимся к образным средствам новелл Дыгасиньского, в которых обнаруживаются жанровые черты гавенды. Через все новеллы писателя широкой волной идет течение живой, повседневной крестьянской речи. Вот как писал об истинно народном звучании его произведений Жеромский: «Когда после четырехлетнего пребывания в Швейцарии мне подчас становилось грустно среди нудных швейцарцев, я открывал чаобум какого-нибудь „Бельдонка“ или „Праздник жизни“ — и далекая родина вставала перед глазами, ее говор, шумы ее жизни звучали в ушах, а живой ее быт переполнял душу»¹³.

У Дыгасиньского чрезвычайно редко можно встретить отвлеченно красивые описания. Проза писателя деловита, как жизнь его многочисленных крестьянских героев, и зачастую уже в экспозиции автор подготавливает читателя к восприятию их серых многотрудных будней. Такова вводная панорама новеллы «Из деревни в деревню»: «Самбоже в сумме — десять хат, построенных под лесом на вырубке. Многих вещей не хватает здесь людям. Нет ни воды, ни кузницы, ни корчмы, ни костела, нет даже святой фигуры. Всего нужно доискиваться в окрестных деревнях. Притом и урожай в Самбоже лихие, только один осадник живет не тужит, а остальные еле концы с концами сводят. Этому скупому кусочку земли явно не грозит перенаселение. Дети и взрослые вымирают здесь часто. Правда, хоть корчмы и не хватает, но мужики Самбожа пьют много, ведь много пьют всегда там, где много похорон»¹⁴. Но именно на этой, «забытой богом и людьми» скудной почве своим чувствует себя Дыгасиньский. Это писатель, в творчестве которого максимально коротко расстояние между автором и описываемыми им героями. Он постоянно в центре происходя-

¹³ S. Ż e r o m s k i. *Snobizm i postę p. Utwory publicystyczne*. Wyd. J. Mortkowicza. 1928, s. 111.

¹⁴ A. D y g a s i ń s k i. *Pisma wybrane. Nowele i opowiadania*, t. 4. Warszawa, 1952, s. 99.

щего, его лирическое «я» составляет особую соединительную ткань произведения, выступая в сменяющихся функциях свидетеля, наблюдателя, судьбы и советчика своих персонажей. Эпиграфом ко всей его новеллистике могло бы послужить лирическое отступление одной из первых новелл «Что происходит в гнездах»: «Если чувствуешь себя сыном земли, связанным с ней миллионами нитей, если понимаешь, что нет в тебе ничего такого, чего бы не было в ней, что все существа в этом мире не отделены от тебя пустым пространством, но проникают в тебя, и ты отдаешь им себя, ежели ты убежден, что эти существа как бы органы или способ твоей жизни, твоей возвышенной мысли и благороднейших чувств, пойдем со мной, кто бы ты ни был, в уголок родимой матери-земли, тихий и спокойный. Мы не задержимся в краях, где цветут апельсины и лимоны, но заглянем в село с бедными глиняными хагами под соломой»¹⁵. Такая эпическая позиция ставит перед писателем задачу преодоления двойного расстояния между глубинным миром описываемой польской деревни и широким читателем, которому это повествование адресовано. И покрывается это расстояние средствами, опять-таки характерными для жанра гавенды. Языку прозы Дыгасиньского свойственна почти бытовая разговорность, даже нарочитая грубоватость, проявляющаяся в чисто народных диалогах, монологических парафразах, передающих в достоверных словах развитие мысли героев. Одновременно для языка писателя характерна лексическая простота, за которой стоит вдумчивый отбор элементов, переводящих региональную специфику народной речи в ранг литературный. Подобная работа над языком длительное время осуществлялась во всех литературных жанрах, но с разной степенью интенсивности. Особенно широко велась она именно в литературной гавенде. Зофья Шмыдтова, исследуя гавенды Мицкевича, отмечала в них большое разнообразие форм применения народного просторечия. «Во всех своих проявлениях его литературная гавенда склоняется к непринужденной беседе или непривольному, спонтанному единичному высказыванию, хотя степень приближения к ним может быть различной. От незначительной ретуши, не нарушающей намеренной экспрессии художественной беспомощности и даже неумения говорить, до подчеркивания повествовательного таланта, пользующегося буйным, гибким народным языком,— проходит целый ряд промежуточных стадий...»¹⁶.

Самым действенным средством перенесения живого народного языка в литературную ткань повествования являются диалогические и монологические партии персонажей. Гавенда же как жанр есть сама по существу не что иное, как преобразованный монолог «говоруна», рассказчика, шляхетского краснбая, народного сказителя и т. д., и потому для этого жанра широкая разговорная струя становится формально-структурным атрибутом. Этими элементами гавендовой словесной структуры изобилует и новеллистика Дыгасиньского. Вот комическая сценка из деревенского быта в новелле «Из-за гороха при дороге». Действенная сторона сюжета сразу выступает здесь на первое место, опережая информативный момент, в уже происходящее вплетается описание героев, мотивировка центрального конфликта новеллы. «Ох, Лука, Лука, что ж ты глупый наделал, засеял горох при дороге! — таким упреком встретила жена Лукаша Чубалу, хозяина на шести моргах в Кенсове. — Заткнулась бы ты лучше, Каська, и не совала нос во что не разумеешь, — ответил Лука, прихватывая пальцами раскаленный уголек из печи и забивая ногтем в трубку. — Люди добрые! Не мое дело! А чего же тут разуместь, коль мужик ты дур-

¹⁵ Ibid., t. 2, s. 7.

¹⁶ Z. S m y d t o w a. Ibid., s. 308.

ней дурного. Да ведь баба-то лучше б тебя сообразила...»¹⁷. Все дальнейшее развитие новеллы происходит в диалоге лукавой и азартной Каськи и ее неповоротливого упрямого супруга. Каська, недовольная хозяйственной неосмотрительностью мужа, ищет к чему бы придраться, и, заметив, что он сидит в шапке под образами, начинает пилить за это «нехристя». Так как Лукаш и не думает сдавать позиций, Каська прибегает к военным действиям, сбивает с головы его «магерку»¹⁸. Последующий диалог изобилует комическими ругательными оборотами, почерпнутыми в самой азартной народной перебранке. Активного авторского вмешательства здесь нет совершенно, только на момент диалог переходит в размышление Лукаша над тем, куда же подевалась магерка. Ее в разгар супружеской баталии выкатил за дверь баловень-поросенок, но Лукаш под влиянием «религиозной» отповеди супруги начинает подумывать о вмешательстве святого гнева: «Лукаш исподволь взглянул на икону святого Антония Падевского, висящую над убогой постелью, и ему показалось, что святой на него гневается, нахмурил брови, скривил уста, ноздри раздулись, а очи гневно помаргивают, будто он собирается выругаться»¹⁹. Сюжет новеллы комичен, прост, возникает в одномоментном действии, но писатель мастерски обобщает в его комических разворотах все обилие информации о быте и психологии семьи «шестиморгового» владельца Чубалы. Диалогический зачин характерен для целого ряда повелл Дыгасиньского («Ненасытный мужик», «В защиту детей» и др.). Этот во многом драматургический прием позволяет писателю расширить возможности самохарактеристики персонажей.

В новелле «На небе и на земле» поденщики, собравшиеся после рабочего дня возле дворовой кухни в ожидании ужина, смотрят на звездное небо. Наиболее просвещенный из них Матусяк слышал в корчме от органиста, что каждая звезда в небе это либо бык, либо рыба или еще какое-нибудь животное. Заявление это вызывает живую оппозицию со стороны других мужиков. «Наверно, у этого органиста не все дома. Как бы зверь простоял на ветру столько лет. <...> Да и шерстка на скотине только поблескивает, но не светит, — доказывал Онуфер»²⁰. Со всех сторон несется веская крестьянская аргументация, что и пропитаться там скотине нечем, и свету в ней никакого нет, разве что стоял бы там наверху «офицер какой или генерал с золотыми пуговицами». Эта достоверная картинка из мужицкого быта самым продуктивным способом сообщает о специфике крестьянского мышления, практической «учености» и жизненной философии бедняка.

Герои Дыгасиньского вообще много говорят, размышляют, спорят. Дыгасиньский нарочито затемняет интеллектуальную сторону произведения, компенсируя ее жизненностью и силой конкретного слова. Наряду с диалогом и монологом мы можем встретиться в его новелле с примерами несобственно прямой речи. Пользование всеми этими художественными средствами производит впечатление большой внутренней раскованности. Классической польской новелле эта манера по существу не свойственна, ибо она уводит в сторону от решения задач кристаллизующей новеллистической техники. Но богатая аранжировка ткани новеллы народной речью сопутствует у Дыгасиньского не рассредоточенности, а, напротив, внутреннему напряжению новеллы — за свободным использованием народным словом здесь постоянно стоит тончайшая авторская режиссура. С целью художественной организации народного языка прибегает Дыга-

¹⁷ A. D y g a s i ń s k i. Ibid., t. 2. s. 189.

¹⁸ Магерка — крестьянский головной убор.

¹⁹ A. D y g a s i ń s k i. Ibid., s. 193.

²⁰ Ibid., t. 4, s. 132.

синьский к параболическим охватам авторской речью высказываний своих героев. Чаще они находят выражение в краткой ремарке, следующей непосредственно за словами персонажа. Такая ремарка проставляет психологический акцент предыдущего момента прямой речи или в двух словах акцентирует основное начало характера, возникающее в самохарактеристике героя. Так, в новелле «Из-за гороха при дороге» автор нигде не выступает с непосредственным описанием, поскольку сквозная диалогическая структура новеллы этот момент исключает. Но для ремарки, дорисовывающей характер Луки, он избирает исключительно меткие слова. «Вот увидишь, как я сброшу шапку с твоей дурьей башки, как бог свят, увидишь, — сказала Каська, — приближаясь на критическое расстояние к мужу. — Ее, шкуру спущу, посмей только тронуть, — пообещал Лука ф л е г м а т и ч н о , н о у б е ж д е н н о . . . »²¹.

Иногда автор как бы «вселяется» в своего персонажа, мотивирует его поведение способом, самому действующему лицу не свойственным. Он ненадолго как бы одалживает вымышленному им герою свое миропонимание. В таких случаях, чтобы не смазать границ правдоподобия, Дыгасинский придает описанию акцент юмористический, который, с одной стороны, отделяет мотивировку действия от самого действия, с другой — позволяет избежать прямого авторского вмешательства и обобщения. Им пользуется Дыгасинский не только при характеристике крестьянских героев, но и животных, раскрытие «внутренней жизни» которых является уникальным достоинством его писательского пера. В сцене с павшей коровой Бедровой сталкиваются интересы и людей и животных. Воспользуется лакомством тот, кто окажется хитрее. Люди, руководствуясь разными соображениями, на время присыпали мясо Бердавы землей, но собаки разгадали их хитрость. Вот как описывает Дыгасинский момент борьбы за обладание мясом Бедровой в собачьем племени: «Букет среди псов в Дзебакове, так же как скотник среди людей, представлял своего рода интеллигенцию. Будучи отогнанным от только что раскопанной ямы, он без всяких возмущений спокойно отошел на несколько шагов в сторону, понюхал, начал копать и сделался первооткрывателем другой ямы с мясом. Но разве хоть одному гению пошло на пользу его изобретение? Трудисься, как правило, для других. Итак, в этой яме на Букета тоже напали, унизили и выкинули, а во владение только что открытым кладом вступил другой силач, цепной пес Забуй. Дошло даже до того, что когда Букет начал раскапывать третью яму и еще не закончил своего труда, на него как бешеный бросился Спевак — третий цепной пес и завязал с первооткрывателем бой не на жизнь, а на смерть»²². В таких случаях у Дыгасинского намечается самое короткое расстояние между вещным, конкретным описанием и метафорическим. Подобные эпические методы, однако, уже выходят за пределы словесной структуры гавенды. Гавенде свойственна юмористическая окрашенность. Но техника юмористических ситуаций в гавендах совершенно иного рода. Комизм им придает скорее бессознательная наивность, «доморощенность» рассказа, в то время как содержание может касаться важнейших общечеловеческих вопросов. Юмористическое начало гавенды, как правило, выливается в формальный анекдотизм говорения приниженным стилем о вещах значительных. Вот что пишет З. Шмыдтова о характере комизма в гавенде: «Она может приобретать облик короткого или более длинного анекдота, но ... никогда повествования, опирающегося на свободу ассоциации»²³. Описания же

²¹ Ibid., t. 2, s. 190.

²² Ibid., t. 2, s. 176.

²³ Z. S m y d t o w a. Ibid., s. 332.

Дыгасиньского напротив полны свободных ассоциативных связей, конденсирующихся зачастую в прямую метафору.

Метафора у Дыгасиньского несет самую разнообразную смысловую и организующую нагрузку. В пейзажных зачинах и финалах рассказов о людях и животных, накрепко впаянных в жизнь природы, она акцентирует момент неразрывной слитности всего живущего на земле. Такое необъятное понятие, как природа с ее многоликими осенними изменениями, Дыгасиньский максимально приближает к человеку сравнением. «Кончился сентябрь! Природа, как человек, которому в жизни много пришлось поработать, он исчерпал всю свою деловитость, сгорбился, покрылся морщинами, полысел, потерял зубы и начинает размышлять о более длительном отдыхе...»²⁴. В метафоре персонифицирует автор и деятельность человека в природе: «Куда ни ткни, все кладовая и кухня»²⁵. Часто у этого писателя можно встретить вкрапление метафоры в объективное описание. Особенно продуктивной оказывается метафоризация литературного портрета. С ее помощью Дыгасиньский не только создает самыми экономными изобразительными средствами запоминающееся человеческое лицо, но талантливо проецирует в облик своего героя сам способ его существования и даже место, в котором он прожил долгие годы. Такovy портреты рыбака Заводы и его жены, живущих «Среди воды» между Вислицей и Нидой. «Лицо Фабиана продолговатое, пепельного цвета, глаза его производят на зрителя впечатление двух пиявок, которые вкось прилепились к его лицу. Волосы у этого человека редкие и так плотно лежат на черепе, будто он только что выкупался. Зофья Заводина напоминает мужа, но только все лицо этой женщины покрыто так называемой гусиной кожей, которой подергивается тело каждого, вошедшего в холодную воду. Глаза у нее бледно-голубые, цвета болотной незабудки»²⁶.

Способы метафоризации у Дыгасиньского весьма разнообразны. Метафора придает специфический акцент пейзажным описаниям, как это происходит в новелле «У костела»: «На этой горе в Юркове жизнь уплывала будто волна Ниды, которая спокойно текла в долине, кристально чистая в черном корыте, украшенном берегами из зелени и цветов. Бывало, летом, когда перед заходом солнца пустишься в поля, хлеба почти с головой тебя закроют, и только тогда небо видишь над головой, а вокруг раздается множество разных голосов. Колосья бьют о колосья, одни на другие ложатся, отсюда шум, какие-то грустные звоны, длинная песня нивы, ее хлебов колосистых, будто миллионов кузнечиков. Знаешь ли ты тот край, где жито и ячмень так торжественно звонят?...»²⁷.

Дыгасиньский, начав объективное описание летнего вечера, постепенно метафоризирует его, а последнюю фразу переводит в чистую метафору, подняв над вещным моментом пейзажа субъективное ощущение «звона» — этой торжественной мессы природы в честь человеческого труда и благодатного зноя лета.

В новеллах этого писателя мы не встретим еще метафоризации целых пластов жизненного материала или же всей системы авторских размышлений, как это происходит в более поздней польской новелле у Жеромского, Конопницкой, Реймонта особенно. Но Дыгасиньский пользуется далекими художественными ассоциациями уже гораздо шире, чем, например, Ожешко. И этому есть свои причины.

²⁴ A. D y g a s i ń s k i. Ibid., t. 7, s. 171.

²⁵ Ibid., s. 172.

²⁶ Ibid., t. 4, s. 8.

²⁷ Ibid., t. 5, s. 139.

В новелле 60-х годов еще со всей очевидностью воплощается позитивистское требование объективности описания, хотя творчество таких блестящих рассказчиков, как Прус, Сенкевич, дает уже много примеров пользования метафорой. Дыгасиньский, творивший в 80—90-е годы, когда метафора уже не признавалась образным средством, несовместимым с художественными принципами малого прозаического жанра, гораздо менее склонен подчиняться ригоризму строгого вещного описания. С помощью метафоры он не только блестяще справляется с задачами новеллистической экономики, кристаллизации художественного материала, но и успешно осуществляет организацию и перевод живых пластов народной речи в явление чисто литературное.

С гавендой малые прозаические формы Дыгасиньского сближает еще один существенный для его эпической манеры момент. Повествование ведется у него в большинстве случаев от лица определенного рассказчика, во многом родственного традиционному рассказчику гавенды.

В шляхетской гавенде, осуществлявшейся в достоверном рассказе, рассказчиком мог быть действительный или вымышленный герой, роль эту мог играть и сам автор, воплотившийся в некоего безымянного свидетеля и участника происходивших событий. Основное требование к образу рассказчика заключалось в том, чтобы он не смотрел со стороны на созданные им образы, не отделял себя от них, передавал их впечатления от происходящего, вторил их настроению. Вот как характеризует функцию рассказчика в гавенде Зофья Шмыдтова: он, по ее мнению, «тем и отличается от литератора, что не пишет, а говорит в кругу друзей, соседей, пользуясь языком дружеских контактов. Его слушатели здесь же у стола, у огня. Он чувствует себя одним из них»²⁸.

Вступление к новелле Дыгасиньского «Мацек Фула» показывает близость рассказчика у Дыгасиньского к этому традиционному персонажу гавенды. «Ну кто там может наверняка сказать, почему Мацея Боруля, сторожа в Выбрановицах, прозвали Мацеком Фулой?»

Говорят, будто когда-то Боруль упал с крыши, где помогал трубочисту. По счастью не изуродовался, но когда ужасно перепуганный вскочил с земли, трижды выдал из себя странное:

— Фу, фу, фу — будто дул на горячее.

Отсюда, наверное, и пошло прозвище Фула, которое нашего Мацка отчаянно сердило»²⁹. Дыгасиньскому-рассказчику не только «лично» знаком его персонаж, но для него «не секрет» и мнение о нем деревни, местные традиции которой «известны» ему не хуже, чем любому односельчанину Фулы. Не отделяя свою точку зрения на происходящее от деревенской, писатель достигает мастерской художественной имитации данной среды. Но стремление быть идентичным описываемой среде у Дыгасиньского не тождественно слиянию со своими героями рассказчика гавенды. Перед Дыгасиньским-новеллистом стоят другие задачи. Он не только стремится с максимальной точностью воссоздать мир польской деревни, но и включить его в широкую панораму всей общественной жизни Польши. Поэтому в каждом из описаний от первого лица не только воссоздается тот или иной эпизод из крестьянской жизни, но и истолковывается его социальный смысл, гораздо более широкий, чем кажется на первый взгляд. Рассказчик гавенды обращается к ее героям, и лишь опосредованно выступает перед читательской аудиторией. Иной характер имеет контакт между читателем и рассказчиком в новеллах Дыгасиньского. Всем его новеллам присуще открытое, порой весьма ироническое обращение

²⁸ Z. S m y d t o w a. Ibid., s. 299.

²⁹ A. D y g a s i Ń s k i. Ibid., t. 7, s. 183.

к читателю просвещенному: «В избе, где прожил гражданин Домогала со своей семьей, не было особой мебелировки, в углу стояло что-то, будто бы кровать, под маленьким оконцем, едва защищенным половинкой стекла на четырех столбах, вбитых в землю, лежал кусок столешницы, буквально отполированной употреблением... Рядом с распадающимся камельком на охашке соломы полеживала Кропиха, равнодушно жуя и равнодушно поглядывая на крутящихся вокруг нее трех, четырех кур... На камельке мурлыкал дремлющий кот, с которым старшие дети делили ночлег. Что уж тут говорить о гражданстве, скажет кто-нибудь из вас. А, ведь, однако, Домогала был гражданином в деревне и общине Сковронно, был гражданином цивилизованного общества. Требования жизни и природа давали здесь свои первые уроки, и сразу дети становились зрелыми, не посещая никаких начальных школ, выходили в жизнь прямо, из своего рода университета. Чувства таких людей, как Домогала, внешне проявляются иначе, нежели чувства чиновников, адвокатов, профессоров, графов, предпринимателей, банкиров и т. д. Во всяком случае Домогала не был в обиде на общество, в котором занимал положение поденщика...»³⁰.

В приведенном описании рассказчик-автор отнюдь не стремится быть лишь объективным свидетелем происходящего, напротив, его саркастический монолог — острейшее обвинение обществу, низведшему героя до состояния забитого животного. Подобно Сенкевичу, Ожешко и Прусу, Дыгасиньский создает в своих новеллах атмосферу разоблачения равнодушных к судьбам крестьянства просвещенных кругов. Это не только констатация нечеловеческих условий быта беднейшего мужика, но и жгучий вопрос о судьбах забитой польской деревни, со всей нелицеприятностью обращенный к современнику.

Завершая статью, хотелось бы сказать, что в наши задачи не входил анализ всех жанровых особенностей новеллы Дыгасиньского. Нас интересовали лишь те элементы его коротких прозаических произведений, которые, будучи связаны с национальной традицией гавенды, получили своеобразное развитие в новеллистике писателя.

---

³⁰ Ibid., t. 1, s. 9.

Ю. В. БРОМДЕЙ, Н. И. ГРАЦИАНСКАЯ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КАРПАТОВЕДЕНИЯ (В СВЯЗИ С РАБОТОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОМИССИИ КАРПАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ)

В этнографии народов Европы исследования в области этнической истории, культуры и быта населения Карпат и прилегающих к ним областей занимают особое место. Дело в том, что эти исследования охватывают обширный круг проблем, решение которых требует совместных усилий ученых разных стран и привлечения данных разных дисциплин. Этим и обусловлена сама идея создания международного координационного центра по этнографическому изучению Карпат. Идея эта принадлежит польским и чехословацким этнографам. По их инициативе в 1959 г. была создана Международная Комиссия по изучению народной культуры Карпат (МККК), объединяющая усилия ученых Чехословакии, Польши, Венгрии, Румынии. С МККК сотрудничают также этнографы Болгарии и Югославии. С 1967 г. в ее работе участвуют и ученые СССР. В каждой из этих стран-участниц ведется работа на собственной территории, но по общей согласованной программе.

В Братиславе при Институте этнографии Словацкой АН создан Международный секретариат Комиссии. Генеральным секретарем МККК с начала ее основания был известный своими работами по культуре карпатских горцев словацкий этнограф Ян Подолак. В 1971 г. на последнем заседании МККК в Братиславе на следующий срок был избран генеральным секретарем МККК д-р Вацлав Фролец, чешский этнограф, специалист в области народной архитектуры карпато-балканского региона.

В 1971 г. была принята новая обширная программа деятельности МККК на ближайшие годы. Работа МККК в каждой из стран-участниц приобретает все более широкий размах. Исследования в области культуры населения Карпат носят сейчас уже комплексный характер: в них участвуют этнографы, фольклористы, историки, искусствоведы, а с недавнего времени и лингвисты, которые фактически начали соответствующие исследования задолго до создания МККК. Материалы исследований, ведущихся в рамках МККК, публикуются в сборниках, составляющих единую серию трудов — «Ethnographia Carpatica».

МККК создала несколько субкомиссий, направляющих работу по отдельным темам материальной и духовной культуры: высокогорного пастушества и земледелия, народной архитектуры и поселений, прикладного искусства и ремесел, словесного и музыкального фольклора. По мере необходимости создаются новые субкомиссии. Для получения сопоставимых материалов в каждой из субкомиссий разработаны общие программы.

МККК собирается регулярно на научные конференции раз в два года. В каждой из них в последние годы принимали активное участие и советские ученые.

Карпатооведами-этнографами нашей страны проведено несколько экспедиций в Закарпатье и Прикарпатье; выпущен первый сборник в серии Трудов МККК, готовятся к печати следующие сборники. Осенью 1972 г. состоялась I Всесоюзная конференция карпатоведов в Ужгороде, посвященная 50-летию образования СССР. Конференция эта вызвала большой интерес к проблемам карпатоведения у ученых разных дисциплин в разных научных центрах нашей страны и еще раз подтвердила необходимость дальнейшей координации работ по изучению культуры населения Карпат в пределах СССР.

Проведенные этнографические исследования по изучению традиционно-бытовой культуры на Карпатах позволили накопить довольно большой материал.

Вырисовывается чрезвычайно сложная картина переплетения и взаимного пересечения ареалов распространения различных компонентов культуры. Во всем этом многообразии можно выделить внутренне взаимосвязанные комплексы культуры, отличающиеся друг от друга лежащими в их основании структурообразующими факторами, т. е. различающиеся по своему типу.

В этой связи, на наш взгляд, для систематизации соответствующего материала большую помощь может оказать принятая в советской этнографической науке типологизация культурных общностей. Обычно выделяются три основных вида таких общностей.

Это прежде всего так называемые хозяйственно-культурные типы. По определению М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова, первыми предложившими выделять такого рода общности, хозяйственно-культурные типы — это «исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в определенных естественно-географических условиях, при определенном уровне их социально-экономического развития»¹. Культурно-хозяйственные типы представляют собой явление, нередко возникающее конвергентно в разных концах эйкумены. Это происходит в тех случаях, когда здесь оказываются примерно одинаковые экологические (и природные, и общественные) условия. Таков, например, хозяйственно-культурный тип бродячих охотников-собираателей, представленный еще сравнительно недавно отдельными племенными группами в Африке (пигмеи итури, хадзапи и т. д.), Азии (пунаны, отчасти аэта, кубу и др.), Америке (сирьоно, ленгуа и т. д.); другим примером могут служить полуоседлые скотоводы-охотники в Африке (готентоты, гереро) или, скажем, у нас в Сибири (эвенки, ненцы и т. д.)².

Особую разновидность ареальных культурных общностей представляют так называемые историко-этнографические области. Под ними понимаются части эйкумены, у населения которых в силу общности социально-экономического развития, длительных связей и взаимного влияния сложились сходные культурно-бытовые особенности³. Если для культурно-хозяйственных типов характерна главным образом общность тех компонентов культуры, которые непосредственно связаны с производством (орудия труда, производственные навыки и т. п.), то население каждой

¹ М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (К постановке вопроса). «Советская этнография», 1972, № 2, стр. 4.

² Б. А. Андрианов, Н. Н. Чебоксаров. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования. «Советская этнография», 1972, № 2, стр. 14.

³ М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров. Там же, стр. 4—10.

историко-этнографической области объединяет преимущественно общность в сфере традиционной духовной культуры; впрочем, проявляется эта общность и в материальной культуре, особенно в тех ее элементах, что несут эстетическую нагрузку.

Характеризуя историко-этнографические области, следует иметь в виду, что они формируются под влиянием различных факторов, среди которых главными являются политические и хозяйственно-экономические. В силу последнего обстоятельства историко-этнографические области подчас оказываются сопряженными с определенными хозяйственно-культурными типами. Однако нередко одна историко-этнографическая область включает несколько культурно-хозяйственных типов. Например, в историко-этнографической области Северо-Востока Сибири в недавнем прошлом имелись такие культурно-хозяйственные типы, как арктические охотники на морского зверя, оленеводы-охотники, скотоводы-земледельцы.

Историко-этнографические области формируются на протяжении длительных периодов в ходе культурной интерференции соседних народов. В силу этого структура таких общностей многослойна, а границы довольно лабильны. Как правило, принадлежность к той или иной историко-этнографической области, ее населением если и осознается, то весьма неотчетливо. Иначе говоря, эти общности могут быть выделены лишь путем специальных исследований. Поскольку же такие исследования проводятся прежде всего этнографами, рассматриваемые общности и именуется этнографическими.

Одно из основных отличий этнографических и этнических общностей как раз и состоит в том, что последние обладают четким самосознанием. Иначе говоря, этнической общностью, или этносом, на наш взгляд, является лишь та совокупность людей, обладающих общей устойчивой культурой, которая имеет единое самосознание и самоназвание. С этносом-народом обычно наиболее тесно сопряжен такой компонент культуры в широком смысле слова как язык. Однако было бы неверно на этом основании просто отождествлять этническую и языковую общности. Если бы язык и этнос, языковое и этническое деление всегда совпадали, то, видимо, различение этих понятий потеряло бы всякий смысл. Наряду с языком этнические функции обычно выполняются многими другими устойчивыми компонентами культуры, относящимися главным образом к профессиональному и бытовому ее уровню: к традициям, обычаям, обрядам и т. д. Следует иметь в виду и то, что этнические общности — явление иерархичное. В результате ее один и тот же человек может одновременно находиться в составе нескольких этнических общностей разного таксономического уровня. Можно, например, одновременно быть гуцулом, украинцем, восточным славянином и славянином вообще. Притом на разных этапах этнической истории эта иерархичность не остается неизменной. Например, в моменты утраты общеславянского самосознания, славяне уже представляли не этническую, а всего лишь лингвистическую общность (или точнее лингво-этнографическую общность). В ходе этнической консолидации нередко исчезает низшее этническое подразделение, так называемая этническая или этнографическая группа⁴.

Возвращаясь после этого поневоле кратко экскурса в теоретическую этнографию к вопросу о характере культурной общности населения Карпат, нельзя не отметить прежде всего, что некоторые черты такой общности начали, видимо, складываться здесь очень рано. Мы не беремся интерпретировать в данной связи имеющиеся в распоряжении исследовате-

⁴ Подробнее см. Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973, стр. 21 и сл.

лей археологические материалы, которые, к сожалению, еще носят фрагментарный характер⁵. Но, судя по этнографическим материалам, население Карпат сохранило чуть ли не до наших дней элементы праславянской культуры; они прослеживаются в некоторых орнаментальных мотивах, анимистических верованиях, космогонических сказаниях, календарных и семейно-бытовых обрядах и песнях, волшебных сказках, старинных преданиях⁶. Сохранение подобных реликтовых форм во многих элементах культуры связано с характерной для Карпат, как и для большинства горных районов, изоляцией и относительно замедленным в силу этого экономическим развитием.

Но, несомненно, особенно важную роль в формировании культурной общности интересующего нас региона сыграло отгонно-пастушеское скотоводство, генетически связанное с так называемой колонизацией Карпат «на валашском праве». Как известно, вопрос о размерах и хронологических рамках этой колонизации до сих пор остается дискуссионным.

В настоящее время существуют две крайние точки зрения на появление валашского элемента в восточных Карпатах. Часть исследователей относит его к XIII—XIV вв.⁷, другие специалисты связывают его появление здесь с более ранним периодом⁸. Но для наших целей гораздо более существенно другое: когда именно пастушеское население начало оказывать воздействие на культуру всего карпатского ареала. И в этой связи следует подчеркнуть, что по имеющимся данным валашская колонизация охватила весь Карпатский регион до самых западных его областей уже к концу XV в.⁹. Колонизация эта продолжалась вплоть до XVII в. и шла в направлении главных карпатских хребтов с юго-востока через украинские Карпаты и на запад вплоть до чешской Моравии (то есть области современной Моравской Валахии). Пастухи вместе с отарами овец двигались по горным долинам скорее всего весной, когда истощались запасы кормов на старых местах кочевания. Эти трассы были хорошо известны и в более позднее время, по ним передвигались и в XIX в. украинские, словацкие и польские пастухи, покупавшие новые отары овец в Трансильвании и Банате, то есть уже и в противоположном направлении.

Письменные источники начиная с XV в., касающиеся «валашской колонизации» Западных Карпат, лучше всего изученные в настоящее вре-

⁵ См., например, Е. А. Б а л а г у р і. Нові бронзові скарби Закарпаття і питання про зв'язок населення Карпатського регіону в кінці II тис. до н. е. «Культура та побуд населення українських Карпат» (Матеріали республіканської наукової конференції, присвяченої 50-річчю утворення СРСР). Ужгород, 1972, стр. 91—92.

⁶ См. П. В. Л и н т у р. Собрание и некоторые проблемы изучения фольклора Советского Закарпаття. «Карпатский сборник» («Ethnographia Carpathica»), Труды Международной комиссии по изучению народной культуры Карпат и прилегающих к ним областей. М., 1972, стр. 81; Н. Н. В е л е ц к а я. Рудименты язычества в похоронных играх карпатских горцев. «Культура та побут...», стор. 72—73; П. Г. Б о г а т ы р е в. Вопросы теории народного искусства. М., 1971, стр. 167—297.

⁷ См., например, В. П. Ш у ш а р и н. Этническая история Восточного Прикарпаття в IX—XII вв. В кн. «Становление раннефеодальных славянских государств», Киев, 1972, стр. 174—176; е г о ж е. Размещение венгерских племен в Среднем Подунавье. В кн. «История Венгрии», т. I, М., 1971, стр. 104.

⁸ См., например, В. Д. К о р о л ю к. Волохи и славяне русской летописи. Кишинев, 1971; е г о ж е. Волохи и славяне «Повести временных лет». «Советское славяноведение», 1971, № 4; е г о ж е. К вопросу о месте известий о волохах в «Повести временных лет». «Советское славяноведение», 1972, № 1; е г о ж е. Славяне, влахи, римляне и римские пастухи венгерского «Анонима». «Юго-Восточная Европа в средние века», Кишинев, 1972.

⁹ См. J. M a s ť e k. Valaši v západních Karpátech v XV—XVII st. Ostrava, 1959; K. D o b r o w o l s k i. Die Haupttypen der Hirtenwanderungen in den Nordkarpaten vom 14. bis 20. Jahrhundert. «Viehzucht und Hirtenleben in Ostmitteleuropa», Budapest, 1961.

мя чехословацкими и польскими учеными, говорят о пестром этническом составе колонистов.

Наряду с восточно-романским этническим компонентом, преобладавшим, по-видимому, на ранних этапах колонизационного процесса, самое активное участие в заселении горных районов принимали местные малоземельные и безземельные крестьяне из равнинных украинских, словацких, польских и чешских деревень, прилегавших к Карпатам областей, быстро перешедшие к кочевому пастушеству. Притоку валашских колонистов всячески способствовали крупные феодальные землевладельцы, заинтересованные в освоении пустовавших ранее земель. В XVI в. валахи в Карпатах были привилегированным элементом: они не платили ни государственной, ни церковной подати, а лишь натуральную «валашскую дань» с овец¹⁰. Постепенно, однако, валахи закрепощались, ограничивалось и право их передвижения. Так, в Венгрии по решениям сеймов конца XVI — начала XVII в. они были лишены всех прежних привилегий¹¹. В течение XVII—XVIII вв. все группы валашских скотоводов перешли к оседлому образу жизни: они стали заниматься и земледелием, сочетая его с отгонным скотоводством на летних пастбищах.

Письменные источники Западных Карпат дают точные сведения о времени прихода валахов в отдельные феодальные владения, о числе колонистов, их социальном положении и формах зависимости от феодала. Свидетельствуют эти источники и относительно многозначности самого термина «Valach», содержание которого меняется в течение XV—XIX вв. Впрочем, как известно, этот термин («влах») не был однозначен и на Балканах¹². В источниках XVI в., относящихся к территории польских и словацких Карпат, он имел, по-видимому, как этническое, так и хозяйственное значение. Правда, все же при этом этническое разграничение еще имело место: валашские колонисты нередко обозначались как *Valachi et Rutheni (Valachi seu Rutheni)*, причем в последнем случае имелись в виду пастухи восточнославянского происхождения из восточных (украинских) Карпат. В то же время оба эти термина, как правило, означали одну категорию подданных¹³. Со временем термин «валах» полностью утратил этническое значение: в чешском, словацком, польском, украинском языках его применяли вообще по отношению к пастухам овец (*valach, wołoch, волох*).

Роль восточнороманского элемента в этногенезе народов Карпатской зоны признается сейчас большинством исследователей (исключение представлял только Д. Гранджалов). Об этом свидетельствует наличие восточнороманской пастушеской терминологии в украинском, словацком, польском, чешском языках (валашский диалект в Моравии), а также данные карпатской топонимики и ономастики¹⁴. В специальной литературе

¹⁰ P. R a t k o š. Otázka vývoja slovenskej národnosti po začiatku 17 st. «Historický časopis», 1972, № 1, s. 38.

¹¹ D. K r a n d ž a l o v. K dnešnému stavu studia rumunských vlivu v Karpatech. «Studia Slavica Akademie Scientiarum Hungaricae», t. X, f. 3—4, Budapest, 1964, s. 317—318.

¹² См. Г. Г. Л и т а в р и н. Влахы византийских источников X—XIII вв. «Юго-Восточная Европа в средние века», Кишинев, 1972, стр. 91.

¹³ Y. S t í k a. Význam slova «valách» v zapadných Karpatech. «Slovenský národopis», 1963, s. 396.

¹⁴ A. H a b o v š t i a k. O výskume pastierskej terminológie. «Slovenský národopis», 1961, № 4; его же. La colonisation pastorale dans les Karpates et les patois slovaques. «Ethnologia Slavica», t. 1, Bratislava, 1969, s. 83—100; Г. П. К л е п и к о в а. Функционирование и генезис пастушеской терминологии в славянских говорах карпатского ареала. «Культура та побут...», стор. 111—112; Б. В. К о б и л я н с ь к и й. З карпатської ономастики. Там же, стор. 136—137.

(исторической, этнографической и лингвистической) еще со времен Ф. Миклошича этот пласт принято объяснять «румынскими влияниями» в Карпатах. Термин этот не представляется удачным в применении к «валашской колонизации» XIV—XVII вв. Ведь румынский народ сложился позднее и не поглотил всего восточнороманского этноса, о котором только и может идти речь в этот период. Следовательно, было бы правильнее пользоваться термином «восточнороманские влияния», «восточные романцы» по отношению к пастушескому элементу в Карпатах.

Необходимо учитывать и то, что для словацких и польских Карпат гораздо более ощутимым было появление в составе валашского колониционного потока восточнославянского этнического компонента, сыгравшего значительную роль в этногенезе словаков и поляков. К тому же восточнороманский этнический элемент по пути в западные Карпаты подвергся сильной славянизации.

Имея в виду все это, подавляющее большинство ученых, исследующих культуру карпатских горцев, в настоящее время пришло к выводу о необходимости разграничения проблемы этнического состава валашских пастухов от проблемы происхождения карпатского типа отгонного овцеводства¹⁵.

В славянских Карпатах этот тип хозяйства не был автохтонным. Необходимо принять во внимание и то, что славянам издавна был свойствен земледельческий характер культуры. Это не значит, что славяне прикарпатских областей до появления валахов не знали овцеводства. Однако оно было мясошерстного направления и не было связано с кочеванием на высокогорных пастбищах.

Вместе с «валашской колонизацией» в Карпатах распространился особый тип отгонного овцеводства, незнакомый до того времени жителям соседних равнинных областей. Именно поэтому валашские колонисты в силу своей изолированности и специфики хозяйства казались местному земледельческому населению чуждым элементом, даже если они появлялись из соседних горных областей (*extraneus* — термин, часто применяемый к валахам в источниках).

Итак, формирование традиционно-бытовой культуры пастушеского населения Карпат шло в рамках нескольких этнических общностей. Этнокультурные взаимосвязи были особенно интенсивны на границах этих общностей, так как скотоводческий тип хозяйства означал постоянные миграции населения.

Возвращаясь к вопросу об изучении высокогорного скотоводства в рамках МККК, следует отметить, что с самого начала деятельности комиссии этой теме было уделено особое внимание. Была подготовлена очень подробная развернутая программа сбора материала по всем элементам материальной и духовной культуры карпатских пастухов, начиная с конца XIX до середины XX в.¹⁶ Привлекался и архивный материал более раннего периода. Результатом синхронного сбора материалов по этой программе была публикация целого ряда статей и монографий о карпатском пастушестве в разных странах-участницах МККК¹⁷. Сравнительное

¹⁵ Первым эту гипотезу высказал Ян Подолак: J. P o d o l á k. Niektoré problémy porovnávacieho štúdia l'udových kultur Karpatskej oblasti.—«L'udová kultura v Karpatoch». *Ethnographia Carpatica, Práce Medzinárodnej komisie pre štúdium l'udovej kultury v oblasti Karpat*, Bratislava 1972, s. 54—55; е г о ж е. *The Pastoral Culture of the Carpathians as a Subject of an Ethnological Study*. «*Ethnologia Slavica*», t. 1, 1969, p. 67—81.

¹⁶ J. P o d o l á k. Spôsoby chovu hospodarských zvierat. Návod na etnografický výskum. Bratislava, 1962.

¹⁷ J. P o d o l á k. Pastierstvo v oblasti Vysokých Tatier. Bratislava, 1967; W. J o s t o w a. Pastierstvo na polskiej Orawie. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk,

изучение материалов, содержащихся в этих работах, позволяет уже сделать некоторые общие выводы.

Прежде всего поражает сходство в технике изготовления продуктов из овечьего молока, совпадающей у разных карпатских народов в деталях¹⁸. Почти одинакова и употребляемая в молочном хозяйстве (большей частью деревянная) утварь. Правда, у отдельных народов встречаются особые виды молочных изделий (например, своеобразной формы копченые сыры), но это объясняется скорее спецификой внутреннего рынка в отдельных странах. Очень сходна и терминология, связанная с молочным хозяйством, большей частью неславянская. Кстати сказать, как известно, в отдельных странах лингвистами собран огромный лексический материал, относящийся к пастушескому хозяйству Карпат¹⁹. Материал этот необходим и этнографам. И лучшей формой нашего сотрудничества могли бы быть в будущем этнографо-лингвистические атласы²⁰.

Очень мало различаются постройки пастухов на высокогорных пастбищах на всем протяжении Карпат. Сходен и путь их развития от простейших навесов и переносных шалашей до постоянных срубных построек. Одинаково и функциональное использование отдельных помещений (или углов) этих построек, форма и размещение очага, одинаково устройство загонов для овец, мест для дойки и т. д.

Особенно много общих черт до недавнего времени можно было наблюдать в духовной культуре карпатских овцеводов, особенно в их календарных обычаях и обрядах. Очень много сходных обрядов в весеннем цикле, связанном с первым выгоном скота на летнее пастбище, магических действиях и запретах во время изготовления молочных продуктов, в обычаях добывания огня трением и его сохранения, способах врачевания овец (вплоть до трепанации черепа) и др.²¹.

Представляется очевидным, что отгонно-пастушеское хозяйство в период своего расцвета на Карпатах во многом определило культурную общность населения этого региона. Сходные черты в культуре сохранились и тогда, когда валашские пастухи перешли к оседлому образу жизни

1972; K. Dobrowolski. Studia podhalańskie. Pasterstwo Tatr polskich i Podhala. Wrocław — Warszawa — Kraków, t. 8, 1970; R. Reinfuss. Hodowla i pasterstwo na Łemkowszczyźnie. Nad rzeką Ropa. Zarys kultury ludowej. Kraków, 1966; М. Д. Мандыбуря. Гуцульское полонинское хозяйство второй половины XIX — XX вв. «Карпатский сборник» («Ethnographia Carpatica»); М. П. Тивода. Народные традиции в полонинском пастушестве украинцев Раховщины. «Карпатский сборник» («Ethnographia Carpatica»); A. Paládi-Kovács. A keleti Palócok pásztorokodása, Műveltség és Hagyomány. «Studia ethnologica Hungariae et centralis ac orientalis Europae», VII. 1965, Debrecen, 1965; N. Dunágye. Milchprodukte in rumänischen Hirtenwesen, Viehwirtschaft und Hirtenkultur. Budapest, 1969.

¹⁸ Многие из этих приемов характерны для более широкого круга скотоводческих народов, например, заквашивание молока телячим желудком и т. п.

¹⁹ См., например, V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957; A. Szüfer. Słownictwo pasterskie Tatr i Podhala. «Pasterstwo Tatr Polskich i Podhala», Wrocław — Warszawa — Kraków, 1962, s. 163—193; С. Б. Бернштейн, В. М. Иллич-Свищичи и др. Карпатский диалектологический атлас. М., 1967; Й. О. Дзендзелівський. Лінгвістичний атлас українських народних говірів Закарпатської області УРСР (Лексика), Ужгород, 1960.

²⁰ См. Й. О. Дзендзелівський. Проспект лингвистично-этнографічного атласу культури району Карпат (ЛЕАКК). «Культура та побут...», стор. 11—13; А. Навоштїак. O spolupráci jazykovedy a národopisu na úseku terminológie. «Slovenský národopis», 1961, № 1; е г о ж е. Общеславянский лингвистический атлас и исследования пастбищно-скотоводческой терминологии. «Carpatica», № 3, 1963, s. 9—12; P. Ondrus. O možnostiach spolupráce dialektológov a národopiscov na úseku l'udovej terminológie. «Slovenský národopis», 1967, s. 595—599.

²¹ См. итоговую статью Яна Подолака: J. Podolák. Niektoré problémy porovnávacieho štúdia l'udových kultur Karpatskej oblasti. — «L'udová kultura v Karpatoch». Ethnographia Carpatica, Bratislava, 1972.

и комплексному земледельческо-скотоводческому хозяйству. Процесс этот начался еще в XVII в., а в XIX в. во многих областях овцеводство перестало играть роль главной отрасли хозяйства. Однако весьма показательно, что, несмотря на деформацию прежней культурно-хозяйственной общности, у населения Карпат устойчиво сохраняется общность во многих других компонентах традиционно-бытовой культуры.

Изучение этих компонентов составляет задачу целой группы субкомиссий МККК, внимание которых было направлено на традиционно-бытовую культуру долинных поселений в Карпатах.

Это прежде всего субкомиссия по изучению народной архитектуры. Она вела сравнительное изучение разных объектов народной архитектуры, жилых домов, хозяйственных построек, церквей и т. д. Эта работа велась параллельно с подготовкой историко-этнографических атласов в большинстве стран карпатского региона.

Исследования последних лет показывают, что постройки каждого из карпатских народов в долинных поселениях по своим основным признакам неразрывно связаны с постройками в равнинных областях того же народа, и это лишний раз говорит о массовых переселениях в Карпаты жителей соседних равнинных поселений. В то же время жилые и хозяйственные постройки не только на высокогорных пастбищах, но и в долинах, на всем протяжении Карпат под влиянием сходных природных и хозяйственных условий приобрели множество характерных для всей карпатской зоны особенностей, независимых от этнических границ²². До недавнего времени здесь преобладали деревянные срубные постройки со сходной строительной техникой. Жилые дома получили здесь более усложненную планировку, чем на равнине, они ставились под одной крышей с хозяйственными постройками, что было вызвано нуждами скотоводческого направления хозяйства и особыми климатическими условиями. На типе построек сказалось, кроме того, и занятие земледелием.

Прослеживаются общерегиональные черты и по материалам других субкомиссий, в частности по данным в области прикладного искусства и ремесел, словесного и музыкального фольклора²³.

Сбор материалов по программам МККК должен быть закончен созданием историко-этнографического атласа Карпат, который и послужит фундаментом для будущих исследований. Но уже и сейчас можно сделать некоторые выводы, касающиеся в первую очередь одной из центральных проблем этнографического изучения Карпатского региона — проблемы соотношения в культуре его населения общего и специфического.

Как выясняется, карпатский регион не просто хозяйственно-культурная общность, а историко-этнографическая область, имеющая определенные единые черты не только в сфере культурно-хозяйственной, но и во

²² См. V. Frolcs. Kultúrní vzťahy v ľudovom staviteľství. «Ľudová kultúra v Karpatoch». Ethnographia Carpatica, Bratislava, 1972, s. 153—159; St. Mruškovič. Výskum ľudového staviteľstva a bývania v československej časti Karpat. Ibid., s. 265—274; Н. Н. Г р а ц и а н с к а я. К типологии традиционного народного жилища в украинских Карпатах в XIX — начале XX вв. «Советская этнография», 1973, № 1.

²³ С. И. Г р и ц а. Порівняльне вивчення музичного фольклору карпатського регіону. «Культура та побут...», стр. 65—67; В. Л. Г о ш о в с ь к и й. Роль мелогографії в ареально-комплексних дослідках. Там же, стор. 70—72; Л. Н. В и н о г р а д о в а. Сравнительный анализ славянских колядных песен Карпатского региона. Там же, стр. 75—77; Я. П. П р и л и н к о. Сравнительно-этнографическое изучение народной одежды населения Карпат и принципы ее классификации. Там же, стр. 58—60; O. S i r o v á t k a. K interpretaci zbojnícké pověsti. «Ľudová kultúra v Karpatoch», Ethnographia Carpatica, Bratislava, 1972, s. 337—344; D. K l í m o v á - R y c h n o v á. Mezižanrové vzťahy v oboru ľudové pověsti v materiáloch o Tatarech a Turčích v západní Karpatске oblasti. Ibid., s. 319—335.

многих других компонентах культуры. Это проявляется и в народной архитектуре, в народной одежде и ремеслах, в обрядах, словесном и музыкальном фольклоре. Нельзя не упомянуть в данной связи и о лингвистической интерференции Карпатского бассейна²⁴.

Как и все общности подобного типа, карпатская историко-этнографическая область полиэтнична. Наряду с самосознанием и языком культурное своеобразие соответствующих этнических общностей проявляется и в некоторых компонентах материальной и духовной культуры. Как всегда, наибольшую этническую нагрузку несут те элементы культуры, которые связаны не с утилитарно-производственной, а с эстетической сферой. Показательно, например, что в культурно-бытовом комплексе, характеризующем народное жилище в Карпатах, наиболее отчетливо этнические функции выполняли украшения дома, способы отделки стен, форма крыши. Впрочем, эти внешние признаки дома имели и локальные особенности внутри расселения каждого народа²⁵.

Весьма наглядно этническая специфика проявлялась в прикладном искусстве пастушеского населения разных народов. В частности, своеобразие орнамента и художественных приемов резьбы (по дереву и металлу) словацких пастухов показал в своей интересной работе один из старейших словацких этнографов Рудольф Беднарик²⁶.

Отчетливо прослеживается этническое своеобразие в материалах по словесному и музыкальному фольклору²⁷.

Вместе с тем анализ карпатских этнографических материалов показывает, что тот или иной обладающий этнической спецификой компонент культуры обычно в большей или меньшей мере выходит за пределы соответствующей этнической общности. В этом отношении наглядной иллюстрацией могут служить традиционные земледельческие орудия, употреблявшиеся на Карпатах²⁸, а также типы жилища карпатских горцев в Чехии, Словакии, Польше, на Украине.

Следует, однако, иметь в виду, что этнос не простая сумма отдельных компонентов культуры (включая язык), а весьма сложная система. И в целом этнический облик народа создается неповторимым сочетанием отдельных элементов культуры. Притом сам этот комплекс, как и его составляющие, не остается неизменным. Их изменение во времени и представляет суть этнических процессов. Изучение такого рода процессов — одна из важнейших задач МККК. Задача эта, имеющая в значительной мере итоговый характер, чрезвычайно многогранна, и ее хронологические рамки весьма обширны. Но, несомненно, наибольший интерес в данном отношении представляет исследование, с одной стороны, этногенеза народов карпатского региона, с другой, — происходящих здесь современных этнических процессов. Первая из этих проблем, как мы отчасти могли убедиться, уже давно находится в поле зрения специалистов. Что касает-

²⁴ См. С. Б. Бернштейн. Проблемы интерференции языков карпато-дунайского ареала. «Культура та побут...», стр. 7—9.

²⁵ R. V. P r a ž á k. Der Einfluss der walachischen Kolonisation auf einige wichtige ethnographische Erscheinungen in der Wohnweise des östlichen Gebietes der CSSR. «L'udová kultura v Karpatoch...», S. 165; V. F r o l e c. K problematice karpatsko-balkanských vztahů v lidovém staviteľstvi. «L'udová kultura...», s. 158.

²⁶ R. B e d n á r i k. Pastierske rezbarské umenie. Bratislava, 1956.

²⁷ См. D. H o l ý. K otázce vývoje sdružených lidových hudeb na východní Moravě a na Slovensku. «L'udová kultura...», s. 369—381; V. G a š p a r i k o v á. Adaptacia látok s historickou tematikou v oblasti slovenských Karpat. Ibid., s. 347—355.

²⁸ См. J. Š t ' a s t n ý. Tradiční zemědělství na Valašsku. Praha, 1971, s. 37—87; V. U r b a n s o v á. Klasifikácia slovenského orného náradia. «Slovenský národopis», 1961, № 1; Н. А. Демченко. Пахотные орудия румын Украинской ССР. «Культура та побут...», стр. 20—21.

ся современных этнических процессов, то недавно положено начало их специальному изучению²⁹.

Суммируя в заключение все сказанное, очевидно, есть достаточные основания признать, что этнографическое изучение населения Карпат позволяет выделить здесь три основные разновидности культурных комплексов: особый хозяйственно-культурный тип, сопряженную с ним историко-этнографическую общность и целый ряд частично входящих в нее этнических общностей. Взаимосвязь и взаимодействие этих изменяющихся во времени комплексов необходимо непременно иметь в виду при изучении любых аспектов культуры народов Карпатского региона.

---

²⁹ См. И. Н. Г р о з д о в а. Этническая специфика венгров Закарпатья. «Карпатский сборник...», стр. 95—107; Н. Н. Г р а ц и а н с к а я. Современные культурно-бытовые процессы у словаков Закарпатья. Там же, стр. 108—115; Т. Д. Ф и л и м о н о в а, М. Ф. Ш и н. К вопросу об этнокультурном развитии немцев Закарпатья. Там же, стр. 116—138.

Г. П. КЛЕПИКОВА

ОБ ИЗУЧЕНИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ ИЗ РУМЫНСКОГО ЯЗЫКА В КАРПАТОУКРАИНСКИХ ГОВОРАХ

Важной проблемой карпатского языкознания является изучение румынских (геср. восточнороманских) заимствований. Большой интерес, в частности, представляют подобные заимствования в карпатоукраинских диалектах, поскольку история прямых контактов восточнославянского (-украинского) населения Карпат и восточнороманского этноса насчитывает не менее шести столетий: начавшись в первые десятилетия XIV в. в рамках так называемой «валашской колонизации» Карпат¹, эти контакты продолжаются, правда, в иных социально-исторических условиях, и ныне.

З а и м с т в о в а н и е (в данном случае лексическое) определяется как элемент, а) который к моменту усвоения его заимствующим языком (геср. его диалектами) уже существовал в языке-источнике, б) который ранее отсутствовал в заимствующем языке (его диалектах) и в) который самостоятельно не мог быть выработан последним. Справедливость такого определения, данного в общей форме, вряд ли может быть оспорена. Трудность заключается в другом: порой бывает сложно исследовать тот или иной элемент (в отношении которого сделано допущение, что он является заимствованием) во всех указанных аспектах, иногда не хватает конкретного знания истории и современного состояния языков и диалектов, вступавших в контакт в прошлом или контактирующих и в настоящее время.

Несомненно, что значительное число «румынизмов», входящих в состав лексического фонда карпатоукраинских говоров, выявляется относительно просто, ибо отсутствие данных элементов в украинском до начала контакта его носителей с романоязычным населением легко может быть доказано. Неслучайно статус многих слов, включенных в первые в истории карпатоведения списки румынизмов (Ф. Миклошича — около 50 слов, Е. Калужняцкого — около 230 слов)², безоговорочно принимается сов-

¹ По мнению исследователей, «валашский» элемент в Украинских Карпатах появился в первой половине XIV в. (см., например: K. D o b r o w o l s k i. Die Haupttypen der Hirtenwanderungen in den Nordkarpaten vom 14. bis 20. Jahrhundert. В сб. «Vieh- und Hirtenleben in Ostmitteleuropa. Ethnographische Studien». Budapest, 1961, s. 120); в Бещадах (р-н Леско) — также в XIV в. (см. W. S c h r a m m. Formy osadnictwa wiejskiego w Srodkowych Karpatach. Warszawa, 1961, s. 20); но Р. Райнфус считает, что «валахи» обосновались в Северных Карпатах лишь в XV—XVI вв. (R. R e i n f u s s. Stan i problematyka badań nad kulturą ludowej Łemkowszczyzny. «Etnografia polska» (Warszawa), t. V. 1961, s. 64.

² F. M i k l o s i c h. Über die Wanderungen der Rumunen in den dalmatischen Alpen und den Karpaten. «Denkschriften der philos.-hist. Kl. der kais. Akademie der Wissen-

ременными исследователями; вместе с тем с течением времени отдельные слова, упоминавшиеся Ф. Миклошичем и Е. Калужняцким, были исключены из реестра румынизмов. Например, в результате строгой (впрочем, не всегда справедливой) критики Д. Крынджалова число заимствований из румынского в карпатоукраинских говорах было сокращено до 144 (без топонимов)³.

В настоящее время под «румынскими заимствованиями» («заимствованиями из румынского») понимаются не только исконные в румынском элементы, т. е. романские по происхождению, но и элементы иного происхождения: славянского, тюркского и под., а также элементы неясной этимологии, проникшие в славянские языки и диалекты карпатского ареала через р у м ы н с к о е (геср. восточнороманское) п о с р е д с т в о .

В качестве примера может быть приведен такой лексический разряд как карпатоукраинская терминология горного пастушества, в которой процент румынских заимствований весьма высок. Среди терминов пастушества — «румынских заимствований» — обнаруживаются романские элементы (*bataleț, vakar', vatujka, kolastra, kl'ag, kornuta* и др.), элементы неясного происхождения (*balan, balaia, bryndza, budz, cap, carok, dzer, serbadz'anika, strunga, urda, vakeša* и др.), несомненные (южно)славянизмы, распространенные в зоне Карпат носителями восточнороманской речи (*komarnik, poduš'ar'a, ryndz'a, žentyc'a*, и др.). Более глубокое, чем это было возможно прежде, знакомство с данными диалектологии, как славянской, так и неславянской, позволило уточнить характеристику многих терминов, считавшихся заимствованиями.

1. Термины *košara*¹ 'загон', *košara*² 'помещение для скота' следует считать исконными в карпатоукраинских говорах — в противоположность существующему мнению (Vrabie, 155). Об этом говорит широкое распространение их в восточнославянских диалектах и за пределами Карпат; лексема восходит к праслав. *košara (<*kosъ* — Sławski). Напротив, лемк., зап.-слав. *košar* представляет собой, вероятно, не прямой континуант праслав. *košarъ (:*košara — Sławski), но заимствование — или из венгерского (Machek; венг. *kosár* < ю.-слав. *košarъ* — Kniezsa), или из румынского (см. мнение З. Голомба в «Македонски јазик», Скопје, X, 1959, стр. 25; Vrabie, 155 и др.).

2. Вопреки мнению некоторых исследователей, термин *pyrč* (*perč*) 'козел' (и производные) — не заимствование из румынского⁴, а собственно карпатоукраинский элемент исконнославянского происхождения (<и.-е. **prk-*—Младенов; Machek). Рум. *pîrci* 'козел', отмечаемое лишь в некоторых районах (Рымнику-Вылча, обл. Вранча; ср. и 'дикий козел' — Банат) — южнославянского происхождения (лексема с корнем **prč-* широко распространены в болгарских и македонских говорах); того же происхождения соответствующие термины в арумынском, мегленорумынском, истрорумынском. Об исконности термина в северославянских диалектах свидетельствует существование морав. *prča* 'коза', *prčina* 'запах

schaften, Bd. XXX, Wien, 1879 (F. Miklosich. Rumunisches im Kleinrussischen, S. 10—11; E. Kalužniacki. Rumunisches im Kleinrussischen und Polnischen, S. 12—21).

³ D. K r a n d ž a l o v. Valaši na Moravě. Materiály, problémy, metody. Praha, 1963, s. 63, 67, 69, 71. ег о ж е. Rumunské vlivy v Karpatech se zvláštím zřetelem k moravskému Valašsku. Praha, 1938, s. 431 и сл. В работе «La terminologie pastorale commune chez les peuples balkaniques» Д. Крынджалов указывает 160 слов («Actes du I Congrès international des Études balkaniques et Sud-Européennes», v. VI, Sofia, 1966, p. 790). Как известно, еще более решительной была редукция подобного списка для моравских говоров — с 1000 до 26 (см., например, D. K r a n d ž a l o v. Valaši..., s. 71, 239).

⁴ I. L o b i u c. Elemente românești în terminologia păstoritului și a creșterii vitelor la huțuli. «Romanoslavica» (București), XVIII, 1972, p. 112.

козла', а, главное, вариантов с *-k-* в корне: морав. *prk*, *prkotina* 'козий смрад' (Bartoš, 327, 399), ср. слвц. *prk ča* 'междометие' (Восточная Словакия — Pol. II, 195), польск. диал. *park* 'название козлов', *parkot*, *'smród'* (SJP), однокоренные глаголы и междометия; *parkać się*, *parzać się* (SJP; AJPP № 20; Karłowicz), *prrrś* (AJPP № 159).

3. Лексема *vatra* 'очаг' — достаточно древний восточнороманский элемент (ср. алб. *votrë*, *vatër* 'то же'); она рассматривалась в славянских диалектах карпатского ареала как несомненный румынизм. Есть основания говорить о ней, по крайней мере, в части карпатских диалектов, как об исконной, восходящей к праславянскому периоду. Об этом свидетельствует в частности, география данной лексемы — она фиксируется и за пределами карпатской зоны, вплоть до Левобережной Украины (а эвентуальные производные — на южнорусской территории, ср. пенз. *ватруха* 'нечистоплотная стряпуха'; также пск. *ватрух*, *ватрях* 'сердитый, надутый человек' — СРНГ). Важны и показания семантики: лексема достаточно широко употребляется в значении 'огонь' (в украинских, польских, словацких говорах); существенны аналогии с сербскими диалектами при о т с у т с т в и и такого употребления в румынских диалектах к северу и югу от Дуная. Это может указывать на независимость от рум. *vatră* и на значительную древность такого значения, тем более, если допускать (вслед за Я. Розвадовским, например) иранское происхождение лексемы (<**atar-*). Вместе с тем нельзя, разумеется, отрицать возможность влияния семантики рум. *vatră* на семантику карпатослав. *vatra* ('очаг', далее — и 'под печи', 'лежанка', вплоть до 'место, на котором ставят дом' — в горах на севере Молдавской ССР) ⁵.

Однако, хотя время от времени в представления о заимствованиях из румынского вносятся подобные коррективы, в целом по мере дальнейшего, все более углубленного изучения диалектной лексики интересующего нас региона, инвентарь подобных заимствований постепенно и неуклонно увеличивается. В последние годы особенно плодотворно в этом направлении работают румынские лингвисты (см. исследования И. Робчука, И. Лобюка, К. Регуша и т. д.). Именно благодаря их усилиям были впервые зафиксированы многие заимствованные из румынского элементы. Так, в списке Э. Врание общее число заимствований достигает 353 (непроизводные) (Vrabie, 181); по данным И. Робчука, оно может быть увеличено до 731 ⁶.

В связи с изучением иноязычных элементов нужно, как нам кажется, учитывать, в каком именно районе карпатоукраинской зоны они отмечаются — в районах, где о контакте двух языков можно говорить лишь по отношению к прошлому, или же в районах, где подобные контакты имеют место и в настоящее время и где существуют условия для билингвизма (в той или иной степени) и, следовательно, для языковой интерференции, в том числе и лексической. При этом, однако, социальные ситуации двуязычия будут различными, например, в некоторых районах УССР, где существуют анклавы романоязычного населения, с одной стороны, а, с другой, — в районах с украинским населением на территории Румынии (р-н Сучава; р-н Сигет-Мармацией — Марамуреш). Очевидно, что в последнем случае двуязычие имеет иной характер в силу особых социально-исторических причин, в силу большего престижа румынского языка. Румынскому языку отдается предпочтение, поскольку им пользуются, обходясь в разных, общественно важных ситуациях. Вполне за-

⁵ Г. П. К л е п и к о в а. Из карпато-балканской терминологии высокогорного скотоводства. 2. *vatra*. В сб. «Балканское языкознание». М., 1973, стр. 154 и сл.; 166.

⁶ I. R o b c h u c. Elemente românești în ucraineană. Contribuție la studiul contactelor lingvistice. București, 1971.

кономерно поэтому, что индивиды, для которых украинский язык — родной, как правило, двуязычны, в то время как живущие в тех же районах румыны обычно одноязычны. Очевидно, что в целях получения более объективного представления о роли иноязычных элементов в лексическом составе языка (геср. диалектов) в подобных зонах такие последствия контакта в языковом поведении билингвов как, например, образование единого (в плане содержания) языка с двумя способами выражения⁷ должны изучаться на фоне языкового поведения одноязычных носителей. Другими словами, следует изучать, какие иноязычные элементы в речи двуязычных носителей связаны с их личным участием в языковом контакте (и поэтому не имеют статуса заимствований по отношению к языку в целом), и какие элементы являются уже неотъемлемой частью словарного запаса данного языка (диалекта), реализующегося в речи одноязычных носителей, т. е. являются подлинными заимствованиями⁸.

Очевидно, что и в дальнейшем изучение румынского (и шире — восточнороманского) влияния на украинские говоры будет идти по линии расширения существующего индекса румынских заимствований, поисков и фиксации в диалектах все новых элементов такого рода; с другой стороны, следует стремиться к и н т е р п р е т а ц и я фактов, которые дает картографирование заимствованных лексем. В качестве примера можно рассмотреть результаты сопоставления изоглосс 23 лексем, представляющих собой несомненные, на наш взгляд, заимствования из румынского. Материал почерпнут из опубликованных и неизданных карт, а также комментариев «Карпатского диалектологического атласа»⁹.

1. Следует предположить, что данные лингвогеографии могут быть использованы для установления источника и направления распространения заимствований. Методика интерпретации изоглосс может быть следующей. По сходству конфигураций изоглоссы образуют 4 группы: 1. [skaraty, vakar², dzestra, kyrpa, nepit, štubej] совпадают, в основном, с границей буковинских говоров¹⁰; 2. [bođgar, poduš'ar'a, kornuta, kape(j)stra] очерчивают гуцульские говоры (см. карту № 1); 3) [sagok, strunga, vatah, čula, kl'ag, urda, žentyc'a, grun'] имеют общее направление с юго-востока на северо-запад и идут южнее р. Днестр, включая в ареал лишь часть закарпатских и бойковских говоров (см. карту № 2); 4. [šuta, dzer, koryl, kolyba, čal] идут значительно южнее р. Днестр (лишь на востоке ареала доходят до него), полностью охватывают южные районы территории КДА (см. карту № 1).

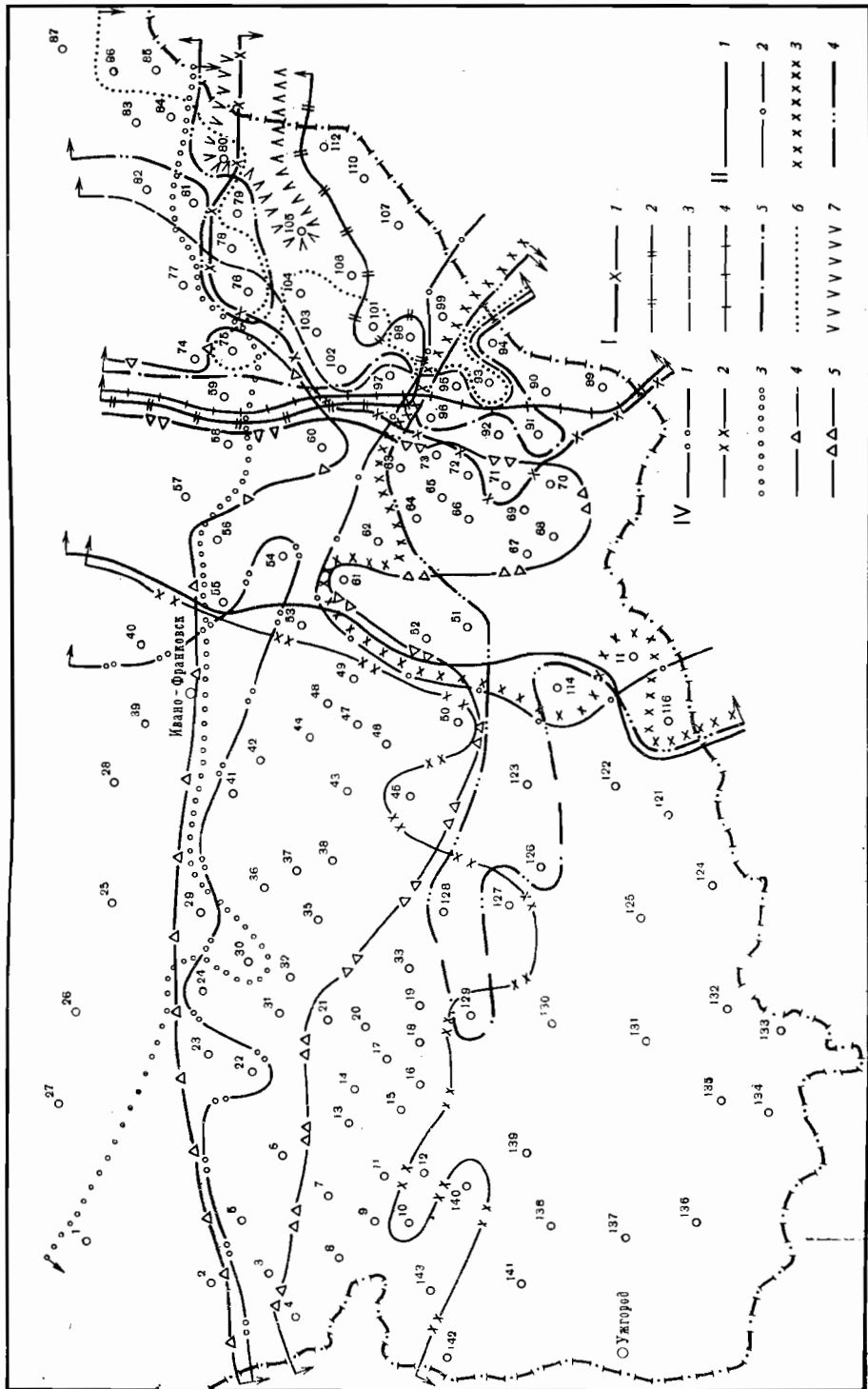
Каждый из указанных пучков изоглосс очерчивает некий м и н и м а л ь н ы й ареал, в котором говорам известны все лексемы данной группы (карта № 3). Совмещение всех минимальных ареалов дало бы зону наибольшего «насыщения» говоров румынскими заимствованиями. Однако в данном случае такое совмещение оказывается невозможным — на территории КДА нет такого пункта, где были бы зафиксированы все картографируемые лексемы. Пересечением трех ареалов (2—4) является территория, включающая юго-западную часть Северной Буковины (правобережье р. Черный Черемош и верховья р. Серет). Если для 1-й группы

⁷ Подробнее см. Л. В. Щ е р б а. О понятии смещения языков. В кн. Л. В. Щ е р б а. Избранные работы по языкознанию и фонетике. М., 1958, стр. 47—48.

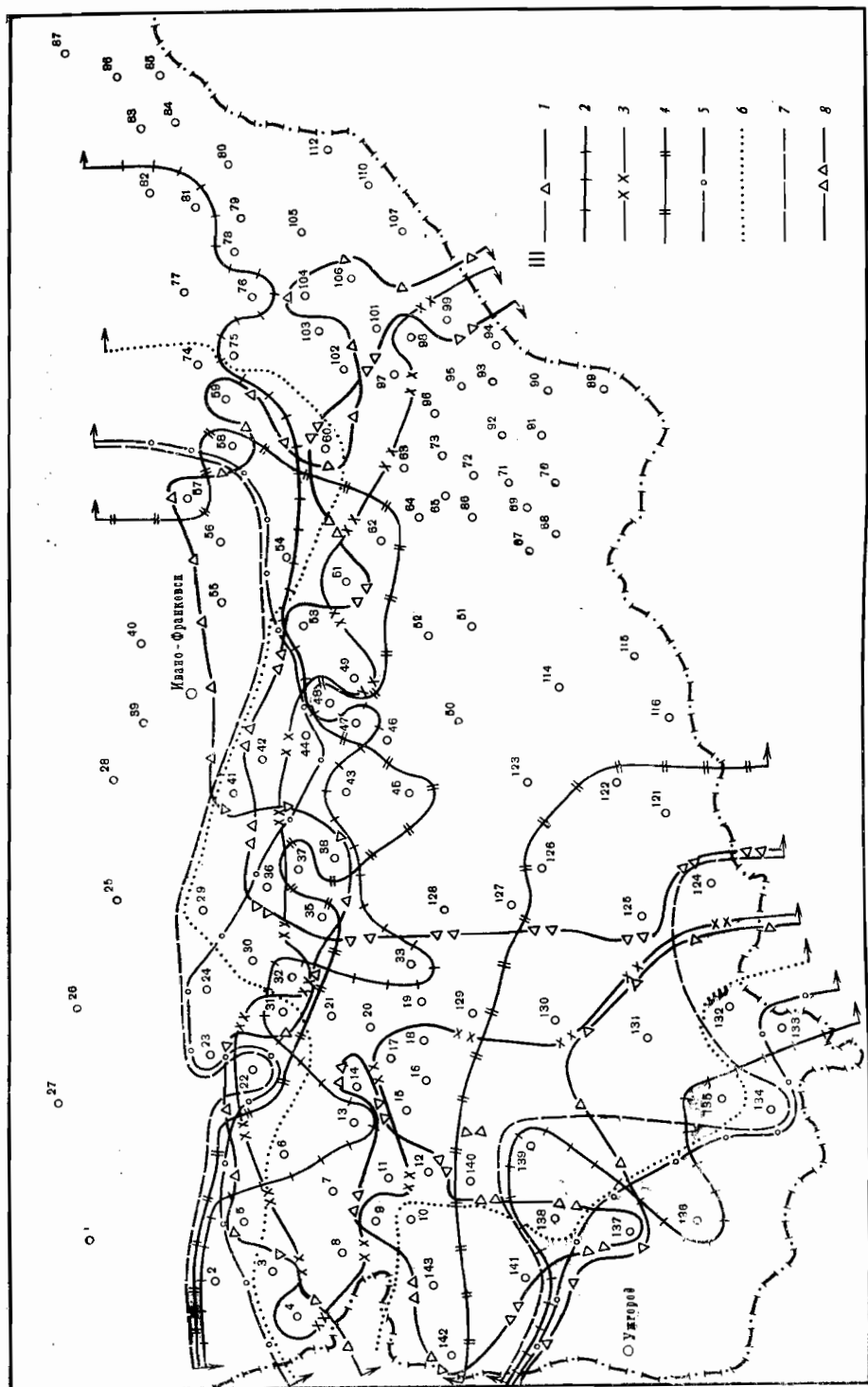
⁸ См. У. В а й в р а й х. Одноязычие и многоязычие. В сб. «Новое в лингвистике». Вып. VI. М., 1972, стр. 32.

⁹ С. Б. Б е р н ш т е й н, В. М. И л л и ч - С в и т ы ч [и др.]. Карпатский диалектологический атлас. М., 1967 (КДА).

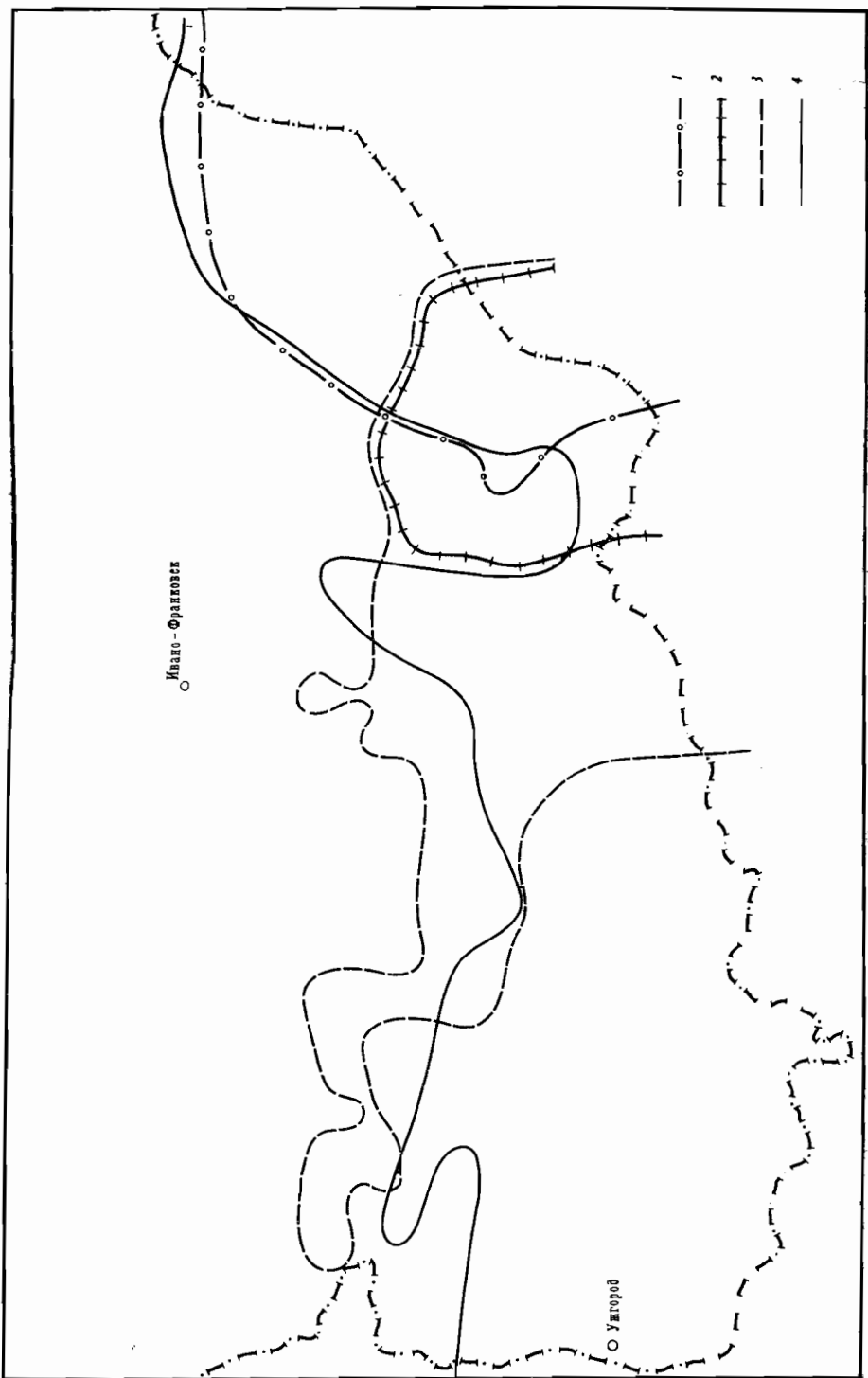
¹⁰ О границах диалектных групп см. Г. П. К л е п и к о в а, Т. В. П о п о в а, В. В. У с а ч е в а. Группировка юго-западных украинских говоров (по материалам КДА). В кн. Материалы и исследования по Общеславянскому лингвистическому атласу. М., 1968, стр. 97 и сл.

Карта № 1

Купра № 2

Карта № 3

изоглосс отказаться от установления минимального ареала (который включает пп. 98, 105, 106)¹¹ и выбрать в качестве ее репрезентанта какую-либо иную изоглоссу, в том числе и такую, которая охватывает максимальное число говоров данной группы (т. е. изоглоссу лексем *skapaty*), то пересечением ареала, образованного наложением 3-х групп изоглосс, указанных выше, и ареала, очерченного максимальной изоглоссой 1-й группы, будет район между р. Черный Черемош и верховьями р. Серет. В каждом пункте этого нового ареала насыщение заимствованиями из румынского нигде не достигнет максимума и будет колебаться между 22 (п. 93) и 18 (п. 92).

Если считать, что наличие большего числа иноязычных элементов — свидетельство более интенсивного влияния языка — источника заимствований, то можно заключить, что наиболее сильным в зоне Украинских Карпат было влияние румынских говоров Буковины¹².

II. Представляется, что изучение территориального распространения заимствований методом сопоставления значительного числа изоглосс и последующей его интерпретации, возможно, будет полезным при с т р а т и ф и к а ц и и этих заимствований. Весьма заманчиво, например, усматривать связь и зависимость между хронологией (разумеется, относительной) того или иного заимствования и величиной ареала, где оно фиксируется: чем больше территория, на которой известен тот или иной иноязычный элемент, тем, вероятно, отдаленнее период его усвоения (при этом не важно, имеем ли мы дело со сплошным или прерывистым ареалом, распадающимся на небольшие анклав). Это предположение как будто находит подтверждение на примере картографируемых лексем.

Наибольшее распространение в карпатоукраинских говорах (и далее — в других славянских диалектах зоны Карпат) имеют лексем 3 и 4 групп; в основном, они представляют собой термины горного пастушества (*carok, strunga, čula, vatah, kl'ag, urda, dzer, žentyc'a, šuta, ča!*), ср. и ареала лексем *kornuta, grun'*, имеющие прерывистый характер. Они, несомненно, вошли в славянские диалекты достаточно давно и связаны с миграциями пастушеского населения («валахи») в средние века (см. выше). Напротив, небольшая величина ареалов других лексем могла бы свидетельствовать о сравнительно недавнем времени их заимствования. Таковы, например, *kyrpa, nepit, vakar, dzestra, štubej, kape(j)stra* (отмечены только в буковинских говорах), гуцул. *boŭgar'*.

Однако очевидно, например, что в других случаях указанный критерий оказывается недостаточным при определении времени заимствования. Так, буков. *skapaty* 'избежать' (< рум. *a scăpa*) не может быть истолковано как недавнее заимствование, поскольку в словацком отмечен глагол *skapat* 'то же', ср. и морав. *skapat* 'то же' (Nižň-Argaš, 95); то же можно сказать о гуцул. *poduš'ar'a*, так как в несколько ином варианте

¹¹ Перечень и нумерацию населенных пунктов см. КДА, стр. 262—263.

¹² Тот же вывод может быть сделан и иным путем. Рассмотренные группы изоглосс указывают на существование нескольких источников (или зон) распространения «румынизмов». В самом деле: 1 группа указывает на направление заимствования из Южной Буковины и Северной Молдовы на север, до Днестра; 2 группа — из западной части Южной Буковины в направлении верховьев рек Тиссы и Прута; 3 группа — из Южной Буковины и восточной части Марамуреша — на северо-запад, вдоль дуги Украинских Карпат (и далее на запад); 4 группа — из северной части Молдовы, Южной Буковины, Марамуреша в направлении на север, до р. Днестр (и далее — на запад). Таким образом, говоры (Южной) Буковины во всех упомянутых случаях оказываются составной частью диалектов, оказывавших влияние на карпатоукраинские говоры, источником создания пласта заимствований в последних. При этом следует, по-видимому, учитывать и важную роль украинских говоров Северной Молдовы, которые, несомненно, играли роль промежуточного звена, передававшего элементы, усвоенные из румынских говоров Южной Молдовы, Трансильвании и т. д.

лексема известна польским, словацким, моравским говорам (см. польск. *podyszar*, словц. *podišiar*, *podišor*, морав. *podešar* и под. (Niță—Armaș, 93—94). Незначительное распространение в буковинских говорах термина *bač* (п. 80, 105) как будто свидетельствует о локальном и, возможно, позднем заимствовании его из румынского. Однако этот вопрос нуждается в специальном исследовании, поскольку в западнославянских диалектах карпатского ареала достаточно широко распространены однокоренные термины (ср. польск. *basza*, *basa*, словц. *basa*; также венг. *bacsa*), не представляющие полного формального тождества ни с украинским термином, ни с рум. *baci(u)*. История этих терминов еще не выяснена окончательно.

Надо полагать, что в дальнейшем совершенствование методов интерпретации показаний лингвистической географии, а также сопоставления их с данными других дисциплин (как лингвистических, так и нелингвистических) позволит все более точно стратифицировать заимствованные элементы. В частности, возможно, удастся выработать надежные критерии для разграничения собственно румынских (т. е. сравнительно недавних) заимствований из определенных диалектов и более старых заимствований, которые вернее было бы обозначить термином «восточнороманские» заимствования. О необходимости подобного временного разграничения применительно к романскому влиянию в Карпатах говорят не только языковеды, но и историки и этнографы¹³.

Пояснения к картам

Карта № 1. I. 1. *skapaty*; 2. *vakar'*; 3. *dzestra*; 4. *kyrpa*; 5. *nepit*; 6. *študej*; 7. *bač*. II. 1. *kapejstra*; 2. *bougar*; 3. *poduš' ar'a*; 4. *kornuta*. IV. 1. *šuta*; 2. *dzer*; 3. *koryl* и родств.; 4. *kolyba*; 5. *ča!*

Карта № 2. III. 1. *carok*; 2. *strunga*; 3. *vatah*; *čula*; 5. *kl'ag'*; 6. *urda*; 7. *žentyc'a*; 8. *grun'*.

Карта № 3. I. 1-я группа изоглосс (см. карту № 1); II. 2-я группа изоглосс (см. карту № 1); III. 3-я группа изоглосс (см. карту № 2); IV. 4-я группа изоглосс (см. карту № 1).

Сокращения

Младенов — С. М л а д е н о в. Этимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941; СРНГ — Словарь русских народных говоров, вып. 4, Л., 1969. AJPP — M. Małecki, K. Nitsch. Atlas językowy Polskiego Podkarpacia. Kraków, 1934; Bartoš — F. B a r t o š. Dialektický slovník moravský. Praha, 1906, Karłowicz — J. K a r ł o w i c z. Słownik gwar polskich, t. I—VI. Kraków, 1900—1911; Kniezsa — I. K n i e z s a. A magyar nyelv szláv jövevényszavai, I. Budapest, 1955; Machek — V. M a c h e k. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957; Niță—Armaș — S. N i ț a - A r m a ș и др. L'influence roumaine sur le lexique des langues slaves. «Romanoslavica» (București), XVI, 1968; Pol. — F. P o l o c z e k. Slovenské ľudové piesne, d. II. Bratislava, 1964; SJP — J. K a r ł o w i c z, A. K r y ů s k i, N. N i e d Ź w i e d z k i. Słownik języka polskiego. I—VIII. Warszawa, 1952—1953; Sławski — F. S ł a w s k i. Słownik etymologiczny języka polskiego. 1—12. Warszawa, 1952—1967; Vrabie — E. V r a b i e. Influența limbii române asupra limbii ucrainene. «Romanoslavica» (București), XIV, 1967.

¹³ См. в этом номере статью Ю. В. Бромлея и Н. Н. Грацианской «Этнографические аспекты карпатоведения», стр. 62—71.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

И. ГРОЗИЕНЧИК

НЕЕДЛЫ И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

В 1973 г. исполнилось 95 лет со дня рождения (1878—1962 гг.) прекрасного человека, признанного ученого, коммуниста Зденека Неедлы. Политическая борьба и научные споры, которые вел на протяжении десятилетий Неедлы, отстаивая дело народа и прогресса против реакции в области политики и идеологии, вошли в сокровищницу высокого гуманизма и прогрессивных традиций народов Чехословакии. Вся жизнь и деятельность Зденека Неедлы были тесно связаны с борьбой народных масс. Его политические взгляды и научные интересы формировались в условиях национально-освободительной и классовой борьбы чехословацкого народа и международного революционного рабочего движения. Зденек Неедлы является достойным примером интеллигента, который уже в условиях буржуазной демократии нашел прямой путь к рабочему классу. Поэтому его творчество точно и убедительно отражает национальные устремления и социальные цели, является научным обоснованием национально-освободительной борьбы нашего народа.

Зденек Неедлы всесторонне изучил и глубоко прочувствовал прогрессивное наследие национальной культуры, осознал закономерности развития человеческого общества. Уже в 20-е годы он высказал идеи, предугадавшие последующее развитие народов Чехословакии. В адрес чехословацкой буржуазии, ориентировавшей внешнюю политику страны на капиталистические государства Запада, Зденек Неедлы говорил: «Отчужденные от тех государств, с которыми мы наиболее связаны своими интересами, и прежде всего от России и (разрядка наша — И. Г.), мы будем связаны с Францией на жизнь и на смерть. А этот союз для нас, в нашем положении, безусловно чрезвычайно опасен». По поводу взглядов Масарика и разных социал-демократических группировок о так называемом «преодолении» коммунизма Зденек Неедлы заявлял: «Коммунизм — это движение, ныне уже так глубоко укоренившееся в мыслях всех людей, что его оттуда никто не вырвет... Поэтому совершенно бессмысленно говорить о конце коммунизма. Коммунизм вообще не может погибнуть, исчезнуть, разве что только тогда, когда его идеи будут осуществлены».

В первом высказывании Неедлы содержится характеристика классовой сущности внешнеполитической ориентации чехословацкой буржуазии и одновременно предостережение по поводу того, куда приведет республику такая политика. Зденек Неедлы не ошибся. Дальнейшее развитие событий — Мюнхен 1938 г. и мартовская трагедия 1939 г. — показало, что это предупреждение вытекало из глубокого осознания им закономерности исторического развития и из правильного понимания современных ему тенденций. Зденек Неедлы не ошибся также и в своем предсказании о будущем коммунизма. Мощное развитие идей коммунизма во всем современном мире, исторические решения XXIV съезда Коммунистической партии Советского Союза в полной мере подтверждают слова Зденека Неедлы, высказанные им еще полвека тому назад.

В чем состоит убедительная правота деятельности Зденека Неедлы? Она состоит в том, что Неедлы подходил к объяснению и оценке прошлого и настоящего с позиций рабочего класса. Он отвергал буржуазную трактовку истории и придерживался марк-

систского подхода к единству истории, целостности исторического развития общества. Неедлы подходил к оценке культурного наследия и современного искусства на основе ленинского учения о борьбе двух культур — прогрессивной демократической культуры с культурой реакционной, буржуазной. Притягательная сила личности и высокая оценка деятельности Зденека Неедлы связана с его качествами прогрессивного деятеля, коммуниста: с единством убеждений и поступков, с единством слова и дела. Неедлы было чуждо столь характерное для большей части буржуазной интеллигенции противоречие между словом и делом. Эти качества и принципы дали ему возможность занять достойное место в обществе, приблизиться к народу, понять его стремления, оценить его искусство. А глубокое знание народа, его устремлений предопределило отношение Неедлы к первой стране социализма — Советскому Союзу.

В отношении Зденека Неедлы к Советскому Союзу отразилась та великая борьба, которая развернулась в чехословацком обществе после Великой Октябрьской социалистической революции. Неедлы стал центральной фигурой широкого народного движения за дружбу с Советским Союзом. Он был одним из немногих выдающихся представителей европейской интеллигенции, которые сразу же поняли и оценили значение Октябрьской революции и историческую роль Советского Союза во всемирной истории. Благодаря этому Неедлы стал пламенным пропагандистом идеи дружбы с Советским Союзом и сотрудничества с советским народом в области науки и культуры. Всю политическую деятельность, все научные и публицистические труды Зденека Неедлы периода между двумя мировыми войнами характеризует неослабевающее настойчивое стремление опровергать ложь, которую распространяла буржуазия о Советском Союзе, показывать силу и жизненность коммунистических идей. Неедлы как литературовед и историк прежде всего обратился к проблеме места и значения славянской идеи в истории чешского и словацкого народов. Он отверг реакционный панславизм и довоенные русофильские мечтания, противопоставив им революционную программу, отвечающую интересам народных масс славянских стран, которая непосредственно продолжила прогрессивные традиции эпохи национального возрождения, широко использовала великие достижения русской классической литературы и идейное наследие революционных демократов. Основным критерием оценки славянской идеи для Неедлы служит вопрос: способствует ли эта идея борьбе за прогресс или препятствует ей? Так, в новых исторических условиях Зденек Неедлы создал правильную прогрессивную концепцию идеи славянской взаимности.

Зденек Неедлы решительно отвергал космополитизм Масарика и Бенеша и их «славянские» концепции, в которых за фразами об «интересах славянства» скрывалась враждебность к Советскому Союзу, империалистические планы интервенции против Республики Советов с целью подрыва ее основ, уничтожения советского строя. Призывы Зденека Неедлы к борьбе против интриг буржуазии звучал в журналах «Вар», «Новое Руско», «Земе совету», «Прага — Москва», в газетах «Руде право», «Учительские новости», с ораторских трибун и с кафедр высших учебных заведений. Символично и характерно, что деятельность Зденека Неедлы начинается именно книгой «Борьба за новую Россию», подытоживающей его борьбу за дружбу с Советским Союзом в условиях буржуазной республики.

Создание «Общества экономического и культурного сближения с Новой Россией» (позднее «Общества культурных и экономических связей с СССР») (1925 г.) и возникновение массовой организации «Союз друзей СССР» (1930 г.) явилось выражением мощного народного движения за дружбу с Советским Союзом, которое развернулось в Чехословакии на рубеже 20—30-х годов под руководством Коммунистической партии Чехословакии. Зденек Неедлы внес в это движение большой вклад. Он основал «Общество» и стоял у колыбели «Союза». Обе эти организации, несмотря на препятствия и даже репрессии со стороны буржуазии и ее органов власти, сыграли значительную роль в расширении и упрочении дружбы народов Чехословакии с народами Советского Союза.

О том, сколь велики были противоречия между антисоветски настроенной чехословацкой буржуазией и глубокими симпатиями чехословацкого народа к народам

Советской страны, свидетельствуют два исторических факта, характеризующих внутреннее развитие буржуазной Чехословакии до 30-х годов. Чехословацкая буржуазия стояла в первых рядах империалистической интервенции против Советской Республики, а чехословацкий пролетариат стоял в первых рядах борцов за признание Советской России, требовавших прекращения интервенции. Это глубокое противоречие наиболее ярко отражает тот факт, что Чехословакия была одним из последних государств, признавших Советский Союз и установивших с ним дипломатические нормальные отношения; в то же время Чехословакия была одной из первых стран, где возникла организация, выступавшая за сближение и дружбу с Советским Союзом.

Уже во времена первой буржуазной республики Зденек Неедлы несколько раз посетил Советский Союз. В 1925 г. он приехал в Советский Союз в составе делегации деятелей науки и культуры Чехословакии, присутствовавших на торжествах по случаю 200-летнего юбилея со дня основания Российской Академии наук, а в 1927 г. как член делегации работников культуры — на праздновании 10-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Во время этих посещений Неедлы непосредственно познакомился с советским народом, с советской действительностью. После возвращения из Страны Советов он прочел цикл лекций о Советском Союзе, о его государственном устройстве, о жизни и труде советских людей. Воодушевленный тем новым, прогрессивным, что он видел в Советском Союзе, Зденек Неедлы убедительно и увлекательно рассказывал об этом трудящимся Чехословакии, организовывал выставки, рассказывающие о жизни советского человека, вносил предложения по проведению съездов деятелей культуры и т. д. Лекции З. Неедлы были встречены на всей территории республики с огромным вниманием, что свидетельствовало о горячем интересе чехословацкого народа к Советскому Союзу.

Обширная деятельность друзей Советского Союза получила свое яркое отражение в праздновании 20-летней годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Зденек Неедлы возглавил общегосударственный подготовительный комитет по проведению юбилея. Это было уже накануне мюнхенского сговора. Чехословацкая буржуазия помешала организации общегосударственных празднеств. Однако, несмотря на эти препятствия и вмешательство полицейских органов, свыше 2 миллионов чехословацких граждан поставили свои подписи под поздравительным адресом советскому народу, известным под названием «Золотой книги». Этот плебисцит чехословацкого народа показал, сколь глубоки корни дружбы к Советскому Союзу, существующие в самых широких слоях народа Чехословакии. Своеобразной кульминацией этого этапа отношений Зденека Неедлы к Советскому Союзу является его двухтомная работа о Ленине, написанная с большой любовью к великому революционеру и гуманисту, основателю Советского государства, который, по убеждению Неедлы, принадлежит не только русскому народу, но и всему человечеству. Себя в этом произведении Неедлы называл «советским человеком».

После мюнхенского предательства Зденек Неедлы уезжает в Советский Союз. Пребывание в Советском Союзе в период второй мировой войны является новым этапом его жизни. Теперь он имеет возможность отдать все силы делу борьбы советского и чехословацкого народов против фашизма. Советский период деятельности Зденека Неедлы наполнен самоотверженной политической, научной и педагогической работой. В Московском государственном университете и в Институте истории АН СССР он работает над проблематикой истории славянских народов. Он пишет научные труды, воспитывает дипломников и аспирантов. В названной проблематике особое внимание он уделяет словацкой истории. Бенешевской концепции существования единого «чехословацкого народа» Неедлы противопоставляет концепцию самобытности словаков. Научная работа и преподавательская деятельность в университете являются лишь одной стороной многосторонней активности Неедлы в Москве. Другой стороной является его чрезвычайно обширная политико-пропагандистская деятельность: Неедлы выступает на собраниях советских граждан, на заводах, в военных госпиталях, участвует в радиопередачах для Чехословакии, выступает на митингах Всеславянского комитета, пламенными призывами поднимает поработанные славянские народы на

борьбу против фашизма. Его прогрессивная концепция славянского единства полностью отвечала целям борьбы советского народа против гитлеровского фашизма. Поэтому он стал одним из активнейших членов и заместителем председателя Всеславянского комитета. Свои идеи о задаче славянских народов в борьбе против фашизма и о целях чехословацкого движения Сопротивления Зденек Неedly высказывал на страницах газеты «Чехословенские листы», в органе Всеславянского комитета—журнале «Славяне» и в советской периодической и научной печати, в многочисленных выступлениях по радио.

Победа Советского Союза над гитлеровской Германией и освобождение Чехословакии Советской Армией было и большой победой Зденека Неedly в деле развития и укрепления чехословацко-советской дружбы, его борьбы за победу прогресса и мира. На освобожденной родине, куда он возвратился обогащенный новым опытом, начинается третий этап отношения Зденека Неedly к Советскому Союзу. Этот этап не менее важен, чем предшествующие. Буржуазия снова пытается повернуть развитие Чехословакии к домюнхенским отношениям, отторгнуть Чехословакию от Советского Союза, отвергнуть чехословацко-советский договор 1943 г. и Кошицкую правительственную программу. Зденек Неedly готов к борьбе. Сразу же после возвращения из Советского Союза в мае 1945 г. он восстанавливает «Общество культурных и экономических связей с СССР», а в 1947 г. принимает участие в подготовке объединения «Общества» и возрожденного «Союза друзей СССР». Политические отношения непосредственно способствовали объединению всего движения в одну мощную, боевую общественную организацию, что и произошло в славные февральские дни, когда борьба с реакцией достигла высшей точки своего развития. Зденек Неedly был избран первым председателем Союза чехословацко-советской дружбы и оставался им до самой смерти.

К 30-й годовщине Октябрьской революции Зденек Неedly написал работу о Советском Союзе. В ней, вооруженный знаниями советской действительности, он высказал свое восхищение советским народом, его тридцатилетним путем строительства социалистического общества и его победой над фашизмом. Неedly с присущим ему энтузиазмом до последних месяцев своей жизни следил за великой борьбой советского правительства за сохранение мира во всем мире, за укрепление единства международного революционного рабочего движения. С воодушевлением он приветствовал выдающиеся успехи советской науки в изучении космоса.

В упомянутом произведении о Ленине Зденек Неedly назвал себя «советским человеком». Всей своей жизнью, политической борьбой и научным творчеством он доказал, что в полной мере заслужил это почетное звание.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ЦОЛА ДРАГОЙЧЕВА. Повеля на дълга. (Спомени и размисли), Партиздат, София, 1972

ЦОЛА ДРАГОЙЧЕВА. По велению долга. (Воспоминания и размышления)

В славном ряду самоотверженных женщин-революционерок и патриоток почетное место занимает наша современница, пламенная революционерка, лауреат Международной премии мира, член Политбюро ЦК БКП — Цола Драгойчева. Опубликование ее воспоминаний — большое событие в политической и литературной жизни страны.

Нам думается, что в богатой яркой литературе о героическом прошлом болгарского народа только одну книгу можно поставить в ряду с воспоминаниями Ц. Драгойчевой — это прославленные «Записки о болгарских восстаниях» Захария Стоянова. Обе книги посвящены героической борьбе за свободу, в них много поучительных страниц из истории дружбы русского и болгарского народов, их революционного сотрудничества. Воспоминания Ц. Драгойчевой охватывают период крайнего обострения классовой борьбы 1923—1925 гг. В первой части книги Ц. Драгойчева рассказывает о сентябрьской эпопее, времени подвигов, мужества и больших уроков.

Все члены рабочей семьи Драгойчевых были коммунистами. Отец — Нинчо Драгойчев — основал коммунистическую группу в г. Беласлатина. Пять братьев и сестер также принимали деятельное участие в революционной борьбе. В 1919 г. Цола была принята в ряды Коммунистической партии. Вся ее жизнь является примером верного служения своему народу. Она была участницей антифашистского восстания в Болгарии в 1923 г. В своих воспоминаниях Ц. Драгойчева подробно описывает обстановку в стране в тот период, деятельность партии по сплочению антифашистских сил. Сама Цола принимала активное участие в подготовке восстания. Она ходила по селам, выступала перед крестьянами, рассказывала о Ленине, о победе большевиков в России, о будущем прекрасном

мире коммунизма, организовывала сбор оружия.

22—23 сентября 1923 г. началось антифашистское восстание. Автор рассказывает, как была установлена рабоче-крестьянская власть в Соколари и окрестных селах. Однако сил у коммунистов было недостаточно, восстание не поддержали соседние округа, и правительственным войскам удалось его подавить. Ц. Драгойчева была арестована и восемь месяцев провела в тюрьме.

Во второй части рассказывается о подготовке нового восстания, о важном значении нелегальной конференции партии, созванной 17 и 18 мая 1924 г. в окрестностях г. Софии в глухом месте на горе Витоша, о самоотверженных борцах за дело трудящихся. Это и замечательная пропагандистка Вела Пискова, член Врачанского окружного комитета, Дора Петрова, Коста Янков, русский профессор Орест Георгиев и многие другие.

Ц. Драгойчева проводит большую работу в военной организации северо-восточной области Болгарии. Весной 1924 г. ей поручают руководство военно-техническими связями в Южной Болгарии. Подпольная организация готовилась к новому штурму.

В настроении революционных бойцов, в их преданности делу пролетарской революции чувствуются традиции героической борьбы деятелей болгарского национально-освободительного движения, участников Апрельского восстания 1876 г. Вот какую клятву революции дали Ц. Драгойчева и ее товарищи: «Дело, которое мы начинаем — великое и святое. Оно требует от всех нас отдалиться ему до конца. Пусть не будет для нас более святой мысли, чем мысль о революции. Да не будет у нас другой религии, кроме идей коммунизма, пусть не будет у нас другой судьбы, кроме судь-

бы народа, другого счастья, кроме победы. Если по слабости наша жизнь будет для нас милее народного счастья, пусть позор покроет наше имя! Клянусь именем народа и пролетарской революции, что я готов отдать все, что потребуется, и жизнь свою во имя победы. Свобода или смерть!» (стр. 142). Поклялись, как в старину, на кин-кале и двух скрещенных пистолетах.

В третьей части описаны апрельские события 1925 г., зверства реакции, переход ее в наступление и разгром организаций Коммунистической партии и революционных народных сил. В борьбе против кровавого фашистского террора партия понесла жестокие потери, но устояла. Погибли замечательные поэты болгарского народа — Гео Милев, Сергей Румянцев, Христо Ясенов, его верные сыны Димитр Грыпчаров, Темелко Ненков, Тодор Димитров — брат Георгия, Владимир Благоев и многие другие.

Ц. Драгойчеву, как и других руководителей Пловдивской организации ВКП, выдали провокаторы. Автор описывает судебный процесс, организованный фашистами над пловдивскими коммунистами. Прокурор потребовал для руководи-

телей партии смертной казни. Пять человек были приговорены к повешению и среди них — Ц. Драгойчева. Осужденные после приговора зашли Интернационал. Пели они и в полицейской машине. Разъяренный конвой вытащил всех и поставил к стенке прямо на площади. Неистовый вопль и протест народа заставил старшего офицера прекратить экзекуцию. Смертный приговор позднее был заменен пожизненным заключением.

Используя богатый военно-политический опыт борьбы 1923—1925 гг., партия, закаленная в классовых битвах, при решающей поддержке братского советского народа привела трудящихся Болгарии к победоносной социалистической революции.

Всю свою энергию и опыт Ц. Драгойчева отдает делу укрепления и развития народно-демократической власти.

В Советском Союзе знают и любят Ц. Драгойчеву как верного друга нашей Родины, председателя Народного комитета болгаро-советской дружбы.

Н. Яковлев

CESTMIR AMORT, Přatelé Sovětského Svazu, Praha, 1972, 112 s.

ЧЕСТМИР АМОРТ. Друзья Советского Союза

В рецензируемой книге чешского историка — члена Пражского комитета Союза чехословацко-советской дружбы Честмира Аморта — впервые на основе обширного документального материала воссоздана пятидесятилетняя история движения друзей Советского Союза в Чехословакии. В самом начале книги читатель знакомится с деятельностью первой организации этого движения — «Клубом друзей Советской России», созданном в декабре 1919 г., в работе которого принимали участие представители марксистской левицы чешской социал-демократии: Ст. К. Нейман, Й. Гора, передовое пражское учительство. Впервые для освещения деятельности этой организации привлечены чехословацкие и советские архивы.

В работе Ч. Аморта содержится всесторонний анализ основных этапов многогранной деятельности «Общества экономического и культурного сближения с Новой Россией», основанного передовой чехословацкой общественностью в середине 20-х годов под руководством Эд. Нееды, и «Союза друзей СССР», начавшего работу после исторического V съезда КПЧ. Уже во второй половине 30-х годов «Союз друзей СССР» стал массовой организацией, имевшей коллек-

тивных членов на многих заводах Чехословакии.

В книге Ч. Аморта убедительно показано, что благодаря неутомимой деятельности этих организаций, их печатных органов, в результате поездок делегаций «Общества» и «Союза» в СССР в 30-е годы передовым кругам в Чехословакии несмотря на полицейские репрессии и многочисленные цензурные рогатки удалось познакомиться с важнейшими достижениями первой страны социализма. В ней рассказывается о той большой роли, которую сыграло движение друзей Советского Союза в Чехословакии в праздновании 10, 15 и 20-й годовщин Великой Октябрьской социалистической революции (стр. 11—13, 21—24, 39).

Большое место в книге отведено освещению работы организаций друзей СССР с момента освобождения Чехословакии Советской Армией от гитлеровских захватчиков в 1945 г. и особенно после победы социалистической революции в феврале 1948 г. (стр. 48—60).

Широко привлекая материал чехословацкой печати, автор показывает, какой массовой размах приобрела деятельность единого Союза чехословацко-советской дружбы в 50-е годы. В это время получили широкое распространение та-

кие формы работы, как организация месячников чехословацко-советской дружбы (их регулярное проведение началось с 1951 г.) и народных кружков по изучению русского языка (с конца 1940-х годов) (стр. 57, 61—65).

Автор подчеркивает, что всю деятельность организации друзей СССР в Чехословакии в 20—30-х годах, и особенно в послевоенное время, проводили в тесной связи с советскими организациями, такими как ВОКС, а с конца 50-х годов — с «Обществом советско-чехословацкой дружбы». Эта связь способствовала широкому взаимному обмену делегациями работников различных областей культуры и науки (стр. 5, 40—41, 68—70, 72, 75).

На многочисленных примерах в книге показано, какое большое внимание уделяло руководство КПЧ движению друзей Советского Союза, раскрыта роль этого движения в общественной жизни Чехословакии (стр. 14—15, 56—58). Так, на учредительном съезде Союза чехословацко-советской дружбы, состоявшемся в феврале 1948 г., Клемент Готвальд подчеркивал, «что перед новым Союзом советско-чехословацкой дружбы... стоит большая задача: он должен охранять советско-чехословацкий союз и мобилизовать на это весь народ, он должен гром-

ко всем заявить, что наши союзнические узы неприкосновенны, что всегда и во всем мы будем идти плечом к плечу с Советским Союзом и никогда иначе»¹.

Из книги мы узнаем и о том, как мужественно боролись активисты Союза в тяжелое время политического кризиса в Чехословакии в 1968—1969 гг. с правыми оппортунистами и контрреволюционными элементами, которые пытались нарушить дружбу народов Чехословакии и СССР.

Большим достоинством рецензируемой книги являются помещенные в приложениях яркие документы из архивов, сборников, выдержки из выступлений Клемента Готвальда, из его письма руководству Союза чехословацко-советской дружбы и другие материалы, характеризующие движение друзей СССР в Чехословакии на разных этапах его развития.

Книга Ч. Аморта, вышедшая в свет к VII съезду Союза советско-чехословацкой дружбы (июнь 1972 г.), принесет большую пользу не только активистам Союза друзей СССР в Чехословакии, но и всем тем, кто серьезно интересуется славной историей и богатыми традициями советско-чехословацкой дружбы.

Ф. А. Молок

¹ К л е м е н т Г о т в а л ь д. Избранные произведения. М., 1957, стр. 198.

«KWARTALNIK HISTORII RUCHU ZAWODOWEGO» *Czasopismo Biura Historycznego CRZZ*. Wydawnictwo Związkowe CRZZ. Warszawa

«КВАРТАЛЬНИК ИСТОРИИ ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ». *Бюллетень Исторического бюро ЦСПП*

Рецензируемое издание — первый и пока единственный в социалистических странах специальный научный журнал, посвященный проблемам профсоюзного движения. Необходимость создания такого журнала остро стала ощущаться со второй половины 50-х годов, когда вследствие общих политических изменений в Польше сложились условия для научного изучения проблем профсоюзного движения. В это время правления ряда крупных профсоюзов начали проявлять интерес к исследованию истории своих организаций, и наряду с пропагандистскими и научно-популярными работами стали появляться первые научные исследования по профсоюзной тематике.

Решением Президиума Центрального совета профсоюзов (ЦСПП) от 25 ноября 1960 г. Историческому бюро ЦСПП было поручено издавать ежеквартальный журнал «Бюллетень Исторического бюро ЦСПП».

В задачи журнала входили публикация научных исследований по истории профсоюзного движения и систематиче-

ская информация о деятельности Исторического бюро ЦСПП и комиссий по истории главных и воеводских правлений профсоюзов. Журнал был призван освещать богатую историю польского профсоюзного движения.

Первые три номера «Бюллетеня» были изданы ротационным способом, а начиная с № 4 за 1962 г. журнал уже печатается типографски. Постепенно определился профиль журнала и круг его читателей — в основном это профсоюзный актив, члены исторических комиссий при профсоюзах. Как показали специальные исследования, среди читателей немало и рабочих, интересующихся проблемами профсоюзного движения, его историей и традициями.

В журнале сотрудничают специалисты, занимающиеся историей профсоюзного и рабочего движения.

В 1967 г. журнал был переименован в «Квартальник истории профсоюзного движения». Тираж «Квартальника» за 11 лет его существования (в 1962—1972 гг. вышло 44 номера) вырос с 2000 до 4250—

4450 экземпляров, а объем — с 9 до 11 печатных листов. На страницах «Квартальника» за 1962—1971 гг. было опубликовано 105 статей по истории профсоюзного движения, в том числе по периоду до 1918 г. — 18, 1918—1939 гг. — 45, после 1945 г. — 38 статей. 17 статей было посвящено проблемам международного профсоюзного движения. Уже этот простой перечень показывает, что по сравнению с другими польскими историческими журналами, занимающимися главным образом проблемами досоциалистического периода истории Польши, в «Квартальнике истории профсоюзного движения» проблемы перехода к социализму и вопросы социалистического строительства и роли в них профсоюзов занимают одно из центральных мест.

Большинство статей посвящено роли профсоюзов в установлении народной власти в Польше после ее освобождения от гнета гитлеровских оккупантов. Статьи по этой тематике появились уже в первых номерах журнала. М. Алексеевич писал о роли Польской рабочей партии в формировании единого фронта в профсоюзах в Жешовском воеводстве в первые годы после освобождения (1962, № 3); У. Бартц, С. Граек, Вл. Рогала — об участии великопольских профсоюзов в укреплении народной власти в 1945—1948 гг. (1962, № 2).

Если первые работы были основаны на весьма узкой историко-ведческой базе и носили скорее информационный характер, то в дальнейшем историко-ведческая база и научно-теоретический уровень статей о профсоюзах в народной Польше значительно выросли. Об этом свидетельствуют, например, статья В. Гуры об участии профсоюзов в разделе помещичьих земель в 1944—1945 гг. (1964, № 2); З. Кратко — о главных направлениях развития профсоюзного движения в народной Польше (1964, № 2); В. Поспешинского — об участии профсоюзов в социалистическом строительстве в Польше (1970, № 3) и др.

Большое внимание в журнале уделяется вопросам истории профсоюзного движения в буржуазной Польше в межвоенный период. Опубликованы работы — Л. Хасса о профсоюзных организациях в 1919—1939 гг. (1968, № 3); М. Корнилюк о генезисе и важнейших моментах в деятельности Центральной комиссии профсоюзов (1970, № 3). В большинстве статей рассматриваются вопросы стачечного движения как промышленных, так и сельскохозяйственных рабочих в Польше, деятельность отдельных профсоюзов, положение безработных, проблемы трудового и социального законодательства.

Проблематика профсоюзного и рабочего движения в польских землях в конце XIX — начале XX вв. (до 1918 г.) пока не занимает большого места в «Квар-

тальнике». Здесь можно отметить статьи: Б. Радляка — о развитии профсоюзного движения в Королевстве Польском в 1914—1917 гг. и участия в нем СДКПиЛ (1964, № 4); К. Мужинского — о возникновении и деятельности Профсоюзного объединения в 1906—1914 гг. (1966, № 1 и 1967, № 1); Я. Канцевича — об экономических забастовках в 1893—1895 гг. (1964, № 1). Во всех этих работах рассматриваются вопросы профдвижения в землях, принадлежавших в то время царской России. Лишь одна статья (Б. Шерер) посвящена истории профсоюзного движения в землях, находившихся под властью Германии (1971, № 2).

История профсоюзного движения в Польше на страницах рецензируемого журнала рассматривается, как правило, в связи с развитием международного профсоюзного движения. Интересны хорошо документированные статьи А. Коханьского о деятельности Международного совета профсоюзов в 1920—1921 гг. (1970, № 4) и о I конгрессе Красного интернационала профсоюзов в 1921 г. (1971, № 2). Три статьи были посвящены Всемирной федерации профсоюзов: М. Будзинского — ВФП — союзник угнетенных народов в борьбе с империализмом (1965, № 3); З. Кратко о борьбе ВФП за единство международного профсоюзного движения (1965, № 3); Р. Поспешинского о XXV годовщине возникновения ВФП (1970, № 4).

«Квартальник» предоставляет свои страницы для выступлений историков профсоюзного движения других социалистических стран. Советский ученый З. В. Степанов опубликовал статью о профсоюзах Петрограда в период подготовки и осуществления Великой Октябрьской социалистической революции (1967, № 3); венгерский историк Е. Кабо рассказал об исследовании истории профсоюзного движения в Венгрии (1966, № 1); историк из ГДР Х. И. Круш подвел итог двадцатилетней работы по исследованию региональной истории и истории предприятий ГДР (1970, № 2).

В журнале публикуются материалы об интернациональных связях польского пролетариата с пролетариатом России и Советского государства. К 50-летию Великого Октября напечатаны статьи: Г. И. Ваньского и В. Мрочковского об участии рабоче-крестьянских делегаций из Польши в праздновании годовщины Октябрьской революции в СССР в период межвоенного двадцатилетия (1967, № 3); В. Найдус — о деятельности польских профсоюзных организаций в России в 1917—1918 гг. (1967, № 3); Л. Дубацкого — об участии польских железнодорожников в Октябрьской революции в России (1967, № 3).

100-летию со дня рождения В. И. Ленина был посвящен специальный номер журнала (1970, № 1). В статье М. Кор-

нилок рассматривается вопрос о ленинском понимании роли профсоюзного движения в условиях капиталистического строя. Л. Кецинский показал влияние ленинских идей о единстве профсоюзного движения на Коммунистическую партию Польши. Я. Канцевич осветил некоторые аспекты ленинской политики в вопросе о взаимоотношениях между партией, государством, профсоюзами и массами в Советском государстве в 1917—1922 гг.

«Квартальник» систематически публикует воспоминания деятелей профсоюзного движения, участвовавших в нем как в межвоенный период, так и в годы народной Польши, которые удачно дополняют исследовательские статьи и материалы. Особенно большой интерес представляют воспоминания о деятельности профсоюзов в первые годы народной власти в Польше. Например, в связи с 30-й годовщиной образования Польской рабочей партии были опубликованы воспоминания Я. Рустецкого о роли ППР в создании профсоюзов Варшавы в 1942—1945 гг. (1972, № 1) и Ю. Щенсяка о борьбе пелезровцев Домбровского бассейна и Верхней Силезии за единый рабочий фронт в 1945—1946 гг. (1972, № 1).

На страницах «Квартальника» периодически публикуются документы по истории профсоюзного движения в буржуазной и народной Польше, в том числе об объединении классового профдвижения в 1917—1970 гг., об отношении профсоюзов Польши к международному профсоюзному движению в 1944—1962 гг. и др. В течение 10 лет, с 1963 по 1972 г., два раза в год в журнале публиковалась составляемая нынешним главным редактором «Квартальника» Л. Кецинским «Хроника важнейших событий из истории профсоюзного и стачечного движения», в которой освещались события от середины XIX в. до 1939 г. Члены комиссий по истории профсоюзов, профсоюзные ак-

тивисты получили интересный, систематизированный материал.

В 1969 г. в «Квартальнике» был создан новый отдел — истории предприятий, два раза в год печатающий хроники и исследования по истории фабрик и заводов, а также отдельных профсоюзов. Опубликованы хроники металлургического завода «Забже» (1945—1967), вагоностроительного завода «Свидница» (1945—1967) и др.

В журнале широко представлены рецензии на книги по истории польского и международного рабочего и профсоюзного движения, в том числе и советских авторов (9 рецензий). В разделе «Библиография» помещается информация о вышедших из печати работах по профсоюзной тематике.

Журнал систематически информирует своих читателей о деятельности комиссий по истории профсоюзов, организует обмен опытом и методами работы.

В ближайшие годы, как сообщил в докладе «10 лет „Квартальника истории профсоюзного движения“» Л. Кецинский (1972, № 1), журнал намечает значительно расширить тематику публикуемых статей и материалов. В планах редакции — работы о роли Польской объединенной рабочей партии в профдвижении, об участии профсоюзов в социалистическом строительстве Польши, исследования по истории Профинтерна, Амстердамского интернационала профсоюзов, Всемирной федерации профсоюзов, намечена публикация «Хроники важнейших событий из жизни международного профсоюзного движения».

Многоплановая научная и организаторская деятельность «Квартальника» способствует разработке и популяризации истории польского и международного профсоюзного движения, боевых и интернационалистских традиций польского рабочего класса.

С. Стецкевич

НОВАЯ КНИГА О РУССКО-ПОЛЬСКИХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СВЯЗЯХ В XIX ВЕКЕ

На очередной сессии Советско-польской комиссии историков, состоявшейся в Познани в ноябре 1970 г. обсуждалась тема «Русско-польские революционные связи в XIX в.»¹. Недавно опубликован сборник материалов этой сессии². Исследователи русского и польского обще-

ственного движения найдут в нем новые ценные сведения, почерпнутые из советских и польских архивов, любопытные наблюдения, интересные выводы и обобщения.

Книга фактически является стенограммой сессии (с добавлением двух статей). В таком построении материала есть свои достоинства; читатель вводится в атмосферу обмена мнениями на познаньской встрече советских и польских историков, знакомится с высказываниями участников о заслушанных докладах.

В докладе И. С. Миллера «Советские работы о польско-русских революционных связях XIX в. Состояние исследова-

¹ См. «Советское славяноведение», 1971, № 3, стр. 123—124.

² «Związki rewolucjonistów polskich i rosyjskich w XIX wieku. Materiały sesji naukowej. Poznań, 12—14 listopada 1970». Przygotowała do druku W. Śliwowska. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1972, 266 s.

ний, задачи, перспективы» справедливо указано на неравномерность в изучении проблематики связей. В то время как период первой революционной ситуации в России и восстания 1863 г. исследовался весьма обстоятельно и всесторонне, ничего нового за последнее десятилетие не появилось в печати на тему русско-польских связей в эпоху декабристов. В докладе отмечено также, что необходимо всестороннее изучение русско-польских революционных связей в период народничества и первого этапа рабочего движения.

В докладе Г. Дылёнговой «Патриотическое общество и декабристы» рассмотрены переговоры о союзе между польскими конспираторами и русскими дворянскими революционерами. Фактический ход событий автор излагает с привлечением новых материалов из рукописных собраний Библиотеки ПАН в Кракове. Причины неуспеха переговоров исследовательница видит в обоюдном недоверии сторон, отсутствии единства взглядов на будущую государственную границу между Россией и Польшей, а также в существовавших значительных разногласиях во взглядах радикальных декабристов и консервативных членов Патриотического общества по социально-политическим проблемам, в особенности по крестьянскому вопросу.

Два доклада сборника касаются проблематики связей в период так называемой «конарцизмы». В работе Б. Лопушаньского «Заговор Шимона Конарского и российское революционное движение» показано отношение польского карбонария к русско-польскому революционному союзу, его конспиративная деятельность на Украине, в Литве и Белорусии, роль в создании тайной организации «Содружество польского народа». Не вызывает возражения тезис польского историка о том, что деятельность Ш. Конарского была первым реальным шагом на пути сотрудничества революционных сил Польши и России. Неубедительно, однако, звучит предположение Б. Лопушаньского о том, что «значительная часть» статей о русско-польском союзе, опубликованных на страницах журнала «Пулноц», принадлежит перу Ш. Конарского. Изучение журнала с целью установления авторов публицистических материалов остается важной источниковедческой задачей. Основные положения опубликованной в сборнике статьи Г. И. Марахова «Шимон Конарский и „Содружество польского народа“» уже известны³. Новая работа за-

интересует читателя обзором литературы на русском и польском языках, а также некоторыми свежими архивными данными.

В. А. Дьяков («Идея межнационального сотрудничества в программах польских, русских и украинских революционеров 1840-х годов»)⁴ сопоставил взгляды участников организации П. Сцегенного, общества М. В. Петрашевского и Кирилло-Мефодиевского общества и пришел к выводу, что идея сотрудничества прогрессивных сил польского, русского и украинского народов являлась важным элементом их идеологии, что эта идея воплощалась в мечту об объединении славян в демократической федерации или свободной республике.

Чрезвычайно содержателен доклад С. Кеневича «Польско-русский революционный союз в период Январского восстания»⁵, в котором подведены итоги сделанному в этой области в последние полтора десятка лет, а также высказано мнение относительно того, что еще предстоит сделать. Как считает польский историк, важнейшим достижением совместных комплексных исследований в СССР и Польше является то, что польско-русский революционный союз трактуется ныне «как существенная составная часть революционной ситуации в России и одновременно как одна из ключевых проблем Январского восстания» (стр. 111). С. Кеневич считает, что еще требуют дальнейших размышлений причины недостаточной эффективности русско-польского революционного союза.

Проблематике русско-польских связей 60-х годов посвятила свое сообщение О. П. Морозова. В ее работе предпринята первая в историографии попытка, — на мой взгляд, удачная, — представить Бронислава Шварце не только как мемуариста, но и как историка восстания 1863 г., создавшего собственную оригинальную концепцию переломных для польской истории событий, в которых он принимал личное участие, концепцию, которая сохраняет значение и по сию пору⁶.

Широкий круг источников проанализирован в докладе В. Сливовской «Первые русские политические эмигранты и их

ши XIX — начала XX вв.». М., 1968, стр. 166—193.

⁴ Доклад В. А. Дьякова опубликован также в журнале «Советское славяноведение», 1971, № 5, стр. 46—57.

⁵ Опубликован на русском языке в журнале «Советское славяноведение», 1971, № 3, стр. 55—64.

⁶ Подробную разработку темы см. О. П. Морозова. Бронислав Шварце как историк восстания 1863—1864 гг. В кн. «Исследования по истории польского общественного движения XIX — начала XX вв.». М., 1971, стр. 46—86.

³ Г. И. Марахов. Деятельность «Содружества польского народа» на Правобережной Украине в 1835—1839 гг. (По материалам киевского архива). В кн. «Связи революционеров России и Поль-

отношение к польскому вопросу». Здесь и давным-давно ставшие библиографической редкостью публицистические сочинения, многие из которых отсутствуют в библиотеках нашей страны, и эмигрантская периодическая печать, и малоизученные архивные документы. Для советского читателя эта работа представляет тем больший интерес, что в нашей историографии указанная тема изучается недостаточно.

А. А. Тила в своем выступлении «Связи Николаюса Акелайтиса с польскими культурными и политическими деятелями» ввел в научный оборот недавно обнаруженные в рукописном отделе Ягеллонской библиотеки письма М. Акелайтиса к Ю. И. Крашевскому, указал на сохранившуюся в советских архивах корреспонденцию литовского просветителя.

Е. Борейша («О польско-русских отношениях в эмиграции после 1863 г.») обосновывает тезис о том, что контакты между польскими и русскими революционно-демократическими кругами вплоть до возникновения группы «Рувность» и «Народной воли» носили исключительно персональный, а не организационный характер. Он оспаривает точку зрения Т. Г. Снытко, который считал, что в период 1865—1872 гг. между левыми течениями русской и польской эмиграции установились близкие отношения в связи⁷. По мнению польского историка, в атмосфере всеобщего разочарования, вызванного поражением Январского восстания, ни одна из польских эмигрантских организаций не видела возможности для сотрудничества с русскими (стр. 181). Довольно много места Е. Борейша уделяет рассмотрению взглядов А. И. Герцена, Н. П. Огарева, М. А. Бакунина и П. Л. Лаврова на польский вопрос в то время. Пожалуй, доклад стал бы еще содержательней, используя автор новые работы советских историков о связях П. Л. Лаврова с польским социалистическим движением⁸.

Историю возникновения почти теперь забытого проекта польского поселения на островах Океании, составленного Пет-

ром Верещинским, а также отношение различных слоев послевоенстанческой интеллигенции к проекту, осветила Т. Ф. Федосова в докладе «П. Верещинский и проект создания Новой Польши в Океании».

Сопоставительный анализ воззрений русских и польских революционных кругов — едва ли не самая актуальная задача при изучении русско-польских революционных связей в эпоху перехода от разночинского этапа общественного движения в России и Польше к пролетарскому этапу. Вот почему заслуживает признания доклад М. Ваврыковой «Первые польские социалисты и русские народники». В нем показаны взгляды И. Лелевеля и А. И. Герцена на гмину (общину) и собственность, подробно говорится о влиянии бакунинского анархизма и федерализма на польские конспиративные организации (особенно в эмиграции), анализируются высказывания П. Л. Лаврова и П. А. Ткачева о национальном вопросе вообще и о стремлениях поляков к национальной независимости в частности.

С. М. Самбук, выступившая с сообщением на тему «К вопросу о революционных связях Белоруссии и Польши (70—80-е годы XIX в.)», полагает, что плодотворно решать указанную проблему можно при условии дальнейшего изучения, во-первых, структуры конспиративного движения на территории Белоруссии, контактов белорусских, польских и русских кружков, их взаимосвязи и сотрудничества, и, во-вторых, влияния передовой общественно-политической мысли Польши и России на идеологию участников освободительного движения в Белоруссии. Это совершенно верно. Рассматривая программные документы белорусских революционных групп начала 80-х годов, С. М. Самбук формулирует вывод, что «Программу рабочих, членов партии „Народной воли“ в Северо-Западном крае» (1884 г.) следует считать «первой марксистской программой» в Белоруссии (стр. 240). Основание для такого заключения С. М. Самбук видит в том, что «Программа рабочих...» почти целиком повторяла известное программное заявление польской социально-революционной партии «Пролетариат» (1882 г.). Мне такая трактовка «Программы рабочих...» представляется дискуссионной. Дело в том, что программа «Пролетариата» не была последовательно марксистским документом, она включала только отдельные элементы научного социализма. Кроме того, «Программа рабочих...» содержала, как это установлено С. С. Волком, ряд чисто народолюбческих постулатов⁹. Более осторожен в высказыва-

⁷ Т. Г. Снытко. Русское народничество и польское общественное движение 1865—1881 гг. М., 1969, стр. 78.

⁸ Е. К. Жигунов, Е. Б. Рашковский. Из истории русско-польских революционных связей 1878—1880 гг. (П. Л. Лавров и польские социалисты). В кн. «Общественное движение в пореформенной России. К 80-летию со дня рождения Б. П. Козьмина». М., 1965, стр. 275—299; Е. К. Жигунов, П. Л. Лавров и его связи с польским революционным движением 70—90-х годов XIX в. В кн. «Исследования по истории польского общественного движения...», стр. 331—361.

⁹ С. С. Волк. «Народная воля». 1879—1882. М.—Л., 1966, стр. 421—422.

ниях В. А. Маркис («Народники и „Пролетариат“ в Литве в 80-е годы XIX в.»), который много внимания уделяет рассмотрению той же «Программы рабочих...», но, думается, и он несколько недооценивает влияния народольчества на программные искания революционеров в Литве и Белоруссии.

A. STAURIDU-ZAPHRACA. He synantese Symeon kai Nikolau Mystiku (augustos 913) ata plaisia tu byzantinobulgariku antagonismu. «Byzantina keimena kai meletai», 3. Thessalonike, 1972, 130 s.

А. СТАВРИДУ-ЗАФРАКА. Встреча Симеона и Николая Мистика (август 913 г.) в свете византино-болгарских противоречий

По сообщению византийской хроники, болгарский царь Симеон во время своего похода на Константинополь в августе 913 г. встретился с патриархом Николаем Мистиком, который, сотворив молитву, возложил на голову Симеона, «как говорят, вместо венца, собственный эфиритарий». Краткое сообщение хрониста имеет огромное значение для понимания политического веса Болгарской державы в начале X в. К сожалению, оно недостаточно ясно и допускает различные толкования. Греческая византистка А. Ставриду-Зафрака посвятила анализу этого краткого свидетельства целую книгу.

Рецензируемая книга состоит из трех неравных и неравнозначных частей. Первая — описание внутреннего и внешнеполитического положения Византии на рубеже IX и X в. и ее отношений с Болгарией (стр. 27—48) — не носит исследовательского характера. Во второй части (стр. 49—57) Ставриду-Зафрака рассматривает преимущественно вопрос о времени начала болгаро-византийской войны. Третья и основная часть (стр. 59—118) посвящена коронации Симеона. Книга завершается удачно составленными указателями. Рассмотрим основные положения, выдвинутые греческой исследовательницей.

Ставриду-Зафрака выступает прежде всего против моей гипотезы о том, что болгаро-византийская война началась еще при Александре, умершем 6 июня 913 г. Основанием для такой гипотезы послужили три письма Николая Мистика, в которых шла речь о чрезвычайном налоге, взимавшемся с церковью. Этот налог я отождествил с побором, осуществившимся, согласно «Житию Евфимия», при Александре, и датировал письма не 921 г., как В. Грюмель, а 913 г.¹ А так как в одном из писем Николая говорилось

Сборник материалов познаньской сессии следует признать удачным, он, несомненно, займет достойное место в историографии проблематики русско-польских революционных связей.

А. М. Орехов

о «случившемся восстании варваров и болгар», я предположил, что «восстание болгар» (т. е. враждебные действия Симеона против Византии), послужившее причиной поборов с церкви (по Николаю), началось при жизни Александра.

Возражая против этой гипотезы, исследовательница приводит два основных аргумента. Первый из них, использованный уже В. Грюмелем, состоит в том, что одно из писем Николая, «вероятно», содержит намек на так называемый Собор единения в июле 920 г. (стр. 59), однако под «порядком», установившимся в церкви, патриарх вполне мог разумеать прекращение борьбы его сторонников с «партией» Евфимия после возвращения Николаю патриаршего престола в 912 г.

Второй аргумент более интересен. Исследовательница привлекает письмо, опубликованное Ж. Даррузесом уже после выхода моей статьи и атрибуированное им Николаю Мистика². В этом письме идет речь об обложении церквей в связи с враждебными действиями Симеона. Чем грабить бога и его храмы, заявляет Николай, лучше продать пурпур «боговенчанного царя моего и сына» (т. е. Константина VII). Ставриду-Зафрака по упоминанию в письме союзных печенегов и венгров датирует его 922 г. (стр. 54). Датировка эта не кажется мне бесспорной. Что касается союзников, то сама исследовательница упоминает о привлечении печенегов регентшей Зоей уже в 914 г. (стр. 61). И так как *despoïna*, упомянутая в конце изданного Ж. Даррузесом письма, вероятнее все-

византийские хроники X в.», М., 1959, стр. 129—131. Ставриду-Зафрака не использует работы И. Дуйчева, отнесшего послания Николая к 919 г. (И. Дуйчев в. Из писем на патриарха Николая Мистика. «Сборник в память на П. Никол». София, 1940, стр. 213—216).

² J. Darrouzès. *Epistoliers byzantins du Xe siècle*. Paris, 1960, p. 138 sq.

¹ См. А. П. Каждан. К вопросу о начале второй болгаро-византийской войны при Симеоне. «Славянский архив». М., 1959, стр. 23—29. Ср. также «Две

го — Зоя (титул *despoina* обычно прилагался к императрице), послание было направлено скорее в 914 г., чем в 922 г. Нужно обратить внимание и на то, что автор послания говорит об одном царе, а начиная с 921 г. их было больше, так как Роман I Лакапин (а затем и его сыновья) был провозглашен соправителем³. Иными словами, первые три письма появились до смерти Александра (одно из них, кстати, упоминает василевсов во множественном числе: до 6 июня 913 г. это были Александр и малолетний Константин VII); четвертое написано позднее, во время регентства Зои — видимо, в конце 914 г. Весь контекст писем Николая отвечает началу болгаро-византийского конфликта, и, в частности, патриарх еще ничего не знает о претензиях Симеона на императорский титул, о чем он не раз писал позднее.

Третья часть работы состоит из критического обзора литературы вопроса и анализа источников, куда вкрадливо вступают два экскурса: о термине «эпириптарий» (стр. 81—84) и о правовой природе патриаршей коронации (стр. 99—106). По мысли Ставриду-Зафрака, акция Николая не означала ни признания Симеона духовным сыном, как считал Ф. Дэльгер (стр. 75 и сл., 86—88), ни коронации его кесарской короной, как думал В. Златарский (стр. 68 и сл., 88—92), ни тем более признания его царем болгар, что допускал Г. А. Остро-

³ Автор безоговорочно относит коронацию Романа I к декабрю 920 г. (стр. 52), но Р. Дженкинс датировал ее более поздним временем (R. Jenkins. *The Date of the Slav Revolt in Peloponnese under Romanus I. «Late Classical and Mediaeval Studies in Honor of A. M. Friend»*. Princeton, 1955, p. 205).

горский (стр. 69—72, 92—94), ни, наконец, обмана Симеона со стороны патриарха, как предположил Р. Дженкинс (стр. 73—75, 95—98). Патриаршая коронация в Византии вообще не имела конституционного значения. Все, что совершил Николай, — это лишь благословение болгарского правителя.

То, что Ставриду-Зафрака еще раз привлекла внимание к спорной проблеме и указала на слабые стороны в аргументации своих предшественников, интересно и важно. Только, на мой взгляд, ей не удалось окончательно решить сложную проблему. В самом деле, хронист прямо пишет о том, что коронация имела место, только патриарх, «как говорят», возложил на голову Симеона вместо венца свой эпириптарий — монашеский клобук. «Вместо венца» — не случайная оговорка; она показывает, что церемония мыслилась как венчание. Но на самом деле был или не был возложен венец? В Византии говорили, что вместо венца Николай использовал свой клобук — но может быть, это простые слухи? Повторю еще раз, что в акции Николая много остается неясным, но, она, по всей видимости, не ограничилась молитвой.

Что же касается «неконституционности» патриаршей коронации, то это особый и сложный вопрос. В Византии вообще не было ни строгого порядка наследования, ни четкого ритуала коронации. Обувание пурпурных сапог, поднятие на щит, аккламации на ипподроме, — все это могло быть достаточным, чтобы превратить претендента в императора. Патриаршая коронация стояла в ряду этих необязательных, но эффективных обрядов. Напомним, например, что провозглашение Исаака Ангела начинается именно с патриаршей коронации в св. Софии.

А. Каждый

НОВЫЙ ЖУРНАЛ БОЛГАРСКИХ ИСТОРИКОВ

В Софии вышел в свет первый номер журнала «Bulgarian Historical Review» — органа Единого центра науки и подготовки кадров по истории при БАН.

Страницы нового журнала будут предоставлены болгарским историкам для публикации научных исследований по проблемам болгарской и всеобщей истории.

Основное внимание редколлегия журнала предполагает уделить проблемам отечественной истории. В журнале будут освещаться проблемы экономической и политической истории и истории культуры болгарского народа периода древности, средневековья, нового и новейшего времени: возникновение болгарского государства, специфические черты болгарского феодализма, сущность и характер национально-освободительного

движения болгарского народа против османского владычества, развитие и специфика болгарского капитализма, социалистическое и рабочее движение в Болгарии, социалистическая революция и строительство социалистического общества в Болгарии.

Журнал будет освещать также основные проблемы фракологии, византологии, балканистики и османистики.

В «Bulgarian Historical Review» намечается печатать различные материалы, в которых будут исследоваться экономические, политические и культурные взаимоотношения болгарского народа с другими народами, вклад болгарского народа в мировую культуру.

Кроме всего перечисленного, читатели смогут найти на страницах «Bulgarian Historical Review» разнообразные ис-

ториографические, информационные и библиографические материалы и обзоры. Исследования публикуются на русском, английском, французском и немецком языках, что несомненно увеличит круг читателей журнала.

Журналом руководит авторитетный коллектив редакционной коллегии.

Уже первый номер «Bulgarian Historical Review» свидетельствует о серьезности и глубине исследований, публикуемых в нем. Он открывается статьей «Вклад Г. Димитрова в развитие марксистско-ленинской теории социалистической революции», в которой ее автор В. Хаджиниколов останавливается на роли Г. Димитрова как; марксиста-ленинца в развитии теоретических, стратегических и тактических установок международного рабочего движения на новом историческом этапе.

Как явствует из статьи, именно из правильного научно обоснованного анализа фашизма, сделанного и наиболее полно представленного в той оценке, которую ему дал Г. Димитров на VII конгрессе Коминтерна, и происходит то качественно новое, что он внес в марксистско-ленинскую теорию социалистической революции. Определяя фашизм как главного врага пролетариата и разрабатывая принципы Народного фронта, Г. Димитров связывал осуществление социалистической революции с проведением демократических антифашистских преобразований правительствами народных фронтов. Автор статьи отмечает, что именно Г. Димитрову принадлежит заслуга в обосновании новой формы диктатуры пролетариата — народно-демократической власти.

Проблеме начального периода становления экономической системы и социальной структуры общества в условиях развития социализма в Болгарии посвящена статья М. Исусова «Изменения в социально-экономической структуре Болгарии после второй мировой войны (1944—1948 гг.)». Автор статьи подчеркивает, что изменения, которые произошли в социально-экономической структуре болгарского общества в рассматриваемый период, стали возможными в результате ликвидации капиталистической собственности в ее различных формах, что, в свою очередь, явилось следствием радикальных изменений в характере и сущности государственной власти. В статье рассматриваются основные пути, которые привели к изменению болгарского общества уже в первые годы после 9 сентября 1944 г.: экономическая и политическая консолидация рабочего класса позволила государственной власти предпринять такие важные шаги, как экспроприация капиталистической собственности. Особое внимание государство должно было уделять проблемам, связанным с мелкой буржуазией города и

деревни, составлявшей значительную часть болгарского общества. В статье отмечается, что непосредственно после 9 сентября 1944 г. начинается постепенное формирование социальной группы кооперативных крестьян, чему в решающей степени способствовала политика государства: расширение материально-технической базы кооперативов, увеличение их производственных фондов, льготы в налогообложении и пр. Анализ социально-экономических преобразований в Болгарии позволил автору статьи сделать вывод, что развитие революционного процесса в области экономических и социальных отношений укрепило общественные позиции непосредственных производителей и ослабило общественные позиции буржуазии.

Непреренно вызовет интерес у читателя статья Хр. Христова «Афон и подвиг Паисия Хилендарского», где автор задался целью выяснить те обстоятельства, которые сформировали личность Паисия Хилендарского, явились причиной написания им в монастыре знаменитой «Истории славяноболгарской». В результате медленного, постепенного установления связей, которые в XVIII в. приобрели прочный и двусторонний характер между афонскими монастырями и Болгарией, подчеркивается в статье, в монастырские стены был привнесен дух времени, а «мирская суета», от которой отгораживались монахи, завладела умами представителей монашеского братства, подобных Паисию Хилендарскому, ставшему выразителем патристических чувств болгарского народа.

Выяснению проблем, связанных с процессом складывания болгарской народности, посвящена статья Д. Ангелова «Формирование и развитие болгарской народности (IX—XII вв.)». Проанализировав в начале статьи основные характерные черты, присущие народности вообще, автор переходит к выяснению данной проблемы в отношении болгарской народности, отмечая, что в ее формировании участвовали три этнических компонента — местное балканское население (в основном, фракийцы), славяне и протоболгары. Так как к моменту прихода протоболгар на Балканы фракийский элемент был уже ассимилирован славянским и славянское население преобладало, то процесс складывания народности со второй половины VII в., как вытекает из статьи, определяли взаимоотношения славян и протоболгар. Отмечая сложность и длительность этого процесса, автор статьи выделяет в нем два аспекта: преодоление племенного разделения, существовавшего среди славян, и постепенное слияние славянской и протоболгарской этнических групп в одну. В результате воздействия на этот процесс совокупности целого ряда факторов (экономическая и культурная близость

славянских племен, создание славяноболгарского государства, феодализация общества, принятие христианства, возникновение славянской письменности, численное превосходство славян и др.) в рассматриваемом регионе к концу IX — началу X вв. создается народность, которая по языку и по своей материальной и духовной культуре являлась славянской, каковой она и рассматривалась как в Болгарии, так и в Западной Европе, Византии и т. д., несмотря на то, что народность получила имя другого, ассимилированного элемента. Это, как отмечается в статье, объясняется тем обстоятельством, что именем болгар с са-

мого своего возникновения называлось славяно-болгарское государство. Этническим болгары охватывал все его население.

Научные сообщения в первый номер «Bulgarian Historical Review» представили Хр. Коларов и И. А. Божилов. Читатель сможет также познакомиться с обзором недавно вышедших в свет исследований болгарских и советских историков по различным проблемам болгарской истории. Специальное место в журнале отведено хронике научной жизни.

В. Кадацкий

ИЗДАНО В ПОЛЬШЕ

В 1972 г. в Варшаве вышла книга Г. Д. Вервеса из истории польско-украинских литературных отношений XIX и XX вв. «Там, где Иквы волны серебрятся»¹. Нельзя не одобрить удачный выбор польских славистов, который пал на крупнейшего из советских специалистов в области украинско-польских литературных взаимосвязей, выпустившего не один труд по данной проблематике. Но было бы неверно видеть в указанном издании только дань уважения со стороны наших зарубежных коллег. Перевод книги Вервеса, специально подготовленной для польских читателей, имеет целью прежде всего обратить внимание на тот вклад, какой — по наблюдениям самих украинцев — внесла польская литература в развитие другой братской, славянской литературы, и тем побудить славистов Польши к встречным исследованиям. Цель — в высшей степени благородная, и отрядно отметить, что книга Вервеса, уже вызвавшая положительный отклик в Польше, отвечает основным условиям этой актуальнейшей задачи. В какой-то мере новый труд Вервеса может считаться обобщением его прежних исследований, но дополненных свежими данными и популярно изложенных в расчете не только на литературоведов, а и на более широкий круг читателей. В силу специфики изучения контактов между писателями, возникающих не только на почве литературных интересов, монография Вервеса нередко превращается в исследование общекультурных украинско-польско-русских взаимоотношений. Освещение же самих литературных связей носит выборочный (очерковый) характер, так что при рассмотре-

нии каждого из трех выделенных периодов оно концентрируется на деятельности писателя, который играл ведущую роль в истории литературного общения: для первого периода ведущее значение имел Т. Шевченко, для второго — И. Франко, для третьего, советского — несколько литераторов во главе с М. Рыльским. Результатом этого исследования Вервеса являются два вывода, имеющие первостепенное значение по данному вопросу. Первый из них сводится к тому, что польское влияние наиболее плодотворно и сильно сказывалось в период формирования новой, национальной украинской литературы, нашедшей свое завершение в великих творениях Шевченко. Второй вывод гласит, что литературные взаимоотношения между Польшей и Украиной как во времена Речи Посполитой, так и в период царской империи складывались далеко не в тесном соответствии с политической господствующими классами, что часто обмен литературными достижениями осуществлялся вопреки разжигаемой национальной розни, способствуя поддержанию культурного общения между народами. Вывод — любопытный и безусловно важный, хотя и нуждающийся в дальнейших подтверждениях.

Книга Вервеса снабжена предисловием Мариана Якубца, который дает чрезвычайно лестную оценку трудам советского ученого. Нам поэтому остается только рекомендовать читателям это превосходное предисловие известного польского слависта и перейти к недостаткам рецензируемой работы.

Не всегда убедительными представляются теоретические обоснования. Так, например, в главе «Шевченко и польский романтизм» автор признается, что мы не знаем, читал ли Кобзарь А. Мальчевского. Тем не менее, приняв в расчет «меланхолическую тоску по прошлому» и другие сходные настроения этого зачинателя «украинской школы», Вервес

¹ H. W e r w e s. Tam, gdzie Ikwy srebrne fale płyną. Z dziejów stosunków literackich polsko-ukraińskich w XIX i XX wieku. Przekład M. Jurkowskiego. Warszawa, 1972, 322 s.

заключает, что они «не могли, пожалуй, заинтересовать Шевченко» (стр. 110). Почему, остается, однако, непонятным: в книге приведено немало фактов того, с каким живым интересом относились великие писатели к меньшим, революционные к реакционным, и наоборот. Теория, которая подсказала такое допущение, очевидно, несостоятельна. В другом месте ученый твердо устанавливает, что создатель «Сна» читал III часть «Дядюв» Мицкевича. Но как только дело дошло до сходных сцен, совпадения подробностей и т. д., исследователю — словно боясь перечеркнуть оригинальность Шевченко указанием на его фактическую зависимость от Мицкевича — спешит отделиться от конкретного анализа ссылкой на возможность типологических сходжений (стр. 138), возникающих вследствие отображения той же или аналогичной действительности, т. е. вне сферы литературных контактов. Но зачем же тогда, спрашивается, было с таким трудом разыскивать доказательства знакомства Шевченко с «Дядями», если из этого, кроме общих фраз, ровным счетом ничего не следует? Да и вообще надо сказать, что эта закоренелая боязнь сбиться на ложную стезю старой компаративистской теории заимствования не может служить оправданием отказа от установления различных литературных зависимостей. Чем крупнее и культурнее (начитаннее) писатель, тем шире диапазон его литературных связей. Из этого факта следует, что оригинальность, как и величие писателя, проявляется не в его мнимой независимости от форм, открытых до него другими художниками, большими и малыми, а в сознании своей связи с предшествующими художественными открытиями и в таком их освоении, при котором они становятся как бы его собственным достоянием и благодаря этому позволяют ему подниматься до уровня высших достижений своей эпохи и таким путем становиться в ряды наиболее оригинальных выразителей духовной жизни своего народа и нации. С этой точки зрения так называемое «внешнее сходство» (хотя не одно оно, конечно) имеет существенное значение для науки, и специалистам по литературным связям не следовало бы пренебрегать «такими мелочами», как это все еще делается до сих пор из духа противоречия компаративистской теории заимствования.

Есть в книге и другие погрешности. Так, в поисках ответа на вопрос, почему Франко, решивший принять участие в литературном конкурсе 1887 г. и с этой целью написавший по-польски повесть «Лель и Полель», «отступил» в ней от реализма, Вервес обращается к характеристике польской литературы. По его словам, литература Польши тех лет подвергалась особенно сильному воздействию традиций романтизма и якобы вследствие этого, даже в произведениях Ожешко, Конопницкой и Сенкевича, грешила неправдоподобностью характеров, ситуаций и пр. На самом же деле влияние романтизма на этом этапе развития польской литературы содействовало преодолению ее прежней буржуазно-позитивистской тенденциозности и, следовательно, не отходу от реализма, а, наоборот, его усилению. И вообще нам кажется, что если нужда заставляла Франко ради заработка «считаться» с вкусами польского меценатства той поры, как подчеркивает Вервес (см. стр. 220—221), то уже одного этого вполне достаточно для объяснения его «отступления» от реализма. Зачем же еще винить в этом всю польскую литературу? Далее. Если в свое время в порыве риторического пафоса одна из прогрессивных польских газет имела неосторожность поставить В. Стефанька в один ряд с «великими творцами мировой литературы» (см. стр. 241), то, право же, ссылаться теперь на это высказывание без особой надобности и пояснений, а так между прочим, мимоходом, нам кажется неуместным в серьезной научной работе.

Мы преднамеренно заострили внимание на иных сторонах работы, чем М. Якубец в своем предисловии, и сделали это единственно для того, чтобы поддержать украинского ученого в его благородных усилиях, которые сам он выразил в следующих словах: «И если эта книга повысит интерес к этой проблематике и в Польше и на Украине, если она побудит, особенно молодое поколение историков литературы и культуры, к изучению этого круга вопросов, если она привлечет к себе внимание читателя, интересующегося проблемой содружества наших народов вчера, сегодня и в будущем, — тогда она выполнит свое назначение» (стр. 23).

И. К. Горский

TADEUSZ BUJNICKI. *Władysław Broniewski*. Warszawa, 1972, 210 s.

ТАДУЕШ БУЙНИЦКИЙ. *Владислав Броневский*

О творчестве выдающегося польского поэта Владислава Броневского в Польше написано довольно много статей, содержащих меткие наблюдения над разными

асpekтами его творчества и глубокий анализ отдельных произведений. Но до появления книги Т. Буйницкого не было сделано попытки представить читателю

жизненный и творческий путь поэта в целом (за исключением большой статьи Ф. Лиходзеевской, предваряющей том материалов, связанных с деятельностью Броневского). Книга Т. Буйницкого во многом восполняет этот пробел.

О многих писателях говорят, что он прошел трудный и сложный творческий путь. Это особенно верно по отношению к Броневскому, в поэзии которого нераздельно отразились нелегкая личная судьба и судьба польского народа на протяжении нескольких десятилетий XX в. О жизни Броневского, о становлении личности поэта, о вызревании его мировоззрения и эстетических принципов рассказывают первые главы книги — «Биография поэта» и «Фон поэтического дебюта».

Броневский — один из крупнейших революционных поэтов XX в. Его поэзия — своего рода лирическая эпопея борьбы польского народа за социализм, о чем рассказывается в главе книги «Революционный поэт». Т. Буйницкий убедительно показывает широту эстетической программы Броневского, отбросившего утилитарно-агитационное понимание задач революционной поэзии, отстаивавшего право поэзии на отражение всего богатства окружающего мира, всех гуманистических ценностей, созданных многовековой историей человечества.

«Аспекты социалистического мировоззрения Броневского, — пишет Буйницкий, — были различны: он обращался к традиции и истории, соединял воедино патриотические и интернационалистские убеждения, пользовался классовый интерпретацией и обращался к сфере чисто личных переживаний» (стр. 106).

Книга Т. Буйницкого носит научно-популярный характер, в значительной степени она суммирует то, что было накоплено разными исследователями, и популяризирует творчество Броневского. Популярный характер книги несколько не снижает ее ценности. Такая книга, рассчитанная на широкого читателя, а не только на специалистов, давно была нужна. К тому же популярность изложения удачно сочетается в ней с подлинной научностью. Автор продемонстрировал не только обширную эрудицию, но и незаурядное мастерство литературного анализа. Особенно это относится к наиболее интересным главам книги, посвященным поэтическому искусству Броневского и связям его творчества с польской национальной поэтической традицией. Используя современные инструменты поэтического анализа (например, выявление разных — в зависимости от кон-

текста — функций опорных слов — «ключей» в поэтическом тексте), Буйницкий показывает, что для Броневского поэзия — не автономная область воображения, что для него «поэтический мир должен быть художественным претворением (или транспозицией) мира, в реальности которого художник убежден. Больше того, он считает поэзию одним из инструментов преобразования этого мира» (стр. 138).

Поэтическое слово для Броневского — оружие борьбы, оно должно быть действенным, должно быть обращено к людям. Высокие образцы такой поэзии Броневский видел в наиболее яркой странице польской литературы — в творчестве революционных романтиков XIX в. А. Мицкевича и Ю. Словацкого. Проникнутые пафосом риторические обращения, врывающиеся в лирическое повествование, использование максимально экспрессивной лексики в контрастном сочетании с прозаической, пересмысленные традиционных поэтических образов романтической литературы прошлого — такое органическое включение элементов романтизма в реалистическую ткань стиха является характерной стилистической чертой поэзии Броневского.

В главах книги, посвященных мастерству поэта, содержится немало оригинальных и тонких наблюдений над стилем, над структурой и метафорикой стиха Броневского, веских доказательств неразрывной связи творчества Броневского с национальной поэтической традицией, творчески воспринятой поэтом, новое прочтение некоторых произведений поэта (например, интерпретация стихотворения «Роза»).

Автор, разумеется, не ставил перед собой задачи дать исчерпывающую характеристику идейной и художественной проблематики творчества Броневского. Жаль все же, что в книге не нашли отражения богатые и плодотворные связи поэта с советской культурой. Скуповато говорится в ней о творчестве Броневского в Народной Польше.

Книга Буйницкого во многом является исходным пунктом для последующих исследований творчества Броневского, которым предстоит развить и углубить многие важные положения, сформулированные в ней, а также ответить на вопросы, в данной книге опущенные, — в частности, о месте поэта в польской и европейской поэтической традиции, о жизненности поэтической модели, созданной Броневским, о значении его творчества в наши дни.

В. Хорев

СЕРЬЕЗНЫЙ ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ ЧЕШСКОГО РЕАЛИЗМА

Издание книги о Яне Неруде (1834—1891)¹, крупном чешском поэте, прозаике, критике, публицисте, — большое событие в советской славяноведческой науке. Имя писателя стало известно в России еще при его жизни, когда на русском языке начали появляться первые переводы произведений Я. Неруды. С той поры у нас сложилась традиция своего отношения, своего восприятия творчества чешского писателя. После появления «Репортажа с петлей на шее» Ю. Фучика, который «завещал» «будущему историку литературы любовь к Яну Неруде», интерес к чешскому классику проявился с новой силой. Произведения Я. Неруды знакомы русскому читателю по нескольким изданиям, начиная с неоднократно выходившего сборника «Малостранские рассказы» и кончая его стихами (1938, 1944, 1950, 1953, 1958 и др.). В развитие советской концепции творчества Неруды значительный вклад был сделан именно автором рассматриваемой монографии — А. П. Соловьевой, которая в течение ряда лет занималась изучением творчества чешского писателя. Первым результатом этого изучения стали предисловия к избранным произведениям Неруды (1950, 1958), статьи в изданиях Института славяноведения и балканистики АН СССР, посвященные проблемам становления и развития реализма в чешской литературе.

В книге о Яне Неруде А. П. Соловьева не только суммировала прежние выводы, но и существенно дополнила их новым анализом литературных явлений середины — конца XIX в. Задача автора монографии осложнялась тем, что «до сих пор у литературоведов нет единой позиции в оценке роли и значения нерудовской эстетической концепции в развитии чешского реализма, весьма различные взгляды и на периодизацию истории чешского реализма» (стр. 96). Писать о Я. Неруде, первом значительном чешском реалисте, борце за утверждение реалистического метода в литературе, означало касаться важнейших вопросов чешского реализма вообще, вопросов его типологии и связей с мировой литературой. Ко всему этому А. П. Соловьева оказалась отлично подготовленной. В поле зрения автора — многие явления литературной и политической жизни 60—90-х годов, творчество современников и преемников Неруды. Название книги полностью соответствует ее содержанию.

Весьма существенными представляются рассуждения ученого о реализме «подлинном» и «мнимом», — последний

послужил причиной того, что известная часть чешских критиков и писателей XX в. относилась с предубеждением к реализму вообще. Не уходит А. П. Соловьева и от такого сложного вопроса, как соотношение романтизма и реализма в эпоху Я. Неруды, объясняя живучесть прогрессивно-романтических тенденций в чешской литературе 60—70-х годов устойчивостью социально-экономических условий, при которых «назревание буржуазно-демократической революции» сильно растянулось, — на это указывал еще В. И. Ленин, имея в виду Австрию в целом.

Поставив перед собой задачу «раскрыть индивидуальное своеобразие Неруды — художника, его масштаб, показать тот уровень реализма, которого достигла в его творчестве чешская литература» (стр. 19), автор делает целый ряд тонких наблюдений, касающихся чешского реализма, его эстетики, намечает этапы его становления. А. П. Соловьева приходит к выводу, что именно Неруда «заложил основы эстетической концепции чешского реализма» (стр. 93), выражает свое несогласие с недооценкой роли Неруды в развитии реалистического направления в чешской литературе. Прделанная ею работа позволяет внести коррективы даже в такое авторитетное издание недавнего времени, как многотомная академическая «История чешской литературы», авторы которой не связывают имя Неруды с освоением нового творческого метода. Не оставляя без внимания ни одной страницы обширной нерудианы, А. П. Соловьева трезво оценивает достоинства и просчеты большого количества работ всевозможного объема и жанра, написанных о Неруде, и зачастую, побуждаемая раскрытым ею материалом, вступает в убедительную полемику как по основным, так и по более частным вопросам, предлагая свою трактовку отдельных произведений писателя.

Советский читатель найдет для себя много любопытного и в типологических сопоставлениях творчества Неруды с творчеством русских писателей XIX в., прежде всего с творчеством Н. В. Гоголя, который оказал большое воздействие на становление реалистического метода в Чехии. О влиянии Гоголя на чешскую литературу А. П. Соловьева писала и раньше, но в рамках обстоятельной монографии эти сближения становятся особенно убедительными.

Следует признать удачным композиционное построение книги, отказ от традиционного хронологического принципа в изложении, членение повествования с учетом жанра исследуемого материала (разделы «Поэзия», «Проза»). Органично включенной представляется и общетеоретическая часть, названная «Ян Неруда

¹ А. П. Соловьева. Ян Неруда и утверждение реализма в чешской литературе. М., Изд-во «Наука», 1973, 302 стр.

и концепция развития реализма в чешской литературе». Такое распределение материала дало возможность сосредоточиться на узловых вопросах поэтики, типологии творчества Неруды и его эпохи.

При разборе нерудовской поэзии автор, избегая упрощений, связывает конкретный анализ с проблематикой эпохи, приводит отклики современников, обращается к творчеству ближайшего соратника поэта — В. Галека. Добротню выполнен анализ сборника «Космические песни», интересны рассуждения о трансформации жанра баллады, сопоставление поэтики позднего Неруды с поэтикой чешской народной духовной драмы и многое другое. Следует отметить стремление автора к сопоставлениям Неруды не только с чешскими поэтами того времени, но и с русскими (например, с Кольцовым), немецкими (Гейне) и др.

Третья часть, посвященная прозе Неруды, написана на основе углубленного изучения как чешской, так и советской научной литературы последнего времени, касающейся становления и развития реализма и его отдельных жанров. Плодотворно указание на типологическое сходство русской и чешской прозы, — особенно там, где речь идет о физиологическом очерке и циклах повестей.

Как уже отмечалось, монография, несмотря на присущий ей спокойный деловой тон, полемична в своей основе. Видимо, именно поэтому оказалось несколько принижено значение ряда других чешских писателей второй половины XIX в. Это относится прежде всего к К. Светлой и И. Герману. Поновому во многих отношениях «прочитай» Неруду, автор остается в плену традиционных представлений о таком, например, мастере слова, каким была современница Неруды К. Светлая. А. П. Соловьева справедливо относит ее наряду с Нерудой и Галеком к «ведущим писателям маевского направления» (стр. 209), но считает Светлую и Галека «более традиционными в выборе жизненного материала» (стр. 209). Такое за-

ключение нуждается в доказательствах отсутствующих в книге, а нескольких мимоходом брошенных фраз здесь недостаточно. Не представляется возможным говорить о традиционности, особенно применительно к К. Светлой, которую сам Неруда считал замечательным новатором.

На стр. 282—283 выносятся излишне суровый, на наш взгляд, приговор И. Герману, видному представителю чешского критического реализма конца XIX—начала XX века, который, по словам автора, будто бы «не поднялся до подлинно реалистического изображения действительности». Ссылка на чешского литературоведа А. Гамана в данном случае неубедительна, поскольку А. Гаман в соответствии со своей концепцией реализма вообще отрицательно относится ко многим явлениям чешской литературы на рубеже XIX—XX вв., ища, и, естественно, не находя в произведениях того времени так называемого «модерного реализма». Правомернее было бы рассматривать И. Германа как продолжателя реалистических традиций самого Неруды.

Разумеется, в большой книге, насчитывающей шестнадцать авторских листов, не может быть все равноценно и равно доказательно. Можно спорить с автором и по ряду других, более частных, вопросов, но было бы несправедливо требовать от одного исследования решения всех проблем. В целом же автор успешно справилась со своей задачей, избежав при этом наукообразной сухости, свойственной многим изданиям подобного рода. Поэтому даже неискушенный в вопросах славянской филологии читатель почерпнет для себя в книге А. П. Соловьевой, крупнейшего знатока творчества Я. Неруды, много интересного, обогатится умело поданными сведениями из литературной жизни Чехии второй половины XIX в., найдет свежие параллели с чешской литературой наших дней, продолжающей лучшие традиции прошлого.

И. М. Порочкина

РЕНЕССАНС И БАРОККО В НОВЕЙШИХ ПОЛЬСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Польская литература Ренессанса и Барокко привлекает внимание многих ученых. Что касается эпохи Барокко, то она до недавнего времени недооценивалась или рассматривалась весьма односторонне во всем европейском литературоведении. Тем более интересно отметить некоторые ценные работы в этой области польских ученых.

Исследования, составляющие книгу известного польского ученого Романа Полляка «От Ренессанса до Барокко»¹, посвящены творчеству некоторых крупнейших писателей XVI—XVII вв., народной (совиздальской) литературе, эпистолярному наследию, проблемам литературных связей с античностью, европейским Возрождением и Барокко, вопросам типологии, жанровой специфики. Некоторые статьи написаны еще до войны, другие — в последние годы. Собранные вместе, они представляют собой ценное исследование, освещающее научно-актуальные проблемы. Следует отметить, что работы 20—30-х годов и теперь — после того, как литературоведение, занимающееся Ренессансом и Барокко, прошло большой путь, — не утратили своего значения. Таковы несколько статей, посвященных выдающемуся публицисту, историку, а также поэту и переводчику Возрождения Л. Гурицкому («Элементы философии Платона в „Придворном“ Гурицкого», «Цицерон в „Придворном“ Гурицкого», «Банделло — Совиздаль и анекдоты Гурицкого»), первая работа о найденной в 20-е годы поэме В. Рождженского «Кузница» (изданной в Кракове в 1612 г.)², глубокое типологическое сопоставление сокетов Броккарда и «Тренов» Я. Кохановского, исследование о стихотворном романе С. Твардовского «Прекрасная Пасквилина». Особо следует подчеркнуть роль Р. Полляка в исследовании творчества П. Кохановского и его вклада в развитие эстетики (в этой связи рассмотрен и воп-

рос о рецепции поэзии Ариосто, переводившейся П. Кохановским, в польской литературе). Р. Полляк — великолепный знаток итальянской литературы, польско-итальянских связей (его работы еще до войны издавались в Италии). Сравнительный анализ литературных явлений Польши и Италии времен Ренессанса и Барокко в работах Полляка дал важные в научном отношении результаты.

Связующим и организующим началом книги является первая работа, где история проблематики органично сочетается с библиографической информацией, историко-литературными и методологическими концепциями автора. Здесь следует выделить особенно остро стоящую сейчас, когда накопленный обширный материал требует обобщения, проблему периодизации. Убедительно обоснован один из главных выводов, согласно которому нельзя ограничивать Барокко рамками Контрреформации и иезуитской идеологии; это же относится и к интерпретации таких явлений, как сарматизм, совиздальская литература.

Барокко — период чрезвычайно интересный и с точки зрения судеб польского романа. Проблема эта еще далеко не полно разработана. Многие материалы остались в рукописях. Кропотливые поиски ученых принесут время от времени интереснейшие находки. Так было со стихотворным романом А. Корчинского «Позлащенная дружбой измена», изданным впервые Р. Полляком (при участии С. Саского) в 1949 г. Об этом, пожалуй наиболее совершенном из ныне известных, романе польского Барокко Р. Полляк писал неоднократно. В новой книге впервые публикуется обобщающий очерк, где конкретный анализ сочетается с интересными сопоставлениями из польской и западноевропейских литератур.

В развитии польского романа особая роль принадлежит чрезвычайно распространенным в XVII—XVIII вв. мемуарным жанрам, которые привлекают и историков культуры: именно здесь можно найти живо запечатленные события, типы, факты, ощутить самую атмосферу давно минувшего (черты быта, особенности психологии и мировосприятия людей прошлого). В этом отношении привлекает замыкающее сборник исследование стихотворных мемуаров Р. С. Русецкой-Пильштыновой, а в связи с этим и суждения о первых польских женщинах-литераторах.

Книга Р. Полляка, освещая ряд узловых проблем Ренессанса и Барокко, в то же время стимулирует решение многих назревших вопросов, главным среди которых является создание обобщающего труда по истории ренессансной и барокко-литературы Польши.

¹ R. P o l l a k. Od Renesansu do Baroku. Warszawa, 1969, 322 s.

² Впоследствии об этой поэме появилось множество работ. Это объясняется особым значением произведения Рождженского не только для польской литературы, но и для истории, и для культуры. «Кузница» — это своего рода художественно-документальное свидетельство польских истоков истории, промышленности, экономики Силезии. До наших дней дошел лишь один экземпляр. Во время войны его тщетно разыскивали гитлеровцы, стремившиеся уничтожить и предать забвению все, что свидетельствовало о славянском прошлом захваченных Германией земель.

Профессор Вроцлавского университета, руководитель исследований древнепольской литературы Польской академии наук Чеслав Хэрнас — один из видных литературоведов и фольклористов, автор готовящегося к изданию университетского учебника «История польской литературы XVII века». Концепция этой книги отражена в работе «Очерк развития барочной литературы», опубликованной в томе «Польша XVII века»³. Вначале автор останавливается на судьбах литературы XVII в. в науке, показывая, как в результате новых данных и новой методологии менялся характеристика эпохи. В этой связи весьма интересны суждения ученого о явлениях, определяемых терминами «сарматизм» и «барокко»: «...если сарматизм определяет совокупность идеологии и обычаев того времени, то термин „барокко“ извлекает из этого соотношения проблемы искусства». Опираясь на анализ конкретного материала, Ч. Хэрнас убедительно аргументирует проблему периодизации: зарождение новых тенденций в 1580—1620-е годы (эта концепция близка тезису Р. Полляка) и их отмирание в 40-е годы XVIII в., когда появляются первые ростки Просвещения⁴. В разделе «Направление перемен в культуре» специфические польские процессы — нарастание новых явлений в политике, идеологии, нравах, вкусах и их преломление в литературе — освещаются на европейском фоне. Автор чутко улавливает специфику социальной обусловленности этих явлений, предопределившую характер не только отдельных произведений и творческих биографий, но и целых направлений.

В разделе «Направления и перемены в новой поэзии» освещается философско-эстетическое богатство и разнообразие исследуемого материала. Выделяются направления метафизическое, позднеренессансное и направление, оппозиционное метафизическому, обращающиеся к преходящим ценностям земного бытия (сюда включены такие явления, как маринизм, или концептизм, гонгоризм, или культизм). Особое место занимает литература плебейская (совиздальская), характерная своей остросоциальной проблематикой и оппозиционностью к литературе «официальной».

Рассматривая эволюцию литературы от Ренессанса к Барокко, автор проследживает концепцию героя, судьбы отдельных жанров (знаменательна тенденция развития от малых лирических жанров к

эпическим). В «Заключении», обобщая сказанное, Ч. Хэрнас останавливается коротко и на проблемах, которые не были им рассмотрены ввиду общего характера работы, целью которой было показать лишь основные закономерности.

Особое место в литературе XVI—XVII вв., в истории театра и культуры занимает плебейское течение, названное впоследствии совиздальским. Совизджал — польская калыка с Эйленшпигель (дословно: свиное зеркало). Уже само название пародирует многочисленные назидательные «Зерцала», столь популярные со времен средневековья. В этом «зеркале» действительность предстает в совсем иной перспективе, нежели в «Зерцалах»: из него смотрит не покорное христианское благолепие, а странная и жуткая в крошечной тьме сова — средневековый символ мудрости.

Первый известный ныне перевод «Эйленшпигеля» появился в Польше ок. 1530 г. — вскоре после первых сохранившихся немецких изданий (1515, 1519)⁵. Явившись здесь под именем Совизжала (Совизджала), он так прижился, приключения его столь обросли (и продолжали обростать) новыми, возникшими на польской почве, что поляки считали его своим и уже в XIX в., наряду с немцами и голландцами, претендовали на славу родины этого героя, чья популярность возродилась вновь благодаря творению Ш. де Костера.

Совиздальская литература, где нередко либо сам Совизджал выступал главным героем, либо анонимный автор подписывался его именем, зародилась в XVI в. Бурный расцвет ее в конце столетия сменяется — по мере усиления контрреформации — постепенным угасанием с 20-х годов XVII в. Творцами совиздальской литературы были деклассированные выходцы из мелкой шляхты, низшего духовенства, горожане, студенты, мелкие служащие и учителя (нередко безработные). Свои произведения — памфлеты, сатиры, лирику и застольные песни, комедии, интермедии, мистерии, фарсы, моралиты, сборники фразек, песен, фанеций, поговорок, афоризмов, притч и анекдотов — они издавали или распространяли в рукописях. Крупнейшим средоточием этой литературы был Краков — центр торгово-промышленной, культурной и научной жизни. Совиздальские творения расходились по всей стране, продавались с лотков на площадях и ярмарках, декламировались, распевались, инсценировались бродячими

³ Cz. H e r n a s. Zarys rozwoju literatury barokowej. In: Polska XVII wieku. Warszawa, 1969.

⁴ Здесь следует отметить, что подобная концепция лежит и в основе периодизации польской литературы в главах IV и V томов подготавливаемой у нас к изданию «Истории всемирной литературы».

⁵ Кстати, благодаря именно польскому посредничеству популярный на Западе Эйленшпигель появился и в России (известны издания XVIII в.), причем с забавно переосмысленным — с польского — именем (не понятным русским переводчиком) — Совесь-драла.

актерами (рыбалтами) и скоморохами в кормах, постоялых дворах, на улицах и в усадьбах.

Это течение еще недостаточно изучено, многие его творения были впервые опубликованы лишь в наше время. Краковский ученый С. Гжещук, издавший в 1966 г. комментированную «Антологию совизджалской литературы», теперь выступил с исследованием, название которого перекликается с именем Совизджала — родоначальника и патрона этого течения⁶. Анализ подобного рода явлений возможен в двух аспектах — литературно-эстетическом и культурно-историческом, когда литература рассматривается как своеобразный документ жизни, быта, психологии (этим путем пошел М. М. Бахтин в своей известной работе о Рабле). Гжещук рассматривает совизджалское течение прежде всего в первом аспекте, вскрывая его специфическую роль — начала, интегрирующего фольклор, народное творчество и «официальную» литературу, которые в сумме составляют внутренне сложный и неоднородный общий облик национальной литературы Польши. В исследовании имеются новые и ценные наблюдения и выводы (например, параллели с прозой раннего Возрождения и пародной литературой Запада). Автор вскрывает сущность совизджалской литературы, не ограничиваясь проблемно-тематической сферой, а выявляя специфику самого типа художественного видения, которое вырисовывается как своего рода «мир наоборот», «мир паизнанку». Этим объясняется всеотрицание и абсолютная переоценка ценностей, колоритная апология Совизджала как всевоплощения бродяг, пройдох, пьяниц и скоморохов (вместо святых, духовников, рыцарей и добропорядочных и покорных овецек из третьего сословия — как в «официальной» литературе). Отсюда — своеобразие художественной структуры (тип героя, сюжет, стиль), жанровая специфика, образность и система оценок. Интересны наблюдения о народном характере эстетических особенностей совизджалского течения (что также выступает как противопоставление литературе «официальной»): сознательная установка на непосредственность общения автора с читателем (или иллюзию такого общения); как бы условленная договоренность на обоюдное (автора и читателя) развлечение, что находит отражение в самой атмосфере произведения и его стиле и что роднит совизджалских авторов с голлиардами и вагантами Запада.

Исследование С. Гжещука — большое научное обобщение совизджалского на-

следия. Однако за пределами книги осталась лирика и застольные песни — явления не столь распространенные, но тем не менее типичные для этой литературы. Впрочем, по своему характеру это, пожалуй, не укладывается в рамки «шутовского зеркала» и представляет объект особого исследования.

Среди появившихся в последнее время работ и отдельных статей привлекает внимание сборник «Проблемы древнепольской литературы»⁷. Вошедшие сюда исследования видных польских ученых⁸ по своему характеру и направленности поисков можно сгруппировать в следующие разделы: общая проблематика эпох, вопросы стилей, направлений, идеологических доктрин и направленности развития древнепольской литературы. Несомненным достоинством этих работ является рассмотрение сугубо польских материалов во взаимосвязи с общеевропейским историческим и литературным процессом. Ко второму разделу можно отнести работы, где исследуются ключевые проблемы литературы во взаимосвязи с историей национальной культуры и основными тенденциями национальных традиций. Третий раздел составляет исследование, посвященные проблематике отдельных жанров и, наконец, четвертый — разработке вопросов древнепольской теории литературы. Вышеизложенное дает некоторое представление о масштабности охвата материала в сборнике. Уже само число вошедших сюда работ, равно как и дифференцированность затронутых проблем исключают возможность подробного их рассмотрения в рамках этого краткого обзора. Здесь следует лишь отметить, что вошедшие сюда исследования привносят очень много нового и чрезвычайно ценного в знания о национальной Средневековье, Возрождении и Барокко. Одновременно продемонстрированные авторами отдельных работ различные методики анализа, обусловленные характером исследуемого явления и аспектом его рассмотрения, дают определенное представление о высоком теоретическом уровне и интересных направлениях в польском литературоведении, занимающемся древними периодами. И, наконец, в заключение следует отметить, что данный сборник является первым в серии издаваемой Институтом литературных исследований Польской академии наук. Потребности в такого рода изданиях давно

⁷ «Problemy literatury staropolskiej». Pod red. J. Pelca. Ser. 1. Wrocław etc., 1972.

⁸ Сборник представлен именами Е. Ворончака, Я. Пельца, Б. Отвиновской, Т. Беньковского, С. Гжещука, Х. Дзехциньской, С. Незнановского, Т. Михаловской, Э. Сарновской-Тэмэриуп.

⁶ S. G r z e s z c z u k. Błazeńskie zwierciadło. Rzecz o humorystyce sowizdrzalskiej XVI i XVII wieku. Kraków, 1970, 322 s.

ощущались не только учеными, но и высшей школой, равно как и всеми, кого интересует прошлое национальной литературы и культуры. Этот первый сборник, вне всякого сомнения, — крупное событие в научной жизни Польши и в зарубежной славистике.

Рассмотренными здесь работами, естественно, далеко не исчерпывается круг новейших исследований о польском Ренессансе и Барокко. (Этими эпохами

польской литературы занимаются также многие крупные западноевропейские слависты, а с недавнего времени и наши исследователи.) Литература XVI—XVII вв. таит много нерешенных проблем. А между тем именно здесь скрыты истоки многих явлений современности. Естественно поэтому интерес к национальным традициям далекого, но всегда близкого прошлого.

А. В. Лунатов

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1973 г.

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. *Международные отношения. Взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика*

Княжинский В. Сплочение социалистического содружества и кризис политической стратегии антикоммунизма. «Коммунист», 1973, № 6.

Рубанов Н. С. Единство и нерушимость национального и интернационального в вооруженной защите завоеваний социализма. Вестн. Моск. ун-та. Теория науч. коммунизма, 1973, № 1.

Теллалов К. Укрепление единства — закономерность коммунистического движения. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1973, № 5.

Тягуненко В. Мировой социализм и национально-освободительные революции. «Коммунист», 1973, № 8.

2. *Экономика. Экономическое сотрудничество*

А. К. О проекте «Общих условий взаимного предоставления морского тоннажа и внешнеторговых грузов стран — членов СЭВ». «Материалы по морскому праву», 1972, вып. 2.

Беляев Ю. О некоторых вопросах социалистической экономической интеграции. «Коммунист», 1973, № 7.

Брехова Т. В. Проблемы использования трудовых ресурсов в странах — членах СЭВ в условиях научно-технической революции. (Обзор выступлений на международном симпозиуме «Использование трудовых ресурсов стран СЭВ в условиях научно-технической революции и совершенствования методов социалистического хозяйствования». Москва, ноябрь, 1972. Участвовали ученые и практические работники НРБ, ВНР, ГДР, Кубы, ПНР, СРР, СССР, ЧССР, СФРЮ.) Изв. АН СССР Сер. экон., 1973, № 3.

Василенко Г., Шелков О. Валютно-финансовые отношения стран СЭВ — важный фактор развития международной социалистической экономической интеграции. В кн. «Казанский университет им. В. И. Ульянова-Ленина». Сб. аспирантских работ. Казань, 1972.

Голубушин Ю. Наступление социализма продолжается. (Дальнейшее углубление и совершенствование экономического и научно-технического сотрудничества.) «Под знаменем ленинизма», Киев, 1973, № 6.

Горбачев В. В. Куба: некоторые вопросы экономической интеграции со странами социализма. Латин. Америка, 1973, № 3.

Деятельность Международного инвестиционного банка в 1972 г. Экон. газ., 1973, № 18.

Константинов Ю., Ларионов К. Валютно-финансовые отношения и социалистическая интеграция. «Коммунист», 1973, № 7.

Корниенко В. Экономические отношения и предмет политической экономики социализма. Экон. науки, 1973, № 5.

Коцев В. Болгарский опыт. Осуществление программы повышения жизненного уровня в свете решений декабрьского пленума ЦК БКП (1972 г.) «Новое время», 1973, 25 мая, № 21.

Крмаров Э. М. Морской транспорт во внешнеэкономических связях Социалистической Федеративной Республики Югославии. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1973, 17 мая, № 58.

О 1-й Международной конференции ученых и специалистов стран — членов СЭВ и СФРЮ по вопросам эргономики (Москва, 28 июля — 1 авг. 1972 г.). Научн. работы ин-тов охраны труда ВЦСПС, 1973, вып. 81, Авт.: Быховский А. В., Кубяк О. К., Смирнов К. М. и др.

Пискулов Ю. Широкие перспективы. Экономические связи Финляндии со странами — членами СЭВ. Экон. газ., 1973, № 21.

Подорова М. Д. Цены на продукцию угольной промышленности Польской Народной Республики. В кн. «Актуальные вопросы планового ценообразования». Л., 1973.

Рябов М. Ф. Новый этап научно-технического сотрудничества стран СЭВ. В кн. «Научно-технический прогресс и совершенствование форм связи науки с производством». Л., 1973.

Семенова А. И. Методы оценки экономической эффективности сотрудничества стран — членов СЭВ в области научных исследований в строительстве. В кн.: «Вопросы экономики строительства». М., 1972.

Ткач Г. П. Финансовые методы стимулирования труда в промышленности стран — членов СЭВ. Сб. науч. тр. Яросл. пед. ин-та, 1973, вып. 114.

Туронек Е. Достижения и перспективы химической промышленности Польской Народной Республики. Хим. пром-сть, 1973, № 5.

Уяс М. М. Банковский кредит в экономике Чехословакии. Деньги и кредит, 1973, № 5.

Хежман С., Эберхардт П. Прогнозные исследования польских ученых. Экономика и организация пром. производства, 1973, № 2.

Чужинцев И. Проблемы розвитку економічної інтеграції країн — членів РЕВ. «Трибуна лектора», Київ, 1973, № 4.

Шашаев Г. Актуальные проблемы ценообразования во взаимной торговле стран — членов СЭВ. (Обзор публикаций и материалов дискуссий.) Вопр. ценообразования, 1973, вып. 21.

Яковец Ю., Червинская И. Методы ценообразования на товары народного потребления и услуги в Болгарии. Вопр. ценообразования, 1973, вып. 22.

3. Государственное строительство. Право.

Борисова Л., Митрофанова Н. Денежные надбавки на детей в Югославии. Соц. обеспечение, 1973, № 5.

Гальперин И., Шупилов В. Ограничение свободы как вид наказания в Польше. Соц. законность, 1973, № 4.

Иванова А. Смягчающие обстоятельства в уголовном законодательстве. (По материалам законодательства социалистических стран.) Соц. законность, 1973, № 5.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Атанасов П. Болгарская типографская коммуна. (К 80-летию создания первой болгарской социал-демократической типографии «Рабочий». Велико-Тырново, 1893 г.) «Полиграфия», 1973, № 4.

Билляк В. Уроки социалистической революции в Чехословакии и современность. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1973, № 5.

Бромлей Ю. В., Корольков В. Д. Славяне и волюхи в Великом переселении народов и феодализация Центральной и Юго-Восточной Европы (к вопросу о соотношении внутренних и внешних факторов). В кн. «Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма», Кишинев, 1973.

Валицкий А. Философские взгляды Генрика Каменского. Вопр. философии, 1973, № 5.

Войнар-Суецкая Я. Идея социализма в Польше на рубеже XX века. Вопр. философии, 1973, № 5.

Вялова С. О. Религиозные организации в Словакии в конце XIX в. В кн. Атеизм, религия, современность. Л., 1973.

Греков И. Б. К вопросу о роли турецко-крымской дипломатии в политической жизни Восточной Европы конца XV—XVI вв. В кн. «Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма». Кишинев, 1973.

Козлов В. И., Перельман М. Г. Организация управления строительством в европейских странах — членах СЭВ. В кн. Организационные формы управления строительством и тенденции дальнейшего их развития и совершенствования в СССР и зарубежных странах. М., 1973.

Крамаренко Л. Органи судового виконання в Польській Народній Республіці. Рад. право, Київ, 1973, № 4.

Лисовий М. Зобов'язальне право у Цивільному кодексі ПНР. Рад. право, Київ, 1973, № 6.

Рахманов Т. Связь общественного сознания с задачами социального управления в условиях развитого социалистического общества. Сб. аспирантских статей Ин-та философии АН СССР, 1973, № 4.

Судницын Ю. Г. Основные проблемы соотношения национального и государственного суверенитета в социалистических государствах. Сб. Учен. тр. Свердловского юрид. ин-та, 1973, вып. 24.

Достян И. С. Освободительное движение южнославянских народов конца XVI — начала XVII вв. В кн. «Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма». Кишинев, 1973.

Жепкайте Р. Обострение польско-литовского конфликта в 1927 г. и позиция СССР. В кн. Lietuvos istorijos metraštis. 1972 m., Vilnius, 1973.

Заборовский Л. В. Русская и польская дипломатия и «Восточный вопрос» накануне и на первом этапе войны между Россией и Речью Посполитой (1653 г. — начало 1655 г.). В кн. Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973.

Крупкин А. И. Советская историография о «польском вопросе» во внешней политике правящих кругов Англии в 1939—1945 гг. В кн. Некоторые вопросы новой и новейшей истории. Днепропетровск, 1973.

Куксевич З. Развитие философской мысли в средневековой Польше. Вопр. философии, 1973, № 5.

Литаврин Г. Г. Особенности византийского и болгарского феодализма в конце XII—XIV вв. (к проблеме типологии феодализма). В кн. «Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма». Кишинев, 1973.

Мартиненко А. К. Російсько-болгарські економічні відносини в 1910—1915 рр. Укр. іст. журн., Київ, 1973, № 4.

Медоварова Т. Г. Польская историография об участии крестьянства в

борьбе с немецко-фашистскими оккупантами (1939—1945 гг.) В кн. «Некоторые вопросы новой и новейшей истории». Днепрпетровск, 1973.

М е р ц е р т Н. Я., Ч е р н ы х Е. Н. Работы Болгаро-Советской экспедиции в 1972 г. (Исследование поселения раннего бронзового века у с. Эзеро в Южной Болгарии и древнейших медных рудников страны.) В кн. Археологические открытия 1972 года М., 1973.

М и с ю л я И. И. Бесправное положение Западной Белоруссии в составе буржуазной Польши в 1920—1925 гг. Вестн. Моск. ун-та. Право, 1973, № 3.

Н а м а в и ч ю с З. Политическая деятельность Иоахима Лелевеля. Вестн. Моск. ун-та. Право, 1973, № 3.

Н а у м о в Е. П. Сербский феодализм накануне турецкого завоевания. В кн. Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973.

Подготовка мюнхенского диктата. Путь Англии к Мюнхену (Документальный обзор). Новые документальные материалы предистории Мюнхена. Подготовили В. Сицолс, М. Панкратова. Международная жизнь, 1973, № 3, 5, 6.

Проблемы преподавания истории СССР в странах социализма. (Международный симпозиум на историческом факультете МГУ. Декабрь 1972.) «История СССР», 1973, № 3.

Р о г о в А. И. Вопросы борьбы с турецкой агрессией в польской литературе эпохи Возрождения. В кн. «Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма». Кишинев, 1973.

С т р а ш и м и р о в К. Прогрессивная группа «Общественный врач» — борец за проведение идей и принципов социалистического здравоохранения в Болгарии (1931—1941). Сов. здравоохранение, 1973, № 5.

С у б б о т и н Л. В., Ч е р н я к о в И. Т. Фракийский кельтаф у с. Залезничное на левобережье Нижнего Придунавья. (Погребальные обычаи фракийских племен в эпоху раннего железа). Сов. археология, 1973, № 2.

Т и м о щ у к Б. А. Руины славянского города на р. Прут. (Остатки города IX—X вв. у с. Ревна Кицманского района). В кн. Археологические открытия 1972 года. М., 1973.

Ф р е й д е н б е р г М. М. Экономико-социальная структура средневековой Далмации в XIV—XV вв. В кн. Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973.

Х а р и з а н о в Л. Разработка аграрной программы на III съезде БКП — важный этап в развитии аграрной политики партии. Вопр. истории КПСС, 1973, № 5.

Ш а ф е р о в а Л. А. Сельские мельники в Сербском государстве в XIV

веке. В кн. «Вопросы всеобщей истории», вып. 3. Красноярск, 1973.

Ш а ф е р о в а Л. А. Социально-политические отношения в Сербском государстве в первой половине XIII века. В кн. «Вопросы всеобщей истории», вып. 3. Красноярск, 1973.

Я р о ш е н к о А. Д. Соратник великого Каменяра, мужний борець за владу Рад (До 100-річчя від дня народження В. Ф. Коцка). Укр. іст. журн. Київ, 1973, № 4.

2. Культура и наука

А л е к с е е в Н. Заметки актера (Театральные постановки Братиславы и Праги в 1972 г.). «Театр», 1973, № 5.

А м б р у ш И. Проблемы академических изданий эпистолярного наследия деятелей словацкой культуры. В кн. Текстология славянских литератур. Докл. конф. Ленинград, 25—30 мая 1971 г. Л., 1973.

А н а н ь е в а Н. Е., Х о л о п и н а З. М. Дипломные работы по славянской филологии в 1970—1972 гг. Обзор работ кафедры славянской филологии Филологического факультета МГУ. Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1973, № 3.

А н т о с я к А. В. Международный коллоквиум о геноциде гитлеровской Германии (Замость, 17—20 окт. 1972 г.). «Новая и новейшая история», 1973, № 3.

Б а л а к и п А. М. Максим Горький и сербская литература 30-х годов. В кн. Славянская филология. Сб. ст., вып. 8. М., 1973.

Б а д у л е в с к и й Я. Мария Конопницкая о писателях — своих современниках. В кн. Славянская филология. Сб. ст., вып. 8. М., 1973.

Б а ш и н д ж а г я н Н., Р о с т о ц к и й Б. Профили польской режиссуры. (Анализ спектаклей Краковского Старого театра и Театра-лаборатории г. Вроцлава.) «Театр», 1973, № 5.

Б е л о у с о в В. Монументальные комплексы архитектора Богдановича. «Декоративное искусство СССР», 1973, № 4.

Б і л и й Ю. О. Міколай Коперник і природничо-наукова революція нового часу. Вісн. АН УРСР, 1973, № 5.

Б э л з а С. Академик Ладислав Штолл — почетный доктор МГУ. Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1973, № 3.

В е д і н а В. Умовність і вірогідність. Із спостережень над польською драматургією 60-х років. «Всесвіт», Київ, 1973, № 6.

В е р в е с Г. Д. Слов'янський проект ЮНЕСКО і перші кроки його реалізації. Вісн. АН УРСР, 1973, № 4.

В е с о л о в с к и й В. Планирование и прогнозирование изменений социальной структуры. Вопр. философии, 1973, № 5.

Гілевіч Н. У малым і ў вялікім свеце. Нататкі аб творчасці аднаго пакалення балгарскіх паэтаў. «Польмя», Мінск, 1973, № 5.

Глобачев М. О. Идейно-художественное своеобразие «Книг польского народа и польского пилигримства» А. Мицкевича. Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1973, № 3.

Гранина А. Польская ссылка Восточной Сибири в литературе. «Сибирь», Иркутск, 1973, № 1.

Джигозян К. А. Из истории армяно-болгарских литературных сношений. Ист.-филол. журн. АН АрмССР, Ереван, 1973, № 1.

Динев П. К проблеме академических изданий произведений болгарских классиков. В кн.: «Текстология славянских литератур». Докл. конф. Ленинград, 25—30 мая 1971 г. Л., 1973.

Дудевски Х. К проблеме литературных влияний и связей. (Сравнительное изучение русской и болгарской литератур послеоктябрьского периода.) Рус. лит., 1973, № 2.

Игнатов М. В. От «устного портрета» к роману исповеди. (Особенности разработки образа врага в польской антифашистской прозе 60-х годов.) В кн. «Славянская филология». Сб. ст., вып. 8. М., 1973.

Ковальджи К. Черты родства. (Тема гражданственности в поэзии социалистических стран). Иностранная литература, 1973, № 6.

Козелек К. Сотрудничество советских и чешских библиотекарей. В кн. Библиотекведение и библиография за рубежом. вып. 44. М., 1973.

Копыстянская Н. Ф. Идейно-эстетическая борьба вокруг романа Ивана Ольбрахта «Никола Шугай, разбойник». В кн. «Славянская филология», вып. 8. Сб. ст. М., 1973.

Кравцов Н. И. Ф. М. Достоевский в славянских литературах. Вопр. рус. лит. Львов, 1973, вып. 1.

Кравцов Н. И. Романтизм в славянских литературах и фольклор. В кн. «Славянская филология». Сб. ст. вып. 8. М., 1973.

Крыстев В. О своеобразии болгарской национальной композиторской школы. В кн. «Музыкальные культуры народов. Традиции и современность». М., 1973.

Кузнецова Р. Р. Психологизм и гротеск в романе Бенямина Клички «Вот он — гражданин!» В кн. «Славянская филология». Сб. ст., вып. 8. М., 1973.

Лисса З. Традиции и новаторство в музыке. В кн. «Музыкальные культуры народов. Традиции и современность». М., 1973.

Ломонос-Рівна Г. І. Рідкісні видання творів Коперника у фондах

Центральної наукової бібліотеки АН УРСР. Вісн. АН УРСР, 1973, № 5.

Макарова Э. Болгарский театр в Киеве. (Гастроли Варненского театра им. Стояна Бичварова (лето 1972 г.) «Театр», 1973, № 4.

Марунык П. Словацко-советские библиотечные связи. В кн. Библиотекведение и библиография за рубежом, вып. 44. М., 1973.

Мировой социализм и марксистско-ленинская философия. Вопр. философии, 1973, № 5.

Михалкович В. Один из третьего поколения. О фильмах Кшиштофа Занусси. «Искусство кино», 1973, № 4.

Макры Л. Новые формы музыки в меняющемся мире. В кн. «Музыкальные культуры народов. Традиции и современность». М., 1973.

Молчанова М. С. Освободительная борьба в Западной Белоруссии в освещении современной польской литературы. В кн. Минский педагогический институт им. А. М. Горького. Сб. науч. трудов аспирантов. Гуманитарные науки: история, филология, педагогика. Минск, 1972.

Мошин В. А. Палеографическо-орфографические нормы южнославянских рукописей. В кн. Методическое пособие по описанию славянорусских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, вып. 1. М., 1973.

Мусиенко С. Ф. Творческий путь Вильгельма Маха. В кн. «Славянская филология». Сб. ст., вып. 8. М., 1973.

Мыслек В., Новачик М. Религиоведение в Народной Польше. Вопр. науч. атеизма, 1973, вып. 14.

Народное образование и наука стран социализма. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1973, № 5.

Неволин Ю. А. Описание украшений южнославянских и древнерусских иллюминированных рукописей по XIV век включительно. В кн. Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, вып. 1. М., 1973.

Новгородова Н. А. К вопросу о специфике болгарских гайдуцких песен. В кн. «Специфика фольклорных жанров». М., 1973.

Ованесян Р. Из истории Карлова университета в Праге. Ереванский ун-т, 1973, № 1. На арм. яз.

Ожеховски Я. Путь к педагогическому прогрессу в вузе. (Из опыта высшей школы ПНР). Программ. обучение, Киев, 1973, вып. 10.

Писарев П. Проблемы развития болгарской кинематографии. «Искусство кино», 1973, № 5.

Писаренко Г. С., Грановский Б. В. Міжнародні наукові зв'язки установ Академії наук Укра-

інської РСР. Вісн. АН УРСР, 1973, № 4.

Полякова Л. «Воскресение» Яна Циккера. (Опера по мотивам Л. Н. Толстого написана в 1960 г.) Сов. музыка, 1973, № 5.

Скшипек А. Научные сессии, посвященные 50-летию образования СССР, в Польской Академии наук. (Варшава, 7—8 декабря 1972 г.) «Новая и новейшая история», 1973, № 3.

Следзиньски С. Музыка в жизни молодого поколения Польской Народной Республики. В кн. «Музыкальное воспитание в современном мире». М., 1973.

Солнцева Л. София—Белград. (Драматургия А. Н. Островского в Чехии, Болгарии, Югославии в XIX—XX вв.) «Театр», 1973, № 4.

Соломатина А. В. Специфика мастерства Ю. Фучика — очеркиста (на материале очерков о Советской Средней Азии). Учен. зап. Ташк. пед. ин-та, 1972, т. 86.

Усыкова Р. П. Из наблюдений над языком Кирилла Пейчиновича. (Глагол в книге «Оутѣшеніе грѣшнымъ»). В кн. «Славянская филология». Сб. ст., вып. 8, М., 1973.

Федоров Е. П. Научный подвиг Коверника. Вісн. АН УРСР, 1973, № 5.

Хлебárov И. Закономерности развития симфонизма в Болгарии на основе национальных художественных традиций. В кн. Музыкальные культуры народов. Традиции и современность. М., 1973.

Холодина З. М. К проблеме перевода поэтических произведений на близкородственные языки. (Словотворческая фантазия Ю. Тувима «Зелень» и ее русский перевод Л. Мартынова). В кн. «Славянская филология». Сб. ст., вып. 8, М., 1973.

Христов Д. От национального к интернациональному. В кн. «Музыкальные культуры народов. Традиции и современность». М., 1973.

Христов Х. О фильме «Наковальня или молот». «Искусство кино», 1973, № 5.

Худайкулов О. Пламенный боец. (К 70-летию со дня рождения Юлиуса Фучика). «Шарк юлдузи» (Звезда Востока), Ташкент, 1973, № 2.

Цыбенко Е. З. Ивашкевич и Л. Толстой. (Влияние Л. Толстого на творчество писателя на примере романа «Хвала и слава»). Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1973, № 3.

Черкасов П. П. Сотрудничество ученых социалистических стран в изучении проблем европейской безопасности. «Новая и новейшая история», 1973, № 3.

XIV пленарное заседание Международного комитета славистов (Рим, 12—18 октября 1972 г.). Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1973, т. 32, вып. 2.

Чурчиц Л. Из истории книгообмена библиотеки Матицы сербской с русскими библиотеками. (Исторический очерк за 1830—1973 гг.) В кн.: «Библиотекосведение и библиография за рубежом», вып. 44. М., 1973.

Шапов Я. Н. Некоторые юридические и канонические памятники в славянской письменности XII—XV вв. В кн. Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, вып. 1. М., 1973.

Шивиц П. Оценка музыки и ее роль в качестве средства воспитания. В кн. «Музыкальное воспитание в современном мире». М., 1973.

Штаерман Е. М. Социальные проблемы эллинизма и римской империи. Конференция в Либлице (ЧССР), 10—13 октября 1972 г. Вестн. древней истории, 1973, № 2.

3. Языкознание

Бернштейн С. Б. Очерки славянской морфологии. (Чередование согласных в именах на -а). В кн. «Славянская филология». Сб. ст., вып. 8. М., 1973.

Боголюбова Н. Д., Немцева Л. И. Балто-славянские соответствия в лексике русских говоров Латвии. В кн. «День Артура Озола». Актуальные вопросы диалектологии. Рига, 1973.

Булатова Р. В. Надстрочные знаки в южнославянских рукописях XI—XIV вв. В кн. «Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР», вып. 1. М., 1973.

Ваксман Б. И. Славяно-романские лексические дублеты и их употребление в молдавском языке. В кн. «Вопросы современного французского языка». Калинин, 1973.

Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. I. В кн. «Этимология». 1971. М., 1973.

Венедиктов Г. К. Фрагменты истории болгарской орфоэпии. В кн. «Балканское языкознание». М., 1973.

Гудков В. П. О «славянском» языке Захария Орфелина. Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1973, № 3.

Гудков В. П. Славянские предлоги: болг. *към*, *къде*, *код*, макед. *кон*, *каде*, *кад*, с.-хорв. *код*, *куде* и иноязычные балканские соответствия. В кн. «Балканское языкознание». М., 1973.

Гурский К. Проблемы пунктуации в изданиях польских классиков. В кн. «Текстология славянских литератур». Докл. конф. Ленинград, 25—30 мая 1971 г. Л., 1973.

Демин А. Е. Ценный памятник новоболгарской письменности. (Заметки о Троянском дамаскине XVII в. и его

издании). В кн. «Балканское языкознание». М., 1973.

Ершов Л. Ф. Новые работы польских русистов. (Обзор работ о польско-русских литературных и культурных связях от периода романтизма через критический реализм к эпохе социалистического реализма (1967—1972 гг.)) Рус. лит., 1973, № 2.

Клепикова Г. П. Из карпато-балканской терминологии высокогорного скотоводства. 2. *vatra*. В кн. «Балканское языкознание». М., 1973.

Коломієць В. Т. Словотвір неологізмів у слов'янських мовах (від середини 40-х років ХХ ст.). «Мовознавство», Київ, 1973, № 2.

Константинова Т. И. Функционирование качественных наречий, производных от прилагательных со значением цвета, в современном чешском языке. В кн. «Славянская филология». Сб. ст., вып. 8. М., 1973.

Котова Н. В. Морфология существительных и прилагательных в говоре Горно Поло. В кн. «Славянская филология». Сб. ст., вып. 8. М., 1973.

Куркина Л. В. К реконструкции этимологических связей основ с дифтонгом на -и. В кн. «Этимология 1971». М., 1973.

Куркина Л. В. Славянские этимологии. В кн. «Этимология 1971». М., 1973.

Лалич Р. Об орфографии критических изданий. В кн. «Текстология славянских литератур». Докл. конф. Ленинград, 25—30 мая 1971 г. Л., 1973.

Лопашов Ю. А. К вопросу о типах местоименных повторов дополнения и их употреблении в литературном новогреческом и других балканских языках. В кн.: «Балканское языкознание». М., 1973.

Олтяну П. Проблемы транскрипции и издания славяно-румынских текстов. В кн. «Текстология славянских литератур», Докл. конф. Ленинград, 25—30 мая 1971 г., Л., 1973.

Откупщиков Ю. В. Балканомалоазийские топонимические изоглоссы. В кн. «Балканское языкознание». М., 1973.

Петлева И. П. Праславянский слой лексики сербохорватского языка, II. В кн. «Этимология 1971». М., 1973.

Ройзензон Л. И. Следы прасла-

вянских устойчивых словесных комплексов во фразеологии современных славянских языков. Тр. Самарк. ун-та, 1972, вып. 234. Бюл. по фразеологии, № 1.

Симонов Р. А. Об особенностях цифровой системы, употреблявшейся в кириллических рукописях X—XV вв. В кн. «Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР», вып. 1. М., 1973.

Супрун А. Я. Палабск. *glott'e* беллар. *gladki*. Весн. Беларус. ун-та. Філалогія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія. Мінск, 1973, № 1.

Тихомирова Т. С. Варьирование значения падежной конструкции в зависимости от числовой принадлежности падежной формы. (Творительный целостно-разделительный в современном польском языке). В кн. «Славянская филология». Сб. ст., вып. 8. М., 1973.

Тодоров И. История текста и история литературного языка. (Анализ текстов новой болгарской литературы XVIII—XIX вв. как материал для исследования формирования и развития новоболгарского языка.) В кн. «Текстология славянских литератур», Докл. конф. Ленинград, 25—30 мая 1971 г. Л., 1973.

Топоров В. Н. К фракийско-балтийским языковым параллелям. В кн. «Балканское языкознание». М., 1973.

Трубачев О. Н. Заметки по этимологии некоторых нарицательных и собственных имен. В кн. «Этимология 1971». М., 1973.

Усачева В. В. Материалы для словаря славянских названий рыб. I. (Семейство *Cyprinidae*). В кн. «Этимология 1971». М., 1973.

Усикова Р. П. Значения и употребление причастий в македонском литературном языке. В кн. «Балканское языкознание». М., 1973.

Цейтлин Р. М. Заметки по старославянской лексикологии. В кн. «Этимология 1971», М., 1973.

Шаур В. К вопросу о реконструкции праславянских названий месяцев. В кн. «Этимология 1971». М., 1973.

Широква А. Г. Наблюдения над употреблением многократных глаголов второй степени в чешском языке. В кн. «Славянская филология». Сб. ст., вып. 8. М., 1973.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Z pola walki», 1973, № 1

Пятнадцать лет «Z pola walki». Размышления и планы; Н. Микта. Еще раз об образовании и деятельности СДКП; Ж. Корманова. Рабочий класс Австралии и его историография.

«Československý časopis historický», 1973, № 3

Я. Липтак, М. Шпичак. Февраль 1948 г. и чехословацкие вооруженные силы; А. А. Фурсенко. Нефть и политика на рубеже XIX и XX вв.; Л. Докоупил. Территориальные и

социальные передвижки населения Остравского промышленного района в период его формирования и первоначального развития; З. В о г а ч. Патроцинии как один из источников по истории заселения страны; З. Ф и а л а. Кристиан — знаток истории X века?; И. К е й р ж. Вогастисбург — burgum?

«Historijský časopis», 1973, № 2

П. Г а п а к. Промышленный переворот и развитие городов в условиях капитализма; З. Г о л о т и к о в а. Города Словакии в межвоенный период; М. Б а р н о в с к и. Некоторые проблемы развития городов Словакии в период социалистической индустриализации.

«Slovanský přehled», 1973, № 3

Ф. Г а в л и ч е к. Историческое значение возникновения рабочей партии ленинского типа; К. Г е р м а н. Международное значение II съезда РСДРП; М. С у т т ы. Первые шаги крестьянской реформы в России; И. Б а к е ш о в а. Помощь СССР освобожденным областям Маньчжурии в 1945—1949 гг.; М. Ш е с т а к. Чехи и хорватская оппозиция 80-х гг. XIX в.

«Česká literatura», 1973, № 3

М. П о г о р с к и. Человек и история — общественный роман тридцатых годов; М. Б л а г и н к а. Поэтесса М. Пуйманова; Д. М а р к о в. О формах художественного обобщения в социалистическом реализме.

«Slovenská literatura», 1973, № 2

Е. В а р о ш о в а. Философия и романтизм; О. Ч е п а н. Романтический дух и романтическая предметность; В. Т у р ч а н ы й. О ритме штуровского стиха; З. К л а т и к. Лирико-эпическая поэма в славянском романтизме.

№ 3

С. Р а к у с. Творчество Яшика-новеллиста; Л. Б а у е р. Интерпретация

новеллы Хробака «Друг Яшек»; О. Ч е п а н. Развитие литературы в 1918—1945 г.; Р. Л е с н я к. Типологические проблемы исследования восприятия литературы; Н. К р а у с о в а. Текстология и поэтика.

«Slavia», 1973, № 2

В. П о л а к. Консолидация славянского типа в более широких восточно-европейских взаимосвязях; Ф. К о п е ч н ы. Быть — *verbum existential (ve)*, связка (*vc*) и вспомогательное слово (*va*), переходящее в морфему в польском, чешском и словацком; А. Н а у м о в. Церковнославянская литература и литературная компаративистика; И. Д о р о в с к и. О славянско-греческих литературных связях начала XIX в.

«Jezik in slovstvo», 1971—1972, № 7—8

Ф. Я к о п и н. Памяти Милко Коса; Б. О р о ж е н. Поучительная экскурсия в три долины: Савинско, Шалешко и Задречко; Й. К о р у з а. О начале словенской поэзии; Ф. П е т р е. Стили в межвоенной словенской литературе; С. К о т н и к. Активный сравнительный подход при изучении грамматики и его методическое значение; А. Л о г а р П л е ш к о. Иво Брнчич как художник; Ф. Я к о п и н. Об адаптации иноязычных слов в русском и словенском; Б. П а т е р н у. Профессору Эмилу Штампару — шестьдесят лет.

1972—1973, № 1—2

Ф. Я к о п и н. Значение Яна Бодуэна де Куртене для словенистики; Й. К о р у ж а. Обзор словенской драматургии; В. С м о л е й. О языке в освободительной борьбе; М. К м е ц л. Словенский литературный авангардизм в 20-е годы XIX в.; Ф. Ж а г а р. Быстрое чтение; Б. Г о л о б. Улучшать изучение родного языка в профессиональных училищах; Г. К о ц и я н. Словенская художественная литература на сербохорватской языковой территории (1945—1970 гг.).

В КОМИТЕТЕ ПО ИЗУЧЕНИЮ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР ПРИ КОМИССИИ СССР ПО ДЕЛАМ ЮНЕСКО

Решением Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО в конце 1972 г. был создан Комитет по изучению славянских культур и утвержден его состав.

Основная задача Комитета — координация усилий соответствующих научных и культурных учреждений СССР по использованию Проекта ЮНЕСКО «Изучение славянских культур» для укрепления дружеских связей между народами европейских социалистических стран, для содействия широкой популяризации культурных ценностей славянских народов во всем мире.

Комитет возглавляет директор Института славяноведения и балканистики АН СССР член-корреспондент АН СССР Д. Ф. Марков; в Комитет входят видные советские ученые — специалисты в области истории и культуры славянских народов, представители академических институтов, институтов Министерства культуры СССР, творческих организаций.

Учредительное заседание Комитета, состоявшееся 12 марта 1973 г., было посвящено проблемам участия СССР в Проекте ЮНЕСКО. На заседании были подведены итоги международной научной конференции ЮНЕСКО «Гуманистическое и общественное значение славянских литератур» (Варшава, сентябрь 1972 г.).

На апрельском заседании Комитета заслушивались сообщения В. И. Злыднева и А. Л. Дымшица о мероприятиях по реализации Проекта ЮНЕСКО в Советском Союзе в 1973—1974 гг., а также о перспективном плане на 1975—1976 гг.

В результате обсуждения Комитетом была одобрена предложенная Институтом славяноведения и балканистики АН СССР программа проведения международной комплексной конференции «Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций (XVIII—XIX вв.)». Были приняты также конкретные решения по подготовке очерков в серии «Великие деятели славянских культур», по составлению Антологии славянской лирики XIX — начала XX вв., по подготовке советской части альбомов по искусству.

Комитет одобрил работу по выявлению важных исследовательских тем по исто-

рии культуры славянских народов, разрабатывающихся советскими учеными и представляющих интерес в плане программы Проекта ЮНЕСКО, рекомендовав установить более тесные научные и культурные контакты с учеными и научными учреждениями других стран — участниками Проекта.

Комитет поддержал ценную инициативу Киевской киностудии, приступившей к работе над научно-популярным фильмом «Славянские культуры IX—XVII вв.», способствующим популяризации культуры славянских народов в разных странах, и вынес решение просить Институт славяноведения и балканистики АН СССР осуществить научную консультацию фильма.

Как основное мероприятие Проекта «Изучение славянских культур» на 1975—1976 гг. Комитет рекомендовал провести в 1976 г. международную комплексную конференцию «Взаимодействие славянских культур и их связи с культурами Востока и Запада (XIX—XX вв.)», поддержать организацию советско-болгарского симпозиума, посвященного культурным связям России с балканскими странами в эпоху средневековья, провести симпозиум: «Роль славянских литератур в мировой кинематографии» (1975), а также принял ряд конкретных решений по изданию совместно с зарубежными учеными коллективных и обобщающих трудов по истории мирового славяноведения, древним литературам, искусству и этнографии славянских народов.

Центральным мероприятием Проекта в Советском Союзе станет международная комплексная конференция «Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций (XVIII—XIX вв.)». Конференцию намечается провести в Москве осенью 1974 г. Организационные функции возложены на Институт славяноведения и балканистики АН СССР совместно с Комиссией СССР по делам ЮНЕСКО.

В работе конференции примут участие ученые разных специальностей — историки, филологи, искусствоведы, театроведы, фольклористы. При этом основное

внимание будет уделено проблемам историко-культурного процесса.

Основной целью планируемой конференции является привлечение внимания широкой общественности разных стран к достижениям славянских культур, сосредоточение усилий ученых на исследовании важнейших закономерностей историко-культурного процесса славянских народов, а также содействие развитию контактов между учеными многих стран в целях совместного решения основных проблем истории культуры.

Комитет выдвинул ряд конкретных проблем, на которых должно быть сосредоточено основное внимание участников конференции. Среди них — соотношение историко-культурного и социально-исторического процессов в эпоху формирования славянских наций; социальные, философские и эстетические идеи, их роль в развитии национальных культур; культура и национально-освободительное движение славянских народов; формирование национального литературного языка и его значение для националь-

ной культуры; роль фольклора в становлении национальной культуры; вклад славянских народов в мировую культуру в период формирования наций и другие проблемы.

К началу работы конференции Институтом научной информации по общественным наукам и Библиотекой им. В. И. Ленина будет подготовлена и издана библиография основных трудов, посвященных этой проблематике.

Комитет по изучению славянских культур при Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО считает, что в научном отношении конференция «Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций (XVIII—XIX вв.)» будет содействовать активизации усилий ученых в комплексной разработке мало исследованных проблем истории культуры восточных, западных и южных славян; в политическом отношении она послужит улучшению взаимопонимания между народами и сближению деятелей науки и культуры.

Л. Титова

НОВАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ КОМИССИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

14—15 июня с. г. в Москве в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялось совещание экспертов-балканистов, на котором были рассмотрены план работы и организационные вопросы новой постоянной исследовательской комиссии «Балканы в современную эпоху» Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы (МАИЮВЕ). Принципиальное решение о создании этой комиссии было принято по инициативе советских ученых-балканистов на заседании бюро МАИЮВЕ, состоявшемся в мае 1971 г. в Венеции. На сессии Международного комитета МАИЮВЕ, проходившей в июле 1972 г. в Софии, это решение было одобрено и была утверждена группа экспертов, которой в тесной координации с Генеральным секретарем Ассоциации акад. Э. Кондураки (Румыния) было поручено обсудить проекты плана работы и организационной структуры комиссии. Разработка вышеуказанных проектов и проведение совещания экспертов были возложены на Балканскую секцию Национального комитета историков Советского Союза, являющуюся советской национальной организацией ученых-балканистов в составе Ассоциации (председатель секции д-р ист. наук проф. А. Ф. Миллер с начала деятельности МАИЮВЕ занимает пост одного из ее вице-президентов).

В совещании приняли участие от Болгарии — вице-президент Ассоциации

проф. Н. Тодоров, от Румынии — Генеральный секретарь Ассоциации акад. Э. Кондураки и директор секретариата Ассоциации П. Георгиу, от СССР — А. Ф. Миллер, д-р ист. наук В. Н. Виноградов, д-р ист. наук Ю. А. Петросян, канд. филол. наук И. М. Шептунов, канд. ист. наук В. В. Зеленин, от США — проф. И. Сандерс, от Франции — проф. Ж. Каstellан, от Югославии — проф. Й. Марьянович. Собравшихся приветствовали председатель Национального комитета историков Советского Союза акад. Е. М. Жуков и директор Института славяноведения и балканистики АН СССР член-корр. АН СССР Д. Ф. Марков.

Исходя из необходимости комплексного изучения Юго-Восточной Европы в новейшее время, участники совещания пришли к согласованному мнению, что работа Комиссии «Балканы в современную эпоху» должна носить междисциплинарный характер и, не дублируя тематику уже действующих комиссий Ассоциации (по социально-экономической истории, лингвистической, фольклорной, по истории идей и др.), охватывать широкий круг проблем по всеобщей истории, истории культуры (включая историю науки и искусства), философии, социологии, литературоведения, экономики, права, этнографии и др. При этом главное внимание следует уделять проблемам и сюжетам, освещающим взаимное сотрудничество балканских стран и их сотрудничество с небалканскими государствами.

вклад балканских народов в дело прогресса и цивилизации, в борьбу за установление прочного мира.

Совещание рассмотрело составленный в соответствии с этой основной идеей перспективный план работы Комиссии, рассчитанный на 10—15 лет.

В качестве краткосрочного плана было утверждено предложение Балканской секции Национального комитета историков Советского Союза о подготовке совместной публикации документов на тему «Балканы между двумя мировыми войнами». Задача этой публикации — показать на документальном материале вклад народов Юго-Восточной Европы в дело защиты мира, борьбы за общую безопасность на Балканах в указанный период. Было принято решение провести по этой проблеме и специальный симпозиум.

Совещание экспертов обсудило порядок работы новой исследовательской комиссии, предложило состав редакционной коллегии планируемого сборника документов. Планы, рассмотренные совещанием экспертов, подлежат утверждению на очередном заседании Бюро Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы.

Создание комиссии «Балканы в современную эпоху» открывает новое поле деятельности для большого отряда ученых-балканистов, интересующихся проблематикой новейшего времени (решено, что в сфере интересов комиссии войдет период с начала XX в. и до наших дней) и будет способствовать дальнейшему укреплению сотрудничества и взаимопонимания ученых.

В. В. Зеленин

КИШИНЕВСКИЙ СИМПОЗИУМ «ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ЭПОХУ ФЕОДАЛИЗМА»

15—17 мая 1973 г. в г. Кишиневе состоялся всесоюзный симпозиум по проблемам средневековой истории Юго-Восточной Европы, организованный Институтом славяноведения и балканистики АН СССР и Институтом истории АН Молдавской ССР. В работе симпозиума участвовали сотрудники Института славяноведения и балканистики, Института востоковедения, Института всеобщей истории, Института археологии, Института истории СССР, Института этнографии АН СССР, Института истории АН Молдавской ССР, ученые других научных учреждений Молдавии, Грузии, Литвы, Украины, ряда городов РСФСР, а также ученые из зарубежных социалистических стран (Болгарии, Польши, Чехословакии); всего в работе симпозиума участвовало свыше 100 человек.

Симпозиум был открыт приветственным словом президента АН Молдавской ССР чл.-корр. АН СССР Я. Гросула. Акад. Л. Черешнин в своей вступительной речи дал общую характеристику основных направлений исследования проблем феодализма в Юго-Восточной Европе. Директор Института славяноведения и балканистики АН СССР чл.-корр. АН СССР Д. Марков, отметив главные черты работы Института в области изучения балканских стран, подчеркнул важность и актуальность комплексной разработки истории Юго-Восточной Европы в эпоху феодализма. От имени зарубежных гостей участников симпозиума приветствовал вице-президент Чехословацкой АН акад. Й. Поулик.

Работа симпозиума проходила в форме свободной дискуссии «за круглым столом» по докладам, представленным на сим-

позиум и опубликованным в виде обширных резюме отдельным изданием (сборник «Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма», изд-во «Штиинца», Кишинев, 1973). Доклады разделяются на два больших тематических комплекса.

Первый комплекс (15 докладов) посвящен проблемам типологии феодализма и особенностям социально-экономического развития Юго-Восточной Европы в средние века. Эта весьма обширная и многосторонняя тематика нашла свое отражение (как в представленных докладах, так и в дискуссии) в трех основных проблемных направлениях. Прежде всего внимание участников симпозиума привлекли социально-экономические вопросы, которые связаны с возникновением феодального строя в Центральной и Юго-Восточной Европе и этнополитическими изменениями, совершившимися здесь, начиная с эпохи Великого переселения народов (в V—XII вв.). Особенно подробно были рассмотрены проблемы соотношения внутренних и внешних факторов в процессе феодализации, вопрос о так называемой «контактной» зоне и наличии элементов античного континуитета, проблема роли городов в процессе генезиса феодализма в Днестровско-Прутском междуречье (IX—XII вв.) по археологическим данным и развития молдавских городов вплоть до XV в. Подробно о результатах археологических исследований великоморавских памятников рассказал собравшимся акад. Й. Поулик.

Второй круг вопросов включал проблемы типологизации, определения и уточнения критериев и характерных черт феодального строя в странах как Юго-

Восточной, так Западной и Восточной Европы, отчасти Востока. Выступавшие стремились уточнить общие черты и локальные особенности феодального развития отдельных стран Балканского полуострова. Особый интерес среди участников симпозиума вызвала проблема сходства и различия конкретных путей феодального развития балканских стран (Византии, Сербии, Болгарии, Далмации, Молдавии) в их сопоставлении с феодальными отношениями в Западной Европе, а также в странах Центральной Европы и на Руси. Дискуссия показала настоятельную необходимость привлечения для решения проблем общеевропейского средневековья исторических материалов о прошлом Юго-Восточной Европы (в период существования самостоятельных государственных образований — вплоть до турецкого завоевания), равно как и источников по истории османского феодального строя.

Наконец, состоялась обстоятельная дискуссия по тем докладам, в которых трактовалась социально-экономическая история балканских стран (в частности, Сербии, Византии, Молдавии, отчасти венецианской Далмации) в период турецкой экспансии, вопросы перестройки феодальной системы балканских стран после их завоевания или подчинения турками-османами. Дискуссия показала, что есть реальная возможность для важных историко-сравнительных обобщений при изучении особенностей развития стран Юго-Восточной Европы. Особенно интересными оказались сравнения социально-экономических процессов в Молдавии и Ва-

лахии, а также в южнославянских землях и западной Грузии.

На заседаниях, посвященных рассмотрению второго крупного комплекса докладов (10 докладов), были обсуждены кардинальные проблемы политической истории Юго-Восточной Европы XV—XVIII вв., тесным образом связанные с социально-экономическими процессами времен османского владычества на Балканах. В центре внимания участников симпозиума находился вопрос о последствиях и влиянии турецкой экспансии на судьбы народов Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европы, проблемы формирования многонационального государства в Дунайском бассейне, роль России в борьбе с османским нашествием, помощь России национально-освободительному движению балканских народов. В докладах и дискуссии получили обстоятельное освещение проблемы внешней политики Молдавии и Валахии, их взаимоотношений с Россией, Польшей и многонациональной дунайской державой Габсбургов, внешнеполитических отношений Османской империи и Крыма с названными странами и др.

В резолюции симпозиума были подведены итоги его работы и поставлен вопрос о превращении его в постоянно действующий. Собравшиеся обратились с просьбой к Институту славяноведения и балканистики созвать следующий симпозиум «Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма» в Москве в 1975 г.

Е. П. Наумов

СИМПОЗИУМ ПО ПРОБЛЕМАМ КАРПАТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

24—26 апреля 1973 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР проходил Международный симпозиум по проблемам карпатского языкознания, организованный сектором славянского языкознания Института. Значительное количество участников симпозиума (100 ученых из научных и учебных центров Советского Союза, а также Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши и Чехословакии) свидетельствуют о возрастании интереса со стороны лингвистов к языкам Карпато-Дунайского ареала. Начало в Институте после Первого всесоюзного координационного совещания по актуальным проблемам славяноведения (Москва, 1961) исследование языков данного ареала, как показала работа симпозиума, идет успешно и представляет собой перспективное направление славянского и балканского языкознания. На симпозиуме было прочитано 26 докладов, вызвавших оживленную и плодотворную дискуссию (тезисы

докладов и ряда сообщений опубликованы)¹.

Открывая симпозиум, директор Института славяноведения и балканистики АН СССР чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Марков, дал высокую оценку методологии комплексных исследований в целом и применительно к данному району лингвистических и культурных взаимодействий в частности.

Проф. С. Б. Бернштейн (Москва) в своем докладе «Вопросы интерференции языков Карпато-Дунайского ареала» остановился на узловых вопросах карпатистики как отдельной отрасли языкознания: языковая интерференция и языковые союзы в связи с определением типа взаимодействия языков рассматри-

¹ Симпозиум по проблемам карпатского языкознания. 24—26 апреля 1973 г. Тезисы докладов и сообщений. М., «Наука», 1973.

ваемого ареала, общее и особенное в языках Карпато-Дунайского ареала, древнекарпатская языковая ситуация, карпатское языкознание в связи с задачами славянского языкознания. С. Б. Бернштейн выделяет в качестве основных единиц, релевантных при описании языковой интерференции на Карпатах, карпатизмы и балканизмы, представляющие собой разнородный в этимологическом отношении материал. На основании единства, в частности, древнего субстрата рассматриваемая языковая зона определяется как северная карпатская периферия балканского языкового союза. С. Б. Бернштейн указал на необходимость деятельного участия лингвистов в ширящейся работе по всестороннему изучению Карпат и прилегающих районов.

Общим проблемам карпатологии были посвящены и некоторые другие выступления. Методологический характер носил доклад проф. А. Вашека (Брно) «Лингвистическая карпатология как лингвистическое понятие». А. Вашек определяет «лингвистическую карпатологию» как особый тип контактной лингвистики, в связи с чем устанавливаются методы работы в данной области: дескрипция, экспликация, дедукция, являющиеся в то же время последовательными этапами исследования. Проф. А. М. Рот (Ужгород) на основании структурно-типологического анализа языков и диалектов карпатского ареала устанавливает универсалии на всех языковых уровнях, моделируя язык — эталон этого ареала. Докладчик высказался в пользу существования карпатского типа языкового союза, определяя его вслед за С. Б. Бернштейном как северную, но автономную периферию балканского языкового союза. Проф. Э. Баледцкий (Будапешт) остановился в своем докладе на вопросах языковой интерференции и конвергенции на разных синхронных срезах и на разных языковых уровнях.

Существенный вклад в работу симпозиума внесли советские этнографы, а также активно участвовавшие в дискуссии историки, занимающиеся проблемами этногенеза. Доклад чл.-корр. АН СССР Ю. В. Бромлея и канд. ист. наук Н. Н. Грацианской (Москва) «Этнографические аспекты карпатоведения» был посвящен основным проблемам изучения Карпат как особой единой хозяйственно-культурной зоны. Наряду с другими вопросами авторы всесторонне осветили центральную и наиболее сложную проблему культуры населения Карпат — проблему колонизации Карпат на валахском праше, определив роль валахов как носителей специфического способа отгонного скотоводства в формировании этнографического облика Карпат, а также этническую принадлежность валахов и самого карпатского типа пастушества. Применительно к валахской колонизации

XIV—XVII вв. предлагается пользоваться термином «восточные романцы», «восточно-романское влияние» взамен традиционного и достаточно неточного термина «румынские влияния». Большой интерес вызвал также доклад д. ист. наук Т. Д. Златковской (Москва) «Некоторые особенности романизации земель между Балканами и Дунаем».

Определение роли Карпат на ранних этапах расселения индоевропейских племен в Европе — предмет представленного на симпозиум исследования канд. филол. наук Вяч. В. Иванова и канд. филол. наук В. В. Топорова (Москва). Устанавливается последовательность и направление движения групп индоевропейских племен относительно Карпат, а также подробно анализируется один мифологический комплекс, связанный со старым названием Карпат (и.-е. *Perk^u*). Выявляя определенные лингвистические данные, связывающие балтийский ареал с балканским, авторы приходят к выводу о том, что «пробывание славян на Карпатах и их дальнейшее движение на юг могут считаться важным этапом, отделившим их от балтов».

Канд. филол. наук Л. А. Гиндин (Москва) предложил этимологическую интерпретацию в свете комбинаторного анализа фракийских ономастических реликтов и фактов хетто-лувийских языков двух этнонимов *Kozto-βō-χoi* и *Σαβō-χoi*, установив, что тождество следования *-βōχoi* первого и второго — результат немотивированной омофонии.

В целой серии выступлений на симпозиуме утверждалась высокая продуктивность лингвогеографического метода изучения карпатской лексики, причем основным материалом для подавляющего большинства исследований служат Карпатский диалектологический атлас (КДА). Так, в докладе канд. филол. наук Г. П. Клепиковой (Москва) «Об изучении лексических заимствований из румынского языка в карпатоукраинских говорах» дается лингвогеографическая интерпретация романского языка заимствований, а также заимствований через посредство румынского языка, устанавливаются ареалы распространения отдельных лексем, определяется зона наибольшего «насыщения» заимствованиями из румынского. Доклад д-ра К. Гутшмидта (Берлин) был посвящен особой роли словенского языкового материала в связи с южнославяно-карпатскими параллелями и специально установленному ряду карпатоукраинско-южнославянских лексических изоглосс. На расширенши территории исследований за пределы Карпат настаивал и проф. А. Заремба (Краков) в своем докладе «Из проблематики карпатской лексики и семантики на польско-словацкой языковой границе». Доклад ст. научн. сотр. М. Младенова

(София) «Распространение некоторых карпатизмов в болгарских говорах» содержал ряд лексических изоглосс, связывающих Карпато-Дунайский языковой ареал с сопредельным балканским регионом. Лингвогеографические методы исследования карпатской диалектной лексики лежат в основе других представленных на симпозиум сообщений: проф. Г. Ф. Шило (Львов) — «К вопросу о лексических карпатизмах»; проф. П. Н. Лизанца (Ужгород) — «Лингвогеографический аспект в исследовании лексических заимствований в украинских говорах карпатского ареала»; В. В. Усачевой (Москва) — «Польские диалекты карпатского ареала и КДА»; доц. Н. В. Никончука (Житомир) — «О некоторых карпато-полесских изоглоссах в терминологии ткачества».

Канд. филол. наук Я. В. Закревская (Львов) в лингвогеографическом плане исследовала словообразовательную систему украинских говоров карпатского ареала, а канд. филол. наук Р. Я. Удлер (Кишинев) применил данный метод при описании определенных фонетических процессов, связывающих карпатский ареал с северо-восточной частью молдавского языкового массива.

Описанию отдельных лексических слоев посвящены были доклады и сообщения проф. И. А. Дзендзелевского (Ужгород) — «Из наблюдений над лексикой народной ветеринарии украинских говоров района Карпат», В. В. Манивчука (Донецк) — «Лексика лесных промыслов Карпат как

источник изучения межъязыковых контактов» и проф. В. И. Ороса (Ужгород) — «К проблеме сохранения древнерусских лексических элементов в юго-западных украинских говорах».

Кроме широко представленных лингво-этнографических исследований на симпозиуме обсуждались также и некоторые вопросы культуры и истории народов карпатской зоны, доклады и сообщения Ю. И. Смирнова (Москва), Л. В. Марковой (Москва), Н. И. Дзендзелевской (Москва).

Большой интерес вызвал доклад канд. филол. наук И. Е. Можаяевой (Москва) «Вопросы интерференции языков и диалектов карпатского ареала в освещении советских ученых».

В принятых «Решениях международного симпозиума „Проблемы карпатского языкознания“» подведены итоги и намечены некоторые перспективы дальнейшей работы в области карпатистики. Признана необходимость создания «Общекарпатского диалектологического атласа» совместными усилиями лингвистов СССР и других стран. Было поддержано и предложение проф. И. А. Дзендзелевского о создании «Лингво-этнографического атласа Карпат». В «Решениях» была специально отмечена также необходимость дальнейшей библиографической работы и, в частности, публикации библиографических бюллетеней как важного условия успешного развития карпатистики.

Т. Менская

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СЛАВИСТОВ В МИНСКЕ

С 15 по 19 мая 1973 г. в Белорусском ордена Трудового Красного Знамени государственном университете им. В. И. Ленина проходила II республиканская научная конференция, посвященная проблемам типологии и взаимодействия славянских языков и литератур. В работе конференции, кроме славистов Белоруссии, приняли участие ученые Москвы, Киева, Вильнюса и других городов Советского Союза, а также Варшавы, Кракова, Софии и Иены. На двух пленарных и 15 секционных заседаниях было заслушано и обсуждено 96 докладов и сообщений¹.

Наибольшим числом были представлены доклады языковедческие. Четыре из них были заслушаны на пленарных заседаниях: доклады А. Е. Супруна

(Минск)² «Проблема системной организации специальной лексики в славянских языках», А. И. Журавского «Проблемы преемственности в истории белорусского литературного языка», С. Б. Бернштейна (Москва) «Вопросы интерференции языков карпато-дунайского бассейна» и Л. М. Шакуна, информировавшего о состоянии славистической науки в Белорусском университете и путях ее дальнейшего развития.

На девяти секционных заседаниях языковедов обсуждались вопросы взаимодействия славянских языков, их лексической и грамматической соотношенности, сравнительно-сопоставительного анализа отдельных фонетических явлений и явлений грамматики, двуязычия, перевода, фразеологии, антропонимии и другие.

Так, в докладе П. П. Шубы рассматривались факты межъязыковой омонимии

¹ См. «Тыпалогія і ўзаемадзеянне славянскіх моў і літаратур. Тэзісы дакладаў і паведамленняў II рэспубліканскай канферэнцыі». Мінск, 1973.

² Ниже при фамилиях участников конференции — минчан город Минск не указывается.

и паронимии в условиях белорусско-русского двуязычия, в докладе Н. И. Толстого (Москва) акцентировалось внимание на важности применения сравнительно-типологических и лингвогеографических методов изучения славянской обрядовой терминологии.

Вопросы сравнительно-сопоставительного анализа, сравнительно-типологического и генетического изучения лексики освещались в докладах В. Д. Бондалетова (Пенза) «Белорусские арго и их отношение к арго русским и украинским», Г. А. Цыхуна «Белорусско-болгарские лексико-семантические параллели. Генетическое тождество или типологическое сходство?», И. С. Козырева (Орел) «О некоторых типах соотношения лексики белорусского и русского языков», А. П. Непокупного (Киев) «Полесск. *швораб* на фоне славянских и балтийских названий воробья», В. В. Мартынова «Этнографическая интерпретация славянских названий меди и железа», О. В. Озаровского (Тамбов) «К типологии способов выражения согласия — несогласия в славянских языках», Т. И. Панько (Львов) «Взаимосвязи в процессе формирования и развития восточнославянской экономической терминологии», В. Витковского (Краков) «Названия минералов в славянских языках» и другие.

В докладе М. Г. Булахова «О сравнительной лингвистической оценке переводов „Слова о полку Игореве“ на современные восточнославянские языки» был поставлен вопрос о необходимости построения лингвистической типологии переводов «Слова». Вопросы изучения истории белорусского языка на Украине был посвящен доклад Л. М. Шакуна «Вопросы истории белорусского литературного языка в освещении украинского языкознания».

Новые данные о судьбе старой белорусской письменности на территории Литвы содержались в сообщении А. К. Антоновича (Вильнюс).

О типологическом изучении лексики говорилось в докладе И. В. Шадурского, о смысловой близости слов с психолингвистической и типологической точек зрения — в сообщении Б. А. Плотникова.

Вопросы синтаксиса славянских языков освещались в частности в докладах Б. Ю. Нормана «Корреляция двух измерений синтаксического дерева подчинения», С. И. Сятковского (Варшава) «О принципах конфронтационно-исторического синтаксиса», А. Е. Михневича «О некоторых аспектах аналитических конструкций в славянских языках», Е. Ф. Широкоград (Харьков) «Об одной синтаксической структуре в современных восточнославянских языках».

Конкретные вопросы сравнительной фонетики и морфологии были рассмотрены в докладах В. Ю. Франчук (Киев) «Значение данных белорусского языка для

освещения истории восточнославянских местоимений», И. Васевой-Кадьянковой (София) «Прилагательные с уменьшительно-оценочными суффиксами в русском и болгарском языках», И. Ф. Молдавана (Запорожье) «Типологический анализ категории общего рода восточнославянских языков», Н. Т. Войтович «О позиционной долготе гласных», Х. Бауманна (Йена) «Фатер и Болдырев: неизвестная работа Болдырева о русском глаголе».

Антропонимической тематике были посвящены доклады И. Д. Сухомлина (Днепропетровск) «О системно-типологическом изучении русской, украинской и белорусской антропонимии», А. А. Свашенко (Харьков) «Об источниках системного изучения восточнославянской антропонимии», И. М. Железняк (Киев) «Белорусская и русская ойконимия как источник реконструкции древних славянских имен», Н. М. Морозовой (Москва) «Имена собственные в восточнославянских языках» и другие.

С докладами, посвященными вопросам диалектологии, взаимовлияния диалектов и литературных языков и др., выступили В. Л. Веренич («Периферийный диалект как посредник украинско-белорусского влияния на общепольский язык»), В. Г. Руделев (Тамбов) «Архаичное диссимильативное аканье в русских, белорусских и украинских диалектах», В. А. Высочина (Днепропетровск) «Язык белорусских переселенцев на территории Днепропетровщины» и другие языковеды.

Вопросы сравнительного словообразования освещались в докладах и сообщениях В. П. Краснея «К вопросу о сравнительном изучении белорусского и русского терминообразования», Р. И. Могилевского (Самарканд) «К вопросу о сочетаемости „аббревиатем“ в составе слоговых сокращенных слов в славянских языках», А. Д. Зверева (Черновцы) «Прилагательные восточнославянских языков, мотивированные названиями учреждений и организаций», П. В. Верхова «К вопросу о славянских и неславянских суффиксальных морфемах в словообразовательной системе существительных белорусского языка», Н. А. Павленко «О дублетности женских личных номинаций в белорусском языке XVI—XVIII вв.».

Тематика литературоведческая была представлена на пленарных заседаниях докладами Н. И. Кравцова (Москва) «Прогрессивно-демократическая поэзия славянских народов конца XIX — начала XX в.», М. Г. Ларченко «Проблема изучения взаимосвязей славянских литератур» и докладом Л. И. Фигловской о развитии литературоведения в Белорусском государственном университете им. В. И. Ленина.

Значительное количество докладов и сообщений было связано с проблемой взаимосвязи литератур. Эта проблема рассматривалась в докладах Е. З. Цы-

бенко (Москва) «Ярослав Ивашкевич и русская литература», П. П. Охрименко (Сумы) «Белорусско-русские литературные взаимосвязи древнего периода», В. И. Хитаршвили (Тбилиси) «Роль русской культуры как „посредника“ в польско-грузинских литературных связях XIX в.», М. Я. Гольберга (Дрогобыч) «Белорусские образы и мотивы в украинской советской поэзии» и другие.

Вопрос о горьковских традициях в литературе Белоруссии и Украины рассматривался в ряде докладов, например, О. В. Козловой «Горьковские традиции в трилогии Я. Коласа „На ростанях“», С. А. Лысенко «Драматургическое наследие Я. Галана и горьковские традиции», К. И. Бурмистровой «Концепция главного героя в романе Якуба Коласа „На ростанях“ (к вопросу о горьковских традициях)». Вопросы перевода и типологии литератур и языков дали свое освещение в докладе П. И. Кожанева. Проблемы перевода были также объектом исследования и других участников секции литературоведения (см. доклады Э. М. Мартыновой «Леся Украинка на белорусском языке», Л. П. Бондарь (Киев) «Белорусская поэзия как факт украинской литературной жизни в юбилейном 1972 г.»).

Сопоставительный анализ творчества разных писателей и отдельных произведений славянских литератур был дан в сообщениях И. В. Шабловской «Сопоставительный анализ белорусской и чешской поэзии военных лет», И. А. Денисюк (Львов) «Проблема интернационализации литературного процесса в концепции И. Франка и М. Богдановича»,

Л. И. Мищенко (Львов) «Революционный идеал в поэзии Леся Украинки и Цётки». Вопросы типологии украинской, белорусской, чешской и польской прозы нашли освещение в докладе В. П. Саенко (Одесса).

Были заслушаны также доклады ученых ГДР и НРБ — Г. Шауманна (Йена) «Пискатор в советской критике» и Г. Германова (София) «Аспекты восприятия драматургии Лермонтова в Болгарии», а также доклады О. А. Лойко «Фольклорные источники романтизма Адама Мицкевича», Н. П. Евстигнеевой «Первая белорусская советская историческая драма», Н. Н. Посевдова «„Черный фонарь“ Ю. И. Крашевского и русский реалистический роман XIX в.», Л. Ф. Сеняк «Типологические особенности становления восточнославянского романа», Н. Н. Ромашко «Классические традиции в современной советской прозе».

Специальное заседание литературоведческой секции было посвящено вопросам изучения фольклора, где были прочитаны доклады В. А. Захаровой «Некоторые задачи историко-типологического изучения фольклора белорусского Полесья», В. И. Лучук (Львов) «Творческие связи Я. Д. Ярославенко с Г. Р. Ширмой» и другие.

На заключительном пленарном заседании было отмечено, что конференция способствовала введению в научный оборот большого количества нового материала, дальнейшему тесному сотрудничеству исследователей и координации их научной деятельности.

Н. С. Можейко

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ

7 июня с. г. в Едином центре науки и подготовки кадров по истории при БАН в Софии состоялась защита докторской диссертации старшим научным сотрудником Института славяноведения и балканистики АН СССР В. Д. Конобеевым. Тема диссертации — «Болгарское национально-освободительное движение (идеология, программа, развитие)».

Защита диссертации проходила в обстановке исключительного интереса к ней со стороны болгарской научной общественности. В. Д. Конобеев был представлен Ученому совету научным секретарем Единого центра науки и подготовки кадров по истории при БАН Борисом Матеевым. Официальными оппонентами были акад. Димитр Косев, доктор исторических наук старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР И. И. Костюшко и проф., доктор исторических наук директор Единого центра

науки и подготовки кадров по истории Николай Тодоров.

Официальные оппоненты дали высокую оценку диссертационному труду В. Д. Конобеева, специалиста по истории болгарского национального Возрождения. Представленный для защиты в качестве докторской диссертации труд В. Д. Конобеева, изданный на болгарском языке в издательстве «Наука и искусство» в 1972 г., — подчеркнул акад. Косев, — является результатом многолетних исследований, продолжительных поисков автора в болгарских и советских архивах. В этом труде В. Д. Конобеев по-новому освещает ряд основных проблем болгарского национального Возрождения, борьбы болгарского народа за национальное и социальное освобождение, русско-болгарского боевого содружества. Отметив ряд достоинств диссертации В. Д. Конобеева, акад. Косев в заключение подчеркнул: «Научные исследова-

ния В. Д. Конобеева, обобщенные в этом труде, дают совсем новое представление о масштабах и значении болгарского национально-освободительного движения в 1806—1813, 1828—1830 и 1853—1854 гг. Этот труд является бесспорно крупным вкладом в исследование истории болгарского национального Возрождения. И. И. Костюшко также высоко оценил диссертацию. Остановившись на вкладе В. Д. Конобеева в изучение истории Болгарии: разработке и исследовании таких важных вопросов, как генезис капитализма в Болгарии, аграрные отношения периода Возрождения, национально-освободительное движение болгарского народа, достигшее своего наивысшего подъема в период восточного кризиса, идеология и программа национально-освободительного движения с середины XVIII в. до 70 годов XIX в. и др., И. И. Костюшко подчеркнул: «Диссертация В. Д. Конобеева является крупным и оригинальным исследованием. В ней более или менее обстоятельно освещены многие вопросы весьма сложной проблемы национально-освободительного движения в Болгарии, формирования и развития его идеологии и программ». Оппонент сделал и некоторые критические замечания.

Н. Тодоров в качестве самого важного достижения работы В. Д. Конобеева отметил разработку вопроса о роли и месте вооруженной борьбы болгарского народа

в первой половине XIX в., о политической сущности добровольческого движения, появившегося в ходе русско-турецких войн, открытие и исследование им политической программы болгарского национально-освободительного движения на начальном этапе Возрождения. Наряду с этим Н. Тодоров сделал и некоторые критические замечания, особенно относительно постановки В. Д. Конобеевым вопроса об аграрной программе и об аграрных отношениях вообще в период болгарского национального Возрождения. В заключение Н. Тодоров подчеркнул: «Рецензируемая книга получила высокую оценку всех специалистов, и нет историка, специалиста по болгарскому национальному Возрождению, который, приступая к рассмотрению болгарского национально-освободительного движения, не обратится к солидным данным и выводам Конобеева».

В обсуждении диссертации приняли участие и чл.-корр. БАН, директор Института истории БАН проф. Хр. Христов, директор Института этнографии БАН проф. В. Хаджишиколов, старшие научные сотрудники К. Шарова, С. Димитров и другие.

Ученый совет Единого центра науки и подготовки кадров в области истории при БАН единодушно присудил В. Д. Конобееву ученую степень доктора исторических наук.

Стефан Великов

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И СЛОВАЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА

11 и 12 декабря 1972 г. в горном отеле, расположенном недалеко от Братиславы, состоялась научная конференция на тему «Советский Союз и словацкая литература». Конференция была посвящена 50-летию образования СССР. Ее организаторами были Институт мировой литературы и языков Словацкой академии наук совместно с Союзом словацких писателей и Социалистической академией Словакии.

Заседание открыл директор Института мировой литературы и языков САН, канд. филол. наук М. Мольнар. С приветственным словом в адрес конференции обратился заместитель генерального консула СССР в Братиславе Ю. Л. Асатуров. В работе конференции приняли активное участие зам. директора Дома советской культуры и техники в Праге, канд. филол. наук В. Лазарев, прочитавший доклад «Максим Горький и Словакия», а также переводчик из Ужгорода Ю. Шкробинец, выступивший в дискуссии по вопросам перевода. На конференции присутствовал также сотрудник ЦК КПС канд. филол. наук В. Черевка.

Конференция носила прежде всего

рабочий характер. На ней выступили видные литературоведы — словакисты, русисты и украинисты, которые в своих выступлениях стремились дать исторический обзор связей между словацкой литературой и Советским Союзом и глубже осветить некоторые конкретные проблемы.

С интересом были заслушаны выступления двух основателей общества ДАВ, которое одним из первых проявило активный интерес к Советской России в период первой республики.

Канд. филол. наук Д. Окали говорил о связях левой словацкой интеллигенции с Советским Союзом перед второй мировой войной. Народный художник, писатель Ян Поницан поделился личными воспоминаниями о советско-словацких культурных связях в период домюнхенской республики.

Богатством фактического материала были отмечены сообщения зам. министра культуры ССР, канд. филол. наук В. Хома, канд. филол. наук С. Лесняковой. Доклад В. Хома был посвящен проблемам издания советской литера-

туры в Словакии после 1945 г. В. Хом рассмотрел издательскую политику в связи с идейными спорами и идеологической борьбой, и в заключение наметил задачи в области переводческой деятельности. С. Леснякова, коснувшись в своем выступлении переводов на словацкий язык русской классической и советской литературы, сделала вывод, что эти переводы сыграли значительную роль не только в период становления словацкого реализма (конец XIX в.), но и при формировании словацкой социалистической литературы в межвоенный период.

Вопросы восприятия советской литературы в Словакии в межвоенный период были освещены в докладе канд. филол. наук Т. Ивановой, отметившей, что знакомство с советской литературой становится более интенсивным в конце 20-х годов, когда появились не только чешские, но и словацкие переводы советской литературы. С интересным сопоставлением словацкой и советской литературы для детей и молодежи выступил канд. филол. наук З. Клапик.

Более общий характер носили интересные доклады канд. филол. наук О. Марушьяка («Советская тематика в творчестве словацких писателей») и канд. филол. наук Д. Слободника («Словаки в советской прозе»), взаимодополнявшие друг друга.

Отношение двух выдающихся представителей словацкой социалистической литературы Л. Новомеского и П. Илемницкого к Советскому Союзу, к его рево-

люции и культуре стало темой докладов д-ра филол. наук К. Розенбаума и канд. филол. наук Б. Трухларжа.

Украинская тематика была представлена на конференции докладом М. Мольнара, посвященным новым исследованиям чешских и словацких мотивов в украинской поэзии XIX—XX вв. и докладом М. Неврли об инсценировке произведений украинских драматургов на словацкой сцене.

С интересными докладами в дискуссии выступили Е. Олонова, рассказавшая о словацкой литературе на страницах советской печати в 20—30-х годах; канд. филол. наук Д. Дюришин, говоривший о необходимости создания истории русской литературы для словацкого читателя; канд. филол. наук Е. Панова, остановившаяся на отношении Я. Есенского к советскому литературоведению; канд. филол. наук Я. Вельки, рассказавший о новых переводах произведений советской литературы.

Словацко-белорусские литературные отношения были затронуты в выступлении канд. филол. наук В. Жидлицкого. Выступивший в заключение д-р филол. наук М. Пишут подчеркнул, что конференция выполнила не только научную, но и общественную и политическую миссию и стала серьезным событием в деле укрепления традиционных словацко-русских и словацко-советских литературных и культурных связей.

София Леснякова

ИНТЕРЕС К СЛАВИСТИКЕ В ВЕНГРИИ

Научный интерес к славистике в Венгрии возник в конце XVIII в., когда католический монах Элек Горани, проникнутый идеями просветительства, подготовил энциклопедии на латинском языке (*Memoria Hungarorum I—III, 1775—1777; Nova Memoria Hungarorum I, 1792*), в которых он достаточно полно представил многих словацких, хорватских, сербских писателей и ученых. В эпоху романтизма венгерская литературная мысль использовала славянские фольклорные материалы; на основании сборников сербских и словацких народных песен делались общие принципиальные выводы относительно направлений развития литературы, ее методов, а также путей ее оформления в национальную. В 1810 г. билингвист Михай Виткович посвятил целый ряд исследований сербской народной поэзии и сербской литературе; Андраш Таис в 1827 г. положительно отозвался о «Дочери славь» Яна Коллара, ему же принадлежат сообщения о чешском литературном движении, в центре внимания которых находится Палацкий. Выдающимся достижением венгерской славистики I периода является сборник «Сербские народные песни и былины» (1836), составленный Йозефом Секачем. Первоклассные переводы были дополнены серьезной вступительной статьей и комментариями; сборник не только отразил новейшие достижения сравнительной этнографии славян, но и содержал верные замечания о сербском стихосложении.

В 1849 г. венгерская славистика получила самостоятельную кафедру — в Пештском университете. Ее главой становится Йозеф Ференц, который, начиная с 1850-х годов, вводит в число своих специальных курсов сербскую и хорватскую литературы, интерпретируя их по Шафартику. Следует отметить, что о Шафарике уже в 1841 г. появляется статья, достойно оценивающая его труды, а в 1877 г. выходит и содержательная биография ученого. Среди лучших произведений ранней венгерской славистики обращает также на себя внимание сборник статей писателя и журналиста Имре Гашпара «Словаки на территории нашей родины. Словацкий народ, словацкая поэзия» (1879).

Венгерская славистика первого столетия ее существования характеризуется скорей информативностью, чем новыми научными открытиями. Венгерское литературоведение переживает период сбора материалов, обнаружения литературных связей, издания текстов; первые попытки синтеза можно считать лишь экспериментом. Крупнейшее литературное объединение тех лет, «Общество Кишфалуди», выпускает сборник словацкой народной поэзии (1866), предпослав ему разверну-

тое предисловие, в Ежегодниках Общества не раз выступают словацкие и сербские поэты (в 1880 г. публикуется обширное исследование об А. Сладковиче, в 1889 г. — об Йоване Йовановиче-Змае). К концу XIX в., однако, резко обостряются венгерско-славянские противоречия. Венгерская информация о славянах ограничивается рамками газетной прессы, на кафедре славистики Пештского университета разрабатываются, в основном, лингвистические проблемы. Исключения составляют литературоведческие работы так или иначе связанные с историей венгерской литературы: южнославянско-венгерские связи в повестях и стихах XVI—XVII вв., южнославянские источники венгерского эпоса эпохи барокко («Сигетское бедствие» Миклоша Зрини), венгерские герои южнославянской народной поэзии.

Художественным переводом занимаются преимущественно дилетанты; крупные поэты, не владея славянскими языками, вынуждены обращаться к языкам-посредникам. Подготавливаются два полных перевода краледворской рукописи.

В XX в. разработка вопросов славистики приобретает все более глубокий характер. Однако этому препятствует изолированность Венгрии после первой мировой войны, а также определенные националистические тенденции. Свободными от этих тенденций были работы Йозефа Байзы: «Сербские поэты — по-венгерски», 1929—1931, «Хорватский эпос о короле Кальмане», 1928, «Гундулич», 1930 и т. д. Позже научное поколение 30-х годов отказалось от поисков односторонних влияний, что было характерно для позитивистов. Основное внимание было сосредоточено на венгеро-славянских связях, параллельных явлениях, восходящих к общему историческому прошлому. Ученые этого направления были сгруппированы вокруг левого журнала «Аполлон» (1934—1940), выступавшего как против сужения круга тем, так и против недооценки славянских литератур. Сотрудниками «Аполлона», между прочим, были и Томас Манн, Бела Барток, Золтан Кодай. Один из сотрудников «Аполлона», Оскар Шаркань, занимавшийся чешской литературой, доказал, что чешско-венгерские связи эпохи национального возрождения были очень оживленными. Ласло Хадрович стал специалистом по хорватской, сербской и словенской литературам, сосредоточив свое внимание на венгерских мотивах в древней хорватской и сербской литературах. Недавно он подготовил к печати, отобрал и прокомментировал материалы кайкавской хорватской литературы (*Kajkavische Literatur, 1964*). Его первый монографический труд «Интеллектуально-культурные связи венгров

и южных славян» (1944) обобщил материал венгерско-сербских, венгерско-хорватских и венгерско-словацких литературных взаимосвязей.

Ласло Сиклаи занимался исследованиями словацкой литературы с точки зрения ее венгерских связей; он написал ценные исследования о Гвездославе (1938), Сладковиче (1940). Составленный им сборник «Словацкая литература» (1942) представляет собой очерк словацкой литературы от ее истоков до конца XIX в. В 1962 г. исследователь издал первую иностранную историю словацкой литературы объемом в 800 стр.

Оскар Шаркань погиб мученической смертью, Ласло Сиклаи и Ласло Хадрович после освобождения с удвоенной энергией продолжали исследовательскую работу, создав целую серию монографий. В 1948—1949 гг. в распоряжение славистов был предоставлен журнал «*Etudes slaves et roumaines*», а с 1955 — «*Studia Slavica*» (позднее ежегодник «*Slavica*», выходящий в Дебредене). Журналы, издающиеся на венгерском языке тоже помещают на своих страницах работы по славистике. Л. Хадрович написал обширное исследование о южно-славянских мотивах в романе о Трое, а также провел анализ южно-славянского текста романа об Александре Великом. Кроме того, его перу принадлежат важные замечания о редких изданиях хорватских протестантов, анализ кайкавского хорватского молитвенника, относящегося к 1667 г., а также рукописных песенников и молитвенников словенской религиозной группы XVII в. «Четки». (Большинство этих работ было опубликовано на страницах «*Studia Slavica*»). Монография Л. Сиклаи «Ранний Гвездослав» (1965) явилась первой работой, исследовавшей юношеские стихи поэта, написанные по-венгерски и по-словацки. Этому кругу вопросов было посвящено свыше 50 научных публикаций ученого, появившихся в различных венгерских и словацких журналах. Международное признание заслужила и научная деятельность Ласло Добоши. В 1960-е годы он написал небольшие монографии о Чапеке и Гапшеке. Следует упомянуть здесь также имя Эндре Андяла, монография которого «*Die Slawische Barockwelt*» (1961) стала одним из основополагающих исследований в области славянского барокко. Андял широко занимался всеми славянскими литературами — в 1956 и 1962 гг. он опубликовал монографические работы о Колларе и Шафарике.

Л. Сиклаи выступил также инициатором сборников по проблемам историко-литературных связей, которые продолжали традиции, зародившиеся в 1942 г., когда появился сборник «Венгрия и Балканы» под редакцией Иштвана Гала. За ним последовал новый сборник «*Ungarn und die Nachbarvölker*» (1943,

в 1947 г. — на венгерском языке), редактором которого был также Иштван Гал. В этом сборнике была разработана методология и намечены основные направления исследования истории связей.

Следующая книга — «Исследования в области чешско-венгерских связей», вышедшая в 1965 г. (не только по-венгерски, но и по-чешки и по-словацки), красноречиво свидетельствовала о больших возможностях венгерской славистики. В 1969 г. вышел сборник «Исследования в области польско-венгерских литературных связей» на венгерском и польском языках. Последний сборник, вышедший в 1972 году, посвящен южнославяно-венгерским связям. С особым интересом разрабатываются сейчас проблемы полонистики, большое внимание уделяется творчеству А. Мицкевича.

Отдельного внимания заслуживает инициатива издательства «*Gondolat*», которое в 1960-е годы начало выпуск серии, посвященной истории европейских литератур. В каждом томе дается популярный обзор истории данной литературы, подготовленный венгерскими специалистами. Перу Эндре Ковача принадлежит обзор истории польской литературы, Петера Юхаса и Иштвана Шипоша — болгарской; Золтан Чука подготовил историю литературы югославских народов, Режё Салатнай — чешского и словацкого. Другое издательство выпустило ряд антологий, посвященных какой-либо национальной литературе. До настоящего времени в этой серии вышли «Зеркало болгарской литературы» и «Зеркало сербо-хорватских литератур».

На сегодняшней стадии исследований венгерская славистика стоит перед новой проблемой. Как показывают и практика, и упомянутые сборники, венгерская, румынская, новогреческая и даже австрийская литературы подчас гораздо более связаны с отдельными славянскими литературами, чем данная славянская литература — с другой славянской, географически от нее более удаленной. Поэтому на смену славистическим исследованиям или исследованиям двусторонних связей постепенно приходит комплексное исследование в области литератур Восточной и Центральной Европы. Экспериментальной в этой области можно считать монографию Ласло Гальди «Литературное развитие народов придунайских стран» (1947).

Следует отметить деятельность нового поколения славистов: несколько важных работ о проблемах восточно-европейского авангарда написал Эндре Бойтар; Стояну Д. Вуичичу принадлежит немалые заслуги в редактировании тома, посвященного южнославяно-венгерским связям, автор настоящего очерка занимается словацкими и южнославянскими языково-литературными явлениями.

Венгерские слависты принимают участие и в международных конференциях

по славистике, их исследования появляются на страницах немецких, чешских, словацких, сербских, хорватских, австрийских, французских и советских изданий.

Следует также добавить, что почти все чешские, сербские, хорватские, польские и словацкие классики (в том числе и новейшие) изданы на венгерском языке в виде отдельных томов или полных собраний сочинений, снабженных исчерпывающим аппаратом. Все это красноречиво говорит о работе венгерских славистов. Добавим еще и то, что в Венгрии пользуется известностью и литературоведение славянских народов: появилось исследование о чешском структурализме, несколько статей и рецензий — о словацком, польском, а также серб-

ском литературоведении; журнал «Né-líkol» регулярно публикует сообщения о крупнейших литературоведческих работах в славянских странах. Представители венгерской науки приняли участие в симпозиумах по проблемам словацко-венгерских, а также южнославянско-венгерских связей; Институт истории литературы АН ВНР организовал в 1971 г. венгерско-словацкую, а в 1972 г. — венгерско-южнославянскую научные конференции.

Венгерские слависты следуют завету великого венгерского пролетарского поэта Аттилы Йожефа, который сказал: «Уладить наконец наши общие дела... Это — наша работа...»

Иштван Фрид

УКАЗАТЕЛЬ
СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ
В ЖУРНАЛЕ В 1973 г.

СТАТЬИ

А н д р ю ш и н Е. Н. Димитр Благоев о диктатуре пролетариата	№ 1
Б и р м а н М. А. Революционное движение болгарского пролетариата в 1918— 1923 гг. и антифашистское сентябрьское восстание 1923 года	№ 5
Б р о м л е й Ю. В., Г р а ц и а н с к а я Н. Н. Этнографические аспекты карпатоведения (в связи с работой Международной комиссии карпатской культуры)	№ 6
В е н д и н а Т. И. К вопросу о результатах прогрессивной палатализации задненебных (Конкуренция суффиксов в южнославянских языках)	№ 4
В л а с о в а М. Новеллизация гавенды в творчестве Дыгасиньского	№ 6
Г л е б о в В. Л. Общие тенденции балканской политики великих держав в конце XIX — начале XX века	№ 4
Г р и ц к е в и ч А. П. Материалы из истории случких избранцев как источ- ник по крестьянской генеалогии	№ 5
Г р и ш и н а Р. П. Отечественный фронт Болгарии после победы восстания 9 сентября 1944 года	№ 3
Д м и т р и е в П. А. Выделительные и распространительные определительные придаточные в славянских языках	№ 1
Д о л г о п о л ь с к и й А. Б., Д ы б о В. А., З а л и з н я к А. А. Вклад В. М. Иллич-Свитыча в сравнительно-историческую грамматику индоевро- пейских и ностратических языков	№ 5
З а б о р о в с к и й Л. В. Русская дипломатия и начало Первой северной войны (январь — октябрь 1655 г.)	№ 1
З е л е н и н В. В. Важная историческая веха (К 30-й годовщине Второй сессии Антифашистского веча народного освобождения Югославии)	№ 6
И в а н о в Вяч. В. Язык как один из источников этногенетических иссле- дований и проблематика славянских древностей	№ 4
К а р с к а я Т. С. Н. С. Лесков и Божена Немцова (К вопросу о творческих контактах писателя)	№ 2
К и п а р с к и й В. К истории славяноведения в Финляндии	№ 3
К и р с е н к о М. В. Роль Греции в образовании Балканского союза 1912 года .	№ 3
К л е п и к о в а Г. П. Об изучении лексических заимствований из румынского языка в карпато-украинских говорах	№ 6
К н я ж е ц к а я Е. А. Связи России с Далмацией и Бокой Которской при Петре I	№ 5
К о з л о в с к и й П. Г. Организация магнатского хозяйства на западе и в центре Белоруссии во второй половине XVIII века	№ 4
К о р о л ь к В. Д. К исследованиям в области этногенеза славян и восточных романцев	№ 3
К о с т ь у ш к о И. Боевые традиции народного Войска Польского	№ 5
К у р г у н ь я н Т. А. «Пакт четырех» и чехословацкая дипломатия	№ 3
Л а в р и к Э. Г. Борьба Коммунистической партии Словакии за создание единого Союза! словацких крестьян. 1945—1947 гг.	№ 1
Л е л е к о в Л. А. К реконструкции раннеславянской мифологической си- стемы	№ 1
Л е щ и л о в с к а я И. И. Людевит Гай	№ 2
Л е щ и л о в с к а я И. И., Ф р е й д з о н В. И. Революция 1848—1849 годов и угнетенные народы Австрийской империи	№ 6
Л ь о в а Е. Московское художественное училище и болгарские художники в 50—70-е годы XIX века	№ 4
М а с л о в Ю. С. Универсальные семантические компоненты в содержании грамматической категории совершенного-несовершенного вида	№ 4

Менская Т. Б. Об одном типе морфологического заимствования: болгарские суффиксы <i>-ос-, -'ас-, -ис-</i> и <i>-(дис/тис)-</i>	№ 2
Михалькевич С. Структура рабочего класса Силезии во второй половине XIX века	№ 5
Михутина И. В. СССР и польско-германское сближение на рубеже 1933—1934 годов	№ 6
Мочалова В. Рыбалтовская комедия в истории польской драмы первой четверти XVII века	№ 5
Мунтян М. А. К вопросу о приеме Болгарии в Организацию Объединенных Наций	№ 2
Недорезов А. И. Историческое значение февральских событий 1948 года	№ 4
Никольский С. В. Художественное сознание эпохи национального Возрождения (На материале чешской, словацкой, болгарской литератур)	№ 4
Павлова Р. К. К вопросу о сопоставительном исследовании семантики предлогов	№ 3
Покивайлова Т. А., Шароватова Р. С. О некоторых чертах социалистических преобразований в европейских социалистических странах (На опыте Чехословакии, Венгрии и Румынии)	№ 2
Прокофьева Д. С. Юзеф Коженевский в переписке с издателем (1840—1860)	№ 2
Рябова Е. И. О литературе «измов» и ее службе революции	№ 3
Стемпень М. Между литературой и политикой (Из литературной жизни Польши 30-х годов XX века)	№ 3
Чубиньский А. Лейпцигский процесс и общественное мнение Польши	№ 2
Якубчик В. Прусская колонизация польских земель и ее вдохновители (1886—1918 гг.)	№ 1

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

Агапкина Т. П. Переписка польских и советских писателей (К истории польско-советских литературных связей 20—30-х годов)	№ 4
Беляева В. И. Деятельность А. А. Вознесенского в Общеславянском комитете и Славянском комитете СССР	№ 3
Грозиенчик Й. Неуды и Советский Союз	№ 6
Молок Ф. А. Переписка чехословацких литераторов с Союзом советских писателей в конце 30-х годов	№ 1
Прокофьева Н. А. Репертуар Театра драмы и комедии на Таганке на чехословацкой сцене	№ 3

ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Пуцко В. Г. Памятник древнесербской живописи в Московском Кремле	№ 2
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Аврус А. И., Бабиченко Л. . Книга о международной помощи болгарским революционерам	№ 4
Алексеев А. А., Мещерский Н. А. Новое исследование кирилло-мефодиевской проблемы	№ 2
Бегунов Ю. К. Вклад в изучение деятельности Кирилла и Мефодия	№ 3
Белозерова О. М. Пути к реализму	№ 4
Бернштейн С. Б. Fran Ranoš. Zbrano delo. Prva knjiga	№ 1
Библиография (составители: Калоева И. А., Козловская И. И., Кошкина Е. А., Ларичева Н. М., Огнева А. Я., Павленко Г. И., Смирнова Р. Н.)	№ 1—6
Большаков Л. Н. Г. С. Сапаралиев, В. А. Дьяков. Общественно-политическая деятельность сыльных поляков в дореволюционном Казахстане	№ 1
Венедиктов Г. К. Журнал белорусских языковедов	№ 4
Виноградов В. И. А. А. Улуниан. Болгарский народ и русско-гурецкая война 1877—1878 гг.	№ 3
Георгиев К. Веселин Трайков. Раковски и балканските народи	№ 2
Гольберг М. Я. Новые материалы о Вуке Караджиче	№ 2
Горский И. К. Издано в Польше	№ 6
Гришина Р. В. Д. Вознесенски. Цар Борис, Хитлер и легионерите	№ 1
Гроссман Ю. М. Референдарский суд в последние годы своего существования	№ 4

Гросул В. Я. К. А. Поглубко. Очерки истории болгаро-русских революционных связей (60—70-е годы XIX века)	№ 5
Достьян И. С. Политика России в отношении Турции и балканских народов в 1813—1815 годах	№ 5
Жигулев А. Свод польских пословиц	№ 3
Исламов Т. М. Книга по истории пангерманизма в Австрии	№ 5
Кадацкий В. Новый журнал болгарских историков	№ 6
Каждан А. A. Stauridi-Zaphraka. He synantese Symeon kai Nikolau Mystiku (augustas 913) sta plaisia tu byzantinobulgariku antagonismu	№ 6
Кишкин Л. А. А. Чума. Ян Амос Коменский и русская школа (до 70-х годов XVIII века)	№ 5
Кишкин Л. С. Новое издание «Шпаличка» М. Алеша	№ 2
Климовский Д. С. А. Ф. Носкова. Разорение экономики Польши гитлеровской Германией 1939—1944	№ 4
Королюк В. Д. «Славянский сборник»	№ 5
Костюшко И. Czeslaw Łuczak. «Kraj Warty» 1939—1945. Studium historyczno-gospodarcze okupacji hitlerowskiej	№ 3
Лапатухина О. Р. Книги о Реймонте	№ 2
Лаптева Л. Новое издание хроники Козьмы Пражского	№ 4
Липатов А. В. Ренессанс и барокко в новейших польских исследованиях	№ 6
Липатов А. В. Роман молодой Польши в аспекте исторической поэтики	№ 2
Марьина В. Книга о Кlemente Готвальде	№ 3
Матвеев Г. Z. Landau, J. Tomaszewski Zarys historii gospodarczej Polski 1918—1939	№ 1
Миллер И. С., Штакельберг Ю. И. S. Kieniewicz. Powstanie styczniowe	№ 4
Молок Ф. А. Cestmir Amort. Přatelé Sovetského Svazu	№ 6
Москаленко А. Е. Л. В. Горина. Социально-экономические отношения во Втором Болгарском царстве	№ 5
Норман Б. Ю. В. П. Проничев. Синтаксис обращения (На материале русского и сербохорватского языков)	№ 1
Орехов А. М. Новая книга о русско-польских революционных связях в XIX веке	№ 6
Орловский Я. Польская антология древней русской литературы	№ 2
Пальок В., Поп И. Книга о Ю. И. Бенедике	№ 2
Писарев Ю. Д. —Д. Вуловић. Црна Гора и Француска. 1860—1914	№ 4
Порочкина И. М. Серьезный вклад в изучение чешского реализма	№ 6
Пугач Е. П., Марьина В. В., Мурашко Г. П. Путь чехословацкого крестьянства к социализму (1948—1960)	№ 5
Сидельников С. Новые работы о Г. С. Раковском	№ 3
Сидельников С. И. Исследование по истории болгарского национально-освободительного движения в XIX веке	№ 2
Софронова Л. Исследование польского школьного театра	№ 3
Спиваковский Е. И. Традиции интернационального единства	№ 4
Станкевич Е. Е. «Historia Śląska», t. II	№ 3
Тецкевич С. Kwartalnik historii ruchu zawodowego	№ 6
Титова Л. Второй том «Истории чешского театра»	№ 3
Толстая С. М. Современное состояние польской диалектологии (Краткий библиографический обзор)	№ 5
Фирсов Ф. Р. А. Ермолаева, А. Я. Маусевич. Ленин и польское рабочее движение	№ 2
Фрейденберг М. М. Средневековый город в хорватской исторической литературе (1960—1970)	№ 1
Хорев В. Leon Kruczkowski. Literatura i polityka	№ 4
Хорев В. Tadeusz Wujnicki. Władysław Broniewski	№ 6
Цыбенко Е. З. Новое исследование о польско-русских литературных взаимосвязях в XIX веке	№ 1
Цыбенко Е. З., Хитаршвили В. И. Журнал польских славистов	№ 3
Черняловский З. J. Bardach. Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV—XVII w	№ 2
Чуркина И. В. М. Tanty Panslawizm, carat, polacy	№ 5
Яковлева Н. Цола Драгойчева. Повеля на дълга (Спомени и размисли)	№ 6

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А. Б. Заседание Ученого совета Института славяноведения и балканистики АН СССР, посвященное 50-летию образования СССР	№ 3
Булатова Р. В., Бернштейн С. Б. Конференция по сравнительно-исторической грамматике	№ 5

В. Д. Научная сессия Комиссии историков СССР и ПНР	№ 3
Валев Л. Б. Конференция по проблемам болгарской историографии	№ 1
Великов С. Защита диссертации	№ 6
Виноградова А. И. Защита диссертации	№ 4
Виноградова Л. Н. Сектор историко-культурных проблем Института славяноведения и балканистики АН СССР и перспективы его исследований	№ 4
Воробьева Е. Заседание Комиссии историков СССР и ЧССР	№ 3
Гиндин Л. А. О работе межинститутского Балканского семинара	№ 1
Григорян Э. Международный летний семинар по македонскому языку, литературе и культуре в Скопле и Охриде	№ 2
Докулил М. Восьмидесятилетие академика Богуслава Гавранека	№ 4
Еремеева Г. В Институте славяноведения и балканистики АН СССР	№ 1
Жакова Н. К., Тугушева Р. Х. Торжественное заседание, посвященное памяти Ю. Фучика	№ 5
Зеленин В. В. Новая исследовательская комиссия Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы	№ 6
Злыднев В. «Изучение славянских культур» — новый Проект ЮНЕСКО	№ 1
Леснякова С. Советский Союз и словацкая литература	№ 6
Липтак Ш. Защита докторской диссертации советским лингвистом в Братиславе	№ 4
Менская Т. Симпозиум по проблемам карпатского языкознания	№ 6
Можейко Н. С. Республиканская конференция славистов в Минске	№ 6
Мокиенко В. М. Защита докторской диссертации в Ленинградском университете	№ 1
Наумов Е. П. Кишиневский симпозиум «Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма»	№ 6
Невская Л. Кузнецовские чтения в Институте славяноведения и балканистики АН СССР	№ 4
Пилишек Е. Научная встреча историков СССР и ПНР	№ 3
С-В-Н. Научные сессии за рубежом, посвященные 50-летию образования СССР	№ 3
Сафронов Г. Защита диссертации	№ 5
Титова Л. В Комитете по изучению славянских культур при Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО	№ 6
Фрид И. Интерес к славистике в Венгрии	№ 6

НЕКРОЛОГИ

Злыднев В. И. Академик Людмил Стоянов	№ 5
Костюшко И. М. В. Миско	№ 3
Миллер И. Мариан Жиховский	№ 2
Цейтлин Р. Профессор Й. Курц	№ 4

CONTENTS

<p><i>V. V. Zelenin.</i> The Important Historical Boundary Mark (to the 30 Anniversary of the Second Session of Antifascist Council of National Liberation of Yugoslavia. <i>I. V. Michutina.</i> U.S.S.R. and Polish-German Rapprochement on the Verge of 1933 — 1934. <i>I. I. Leshchilovskaya, V. I. Freidzon.</i> Revolution of 1848—1849 and Oppressed Peoples of the Austrian Empire. <i>M. Vlasova.</i> The Novellisation of the Gavenda in Dyhasiński's Work. <i>Yu. V. Bromley, N. N. Gratsianskaya.</i> The Ethnographical Aspects of the Carpathian Studies (on the Work of the International Commission for the Carpathian Culture). <i>G. P. Klepikova.</i> On the Study of Lexical Borrowings from Roumanian in the Carpatho-Ukrainian Dialects . . . . .</p>	3
---	---

PEOPLE, EVENTS, FACTS

<i>J. Hrozičnik</i> (Czechoslovakia). Nejedlý and the Soviet Union	81
--	----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<p><i>N. Yakovlev.</i> Цола Драгойчева. Повеља на дълга (Спомени и размисли). <i>F. A. Molok.</i> Cestmír Amort. Přítelè Sovětského Svazu. <i>S. Stetskevich.</i> «Kwartalnik Historii Ruchu Zawodowego». <i>A. M. Orechov.</i> A New Book about Russian-Polish Revolutionary Connections in the XIXth Century. <i>A. Každan.</i> A. Stauridu-Zaphraka. He synantese Symeon kai Nikolau Mystiku. (augystos 913) sta plaisia tu byzantinobulgariku antagonismu. <i>V. Kadatsky.</i> A New Magazine of Bulgarian Historians. <i>I. K. Gorsky.</i> Published in Poland. <i>V. Chorev.</i> Tadeusz Bujnicki. Władysław Broniewski. <i>I. M. Porochkina.</i> A Fundamental Contribution to the Study of Czech Realism. <i>A. V. Lipatov.</i> Renaissance and Baroque in the Newest Polish Studies . . . . .</p>	85
---	----

B i b l i o g r a p h y

The Main Articles and Materials on the Present State, History, Culture and Languages of the Foreign Slav Peoples Published in the Soviet Periodicals in 1973. The Contents of Foreign Periodicals	104
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

<p><i>L. Titova.</i> Committee for the Study of Slav Cultures Attached to the U.S.S.R. Commission on UNESCO Affairs. <i>V. V. Zelenin.</i> The New Research Commission of the International Association of South-Eastern Studies. <i>Je. P. Naoumov.</i> The Symposium «South-Eastern Europe in the Period of Feudalism» at Kishinev. <i>T. Menskaya.</i> A Symposium on the Problems of the Carpathian Linguistics. <i>N. S. Možeyko.</i> The Republican Conference of Slavists in Minsk. <i>Stefan Velikov</i> (Bulgaria). The Defence of a Dissertation Thesis. <i>Sonja Lesnjakova</i> (Czechoslovakia). The Soviet Union and the Slovakian Literature. <i>Ishivan Frid</i> (Hungary). Interest in Slavistics in Hungary . . . . .</p>	111
--	-----

Index of articles and materials published in the magazine in 1973	124
---	-----

Технический редактор *Сенченко Т. Н.*

Сдано в набор 10/VIII-1973 г.	Т-16228	Подписано к печати 11/X-1973 г.	Тираж 1165 экз.
Зак. 2750	Формат бумаги 70×108 ^{1/2} ₁₆	Усл. печ. л. 11,2	Уч.-изд. л. 13,6

2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10

БОЛЬШАЯ ОБЛАДКА 34/38 КВ 40

ТОЛСТОЙ

70891

1-12

Цена 1 руб.

Индекс 70891

Издательство «Наука»
Центральная контора «Академкнига»

Имеются в продаже книги:

Литература славянских народов.

Вып. 5. Сборник статей. 1960. 276 стр. 1 р. 25 к.

Вып. 6. Сборник статей. 1961. 278 стр. 1 р. 45 к.

Марков Д. Ф. **Болгарская поэзия первой четверти XX века.** 1959. 287 стр. 50 к.

Марков Д. Ф. **Генезис социалистического реализма.** Из опыта южнославянских и западнославянских литератур. 1970. 308 стр. 1 р. 16 к.

Очерки истории болгарской литературы XIX—XX веков. 1959. 520 стр., 5 вкл. 30 к.

Пути реализма в литературах стран народной демократии. (20-е—30-е годы). 1965. 256 стр. 87 к.

Развитие зарубежных славянских литератур на современном этапе. 1966. 440 стр. 1 р. 55 к.

Славянские литературные связи. 1968. 286 стр. 1 р. 53 к.

Славянский и балканский фольклор. 1971. 252 стр. 1 р. 11 к.

Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей.
Сост. Н. Ф. Бельчиков, Ю. К. Бегунов, Н. П. Рождественский. 1963. 359 стр. 1 р. 20 к.

Формирование социалистического реализма в литературах западных и южных славян. Сборник статей. 1963. 433 стр., 1 р. 20 к.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

117463 МОСКВА, В-463, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

197110 ЛЕНИНГРАД, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайшие магазины «Академкнига».

Адреса магазинов «Академкнига»:

480391 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13; 320005 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 664033 Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 303; 252030 Киев, ул. Ленина, 42; 277012 Кишинев, ул. Пушкина, 31; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 192104 Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57; 199164 Ленинград, Менделеевская линия, 1; 199004 Ленинград, 9 линия, 16; 103009 Москва, ул. Горького, 8; 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; 630076 Новосибирск, 91, Красный проспект, 51; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700029 Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 73; 700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43; 634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18; 450075 Уфа, Коммунистическая ул., 49; 450075 Уфа, проспект Октября, 129; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310003 Харьков, Уфимский пер., 4/6.